

10 ЛЕТ РЕФОРМ: СТАЛА ЛИ РОССИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ?

А 01 - 00314



**Москва
2000**

Бузгалин А., Воейков М., Котц Д. и др. Десять лет реформ: стала ли Россия капиталистической? М., 2000. 176 С.

В настоящем сборнике представлены материалы международного теоретического семинара «Какая социально-экономическая система сложилась в России на пороге XXI века?», который состоялся в ноябре 1999 г. на экономическом факультете МГУ при содействии Фонда Ф.Эберта. В работе семинара приняли участие ученые из США и других стран, а также преподаватели и научные сотрудники МГУ и ряда исследовательских институтов РАН.

В центре внимания авторов такие проблемы как:

- Методология социально-экономической природы российской экономики: в какой парадигме вести исследование?
- Оценка социально-экономической системы, сложившейся в России.
- Место российской социально-экономической системы в глобальной экономике XXI века (теоретико-методологический аспект).

Для специалистов в области теории переходных экономик

Тексты докладов публикуются в авторской редакции.
Составители сборника: П.Шульце, А.Бузгалин, М.Воейков, З.Корчагина

ISBN 5-85545-011-2

© Коллектив авторов, 2000

СОДЕРЖАНИЕ

	3
Предисловие.....	4
Бузгалин А.В. Российская экономика как мутация "позднего капитализма".....	8
Радаев В.В. Российская переходная экономика: критерии подхода и оценки.....	29
Клоцвог Ф.Н. Социально-экономическое положение и перспективы СНГ.....	43
Котц Д. Становится ли Россия капиталистической?.....	51
Красникова Е. В. Россия: первоначальное накопление капитала.....	71
Воейков М.И. Экономические реформы и проблема социально-экономической трансформации России.....	91
Колганов А.И. Десять лет реформ в России: глобальный контекст.....	117
Зяблюк Р.Т. Экономическая система России.....	131
Кондрашева Т.К. Переход – куда?... ..	145
Пивоварова М.А. Система неформального капитализма в России.....	167

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящем сборнике представлены материалы международного теоретического семинара «Какая социально-экономическая система сложилась в России на пороге XXI века?», который состоялся в ноябре 1999 г. на экономическом факультете МГУ при содействии Фонда Эберта. В работе семинара приняли участие ученые из США и других стран, а также преподаватели и научные сотрудники МГУ и ряда исследовательских институтов РАН.

В центре дискуссии на семинаре оказались следующие проблемы:

- Методология социально-экономической природы российской экономики: в какой парадигме вести исследование?
- Оценка социально-экономической системы, сложившейся в России;
- Место российской социально-экономической системы в глобальной экономике XXI века (теоретико-методологический аспект).

Теоретический семинар поставил перед собой задачу обмена результатами научного поиска в области экономической теории, обобщения и дальнейшего развития научных исследований. Особое внимание в дискуссиях было уделено методологическим вопросам становления и развития социально-экономической системы России.

В докладах и выступлениях обсуждался вопрос о природе социально-экономического строя, сложившегося в России и в целом ряде стран. В ряду других активно обсуждалась гипотеза, в соответствие с которой пост-«социалистические» экономики возникли в результате полураспада мировой системы социализма. Исходя из двух основных тезисов: о (1) наличии в истории социально-экономического развития качественных изменений и (2) нелинейности течения социально-экономического времени, была сформулирована гипотеза, суть которой состоит в том, что «переходные общества (экономики)» – это феномены реверсивного хода истории, приводящего к образованию различного рода мутаций позднего капитализма. Они суть продукт: (1) полураспада «реального социализма» и (2) глобальной гегемонии капитала. Столкновение этих процессов привело к рождению мутантного капитализма как подсистемы глобального капитала. При этом делался вывод, что суть прежней системы может быть выражена категорией «мутантного социализма», под которым понимается тупикивый в историческом смысле ва-

риант общественной системы, не образующей устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к капитализму. Отмечалось, что в России возник мутант позднего капитализма периферийного зависимого вида. Он характеризуется реверсивным историческим движением, приводя к развитию добуржуазных и мутантно-социалистических форм; деградации ростков периферийного зависимого вида капитализма; регрессу и производительных сил, и человека.

Доказывалось, что в российской экономике до настоящего времени не сложилась рыночная капиталистическая система хозяйствования. Господствующая система экономических отношений основана на потреблении невозобновляемых ресурсов и проедании капитала, вывоза капитала за границу. С отменой централизованного планирования в России возник тип рыночной системы. Однако это весьма искаженная система рынка. По некоторым оценкам около 70-80% обменов товаров протекает в виде бартера или на основе денежных суррогатов; поставка товаров осуществляется без платежей за них. Продолжается выпуск продукции, несмотря на отсутствие эффективного спроса на нее. Товары, которые производят рабочие, возвращаются к ним в виде заработной платы. Наем рабочей силы носит видимость контрактной рабочей силы. Заработная плата выплачивается нерегулярно и не покрывает даже большинства необходимых для жизни расходов.

Огромные доходы российского класса богачей происходят не из производства прибавочной стоимости, а связаны с экспортом сырья, доходами от контроля над городской недвижимостью, торговлей, спекуляциями, вымогательством, разворыванием общественных фондов.

Наряду с этим было предложено и объяснение переходной экономики как периода первоначального накопления капитала в специфических условиях распада социалистической системы.

Была высказана и оригинальная гипотеза, в соответствии с которой распад командной экономики и авторитарной политической системы на пространстве СНГ рождает процессы реверсивного хода времени, что приводит к возникновению отношений, напоминающих социально-экономические формы позднего феодализма в Европе. Это, в частности, касается таких процессов как частичная натурализация экономики, развитие различных форм внеэкономического подчинения и личной зависимости, стремление к извлечению рентных доходов и др. В результате на постсоветском пространстве образуются многооб-

разные иерархически организованные группы, отношения в которых напоминают формы зависимости в поздне-феодалных корпоративных структурах.

Был также сделан вывод, что во-первых, отечественные экономисты недостаточно исследуют методологические и теоретические проблемы современной трансформации, её место в историческом развитии России, общности с аналогичными процессами в других странах. Недостаток в подобных исследованиях оставляет скрытыми и непонятными многие аспекты современного трансформационного процесса. Во-вторых, происходящее ныне изменения в обществе не являются настолько радикальными, чтобы можно было говорить о принципиальной смене социально-экономического строя.

Поиск ответов на вопрос о природе российской экономики и месте России в глобальной экономической структуре предполагает глубокий анализ отношений сложившейся хозяйственной системы. Формирование же новой экономической парадигмы должно соответствовать качественно новому типу макрохозяйственного регулирования, что предполагает исследование хозяйственной системы как единого целого с момента её зарождения до неизбежной смены другой системой хозяйствования. В настоящее время наблюдается зарождение качественно нового типа макрохозяйственного регулирования, опирающегося на ряд макрохозяйственных связей, включая финансовые, производственные, организационные, информационные и т.д. Объектом такого регулирования выступают хозяйственные системы отдельных стран и даже целые регионы государств. Проблемы глобализации в последние годы выдвигают качественно иные требования к национальным экономикам и, в частности, ограничения числа безработных, преодоления экономических кризисов и т.д., что оказывает заметное влияние на макропропорции и весь процесс воспроизводства.

Вместе с тем, отмечалось в ходе дискуссий, что плановая экономика оказалась способной выжить и даже длительно развиваться. Длительность этого процесса трудно объяснить идеологическими причинами, но можно объяснить реальным материальным основанием — интенсивным использованием «эффекта масштаба», рождающегося вместе с индустриализацией и широкими природными возможностями России, движением к крупному и сверхкрупному производству, которое приняло сплошной характер. Это движение, не учитывая специфику отрасли, региона, пределы концентрации, столкнулось с ограничением управляемости промышленных гигантов, снижением

эффективности и невозможностью их модернизации, сменилось движением в обратном направлении — к прямому разрушению. С проблемой «эффекта масштаба» тесно связана и проблема естественной монополии. Эта связь часто игнорируется, подталкивая практиков к борьбе с естественными монополиями, к разделению владением ресурсами. При этом не осознается фундаментальность эффекта от роста масштаба и возможностей национальных от него выгод.

Анализируя итоги десятилетнего опыта экономических преобразований в России, участники дискуссии отмечали, что реформирование экономики не привели к ослаблению дискуссий о будущем России, что в процессе происходящих трансформаций вряд ли можно говорить о создании в нашей стране капиталистической системы, адекватной теоретической модели капитализма. Ещё предстоит дать адекватное название той системе, которая в настоящее время формируется в России и задача, которой не в становлении капиталистической системы XIX-XX вв., а в создании высокоразвитой экономики с многообразием форм собственности, способной реализовать прогрессивные тенденции мирового развития.

А. Бузгалин, М. Воейков, З. Корчагина

Авторы сборника:

Бузгалин А.В. — д.э.н., проф. МГУ
Воейков М.И. — д.э.н., проф., в.н.с. ИЗ РАН
Зяблюк Р.Т. — к.э.н., доцент МГУ
Ключев Ф.Н. — д.э.н., проф., в.н.с. ЦЭМИ
Колганов А.И. — д.э.н., в.н.с. МГУ
Кондрашева Т.К. — к.э.н., с.н.с. МГУ
Корчагина З.А. — к.э.н., с.н.с. МГУ
Котц Д. — проф. ун-та Массачусетс
Красникова Е.В. — к.э.н., доцент МГУ
Пивоварова М.А. — к.э.н., доцент МГУ
Радаев В.В. — д.э.н., проф. МГУ

Составители сборника:

Шульце П., Бузгалин А.В., Воейков М.И., Корчагина З.А.

**Российская экономика как мутация
"позднего капитализма"
(некоторые методологические гипотезы,
позволяющие понять природу
социально-экономического строя,
складывающегося в России)**

Существование, кризис и *полу-распад*¹ мировой социалистической системы превратили некогда мощный "второй мир", так называемую "Мировую социалистическую систему (МСС)" в арену столкновения чудовищно-противоречивых процессов, способных оказывать существенное влияние на жизнь глобальной социально-экономической системы. Еще более значимым (во всяком случае для автора этой работы) является вопрос о **природе социально-экономического строя, сложившегося в России** и в целом в странах, возникших в результате полураспада МСС.

В своей работе автор, опираясь на предыдущие публикации (где я, в частности, показал и роль моих учителей и коллег в разработке предлагаемой вниманию читателя гипотез)² исходит из тезисов о (1) наличии в истории социально-экономического развития, качественных изменений (например, генезис, упрочение и торжество буржуазных социально-экономических систем по мере отмирания, прохождения феодальных и азиатских общества), а так же (2) нелинейности течения социально-экономического времени.

Первый тезис предполагает, что буржуазная социально-экономическая система (как и все остальные) *исторична*, т.е. возникнув (на протяжении XV-XIX веков) и став господствующей

¹ Этот распад не завершен и возможно так и не завершится в ближайшее время: в социально-экономической жизни стран СНГ, Центральной и Восточной Европы все еще сильны инерционные процессы, сохраняются значимые "пережитки" прежней системы. Китай, Вьетнам, Куба и т.п. (а это 1/5 населения Земли) продолжают целенаправленно развивать некоторые основные черты прежней системы.

² См., в частности: Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости. М.: Экономическая демократия, 1998; Альтернативы модернизации российской экономики (п.р. Бузгалина А.В. и др.). М.: Экономическая демократия, 1997 (часть 1).

в современном мире (в конце XIX-XX века), она может и должна смениться пост-капиталистической системой, равно как и в целом общественная жизнь, основанная на господстве материального производства и отчуждения, может и должна смениться новым по своей природе социальным развитием³. Более того, автор исходит из того, что такой процесс *генезиса нового качества социальной жизни, лежащего "по ту сторону" материального производства* (Маркс), *отчуждения, общества пост-индустриального* (Белл), *пост-капиталистического* (Дракер), уже начался в современном глобальном мире и в XXI веке станет ключевой, определяющей тенденцией.

Второй тезис - акцент на нелинейности социального развития - в частности, означает возможность возникновения застойных "болот" исторического процесса (там, где развитие тех или иных конкретных социумов упирается в объективные и/или субъективные преграды), "стремнин" (ускоренного развития в ходе революций и модернизаций, когда горный поток ускоренного развития сметает все на своем пути) и ползатных (реверсивных) движений. Точно так же возможны как относительно "чистые", приближающиеся к main stream истории социумы, становящиеся "классическими образцами" того или иного устройства общества (например, английский или американский капитализм, до сих пор описываемый как "образец" во всех учебниках есономіcs), так и существенные "отклонения" от основной дорожки истории, которая, как известно, идет зигзагами.

В последнем случае общественное развитие, сойдя с магистральной и попав в бурелом исторических чащоб, сталкивается с мощными объективными и субъективными воздействиями, "калечащими", "уродующими" этот социум. Приспосабливаясь к неадекватным условиям, "среде" последний *мутирует*, образуя подчас весьма странные общественно-экономические системы. При этом в периоды радикальных, качественных социальных изменений появление таких многочисленных социумов-мутантов является скорее правилом, чем исключением.

Эти ремарки позволяют автору сформулировать следующую гипотезу. Так называемые "переходные общества

³ Эти давно известные идеи были многократно раскрыты автором (См.: По ту сторону отчуждения. М., 1990; Бузгалин А.В. По ту сторону царства необходимости; "Это сладкое слово свобода..."/Свободная мысль, 1999, №9, 12). В последние годы вышла серия работ О.Антипиной, В.Иноземцева, В.Красильщикова, В.Хороса и многих других авторов.

(экономики)" – это феномены реверсивного хода истории ("отката" от первоначальной, крайне противоречивой и незавершенной попытки движения к пост-капиталистическому строю), приводящего к образованию различного рода мутаций позднего капитализма. Они суть продукт:

1. полураспада "реального социализма" (когда образовавшиеся в процессе перехода к посткапиталистическому строю новые социумы мутировали под воздействием как внутренних противоречий, так и неблагоприятной внешней среды, образовав крайне противоречивую и, в конечном счете – тупиковую с социально-экономической и политической точек зрения, но относительно развитую в технико-экономическом, культурном и геополитическом отношении систему) и
2. глобальной гегемонии капитала (когда власть последнего оказывается тем мощным "полем", которое подчиняет себе достаточно развитые экономико-политические системы, содействуя их попятному движению к [полу-] периферийному капитализму зависимого типа).

Столкновение этих процессов и привело к рождению (еще не завершенному) **мутантного капитализма как подсистемы глобального капитала.**

Этот подход автора и его коллег принципиально отличается от господствующей ныне в экономической науке однозначной квалификации пост-"социалистических" экономик как переходных от плановой (командной и т.п.) экономики к рыночной. При этом настаивая в своих методологических работах на необходимости позитивного и дискриптивного подхода в данном случае те же авторы однозначно применяют нормативный подход. По сути дела они выдают желательную (для них и тех социальных сил, чьи интересы они выражают) **целевую установку** – более или менее быстрое (радикал-реформаторы – градуалисты) движение на пространстве МСС к капиталистической системе – за объективное содержание экономических процессов в наших государствах. А это содержание куда как отлично от установок авторов реформ.

На наш взгляд, **проблема трансформаций на пространстве МСС может рассматриваться исключительно как один из аспектов глобального процесса нелинейного процесса рождения нового качества общества (постиндустриальное общество, "царство свободы"), а именно, как реверсивное движение из тупика мутантного социализма не вперед, а назад, к мутантному капитализму полупериферийного типа.**

Переход - откуда? (к теории мутантного социализма)

Содержательно социально-экономическая система "социализма", сложившегося в наших странах (пока оставим в стороне категориальное определение этого строя) может быть описана, опираясь на разработки как зарубежных аналитиков "социализма" (от Ф.Хайека через Я.Корнаи к А.Нуву), так и политической экономии социализма (при условии "выворачивания на лицо" ее апологетических характеристик). В этом случае мы смогли выделить систему противоречивых черт, соединяющих мутации и живые ростки посткапиталистического общества

В области **аллокации ресурсов** (типа координации, формы связи производства и потребления, распределения ресурсов, поддержания пропорциональности) – господство бюрократического централизованного планирования (позволяющего эффективно перераспределять важнейшие ресурсы, обеспечивающего высокие темпы роста тяжелой промышленности и ВПК, но неадекватного для достижения конкурентоспособности на мировом рынке потребительских товаров и ответа на "вызов" второй и третьей волн технологической революции). Этот механизм был внутренне ограничен явлениями "плановой сделки", "псевдо-административных цен", разьедался ведомственностью, местничеством, коррупцией и функционировал в условиях более или менее формального рынка (в условиях рыночного социализма – например, в Венгрии 1970-х – большинство цен централизованно не определялось, самостоятельность предприятий была весьма высока). В то же время в разные периоды в разных странах в той или иной мере развивались ростки демократического, растущего снизу учета и контроля, самоуправления, встречного планирования и других относительно "чистых" форм пострыночной координации.

В области **отношений собственности** господствовали государственная и кооперативная форма (хотя были и исключения – доминирование частной собственности в сельском хозяйстве Польши, например). Содержанием их было корпоративно-бюрократическое отчуждение работника от средств производства и государственно-капиталистическая эксплуатация – на одном полюсе, социальные гарантии (занятости, жилища, среднего уровня потребления, медицинского обслуживания и образования) и стабильность – на другом.

В сфере *социальной ориентации, мотивации труда и распределительных отношений* положение так же было противоречивым: на одном полюсе - уравниловка, закрытые распределители и бюрократические привилегии, подавление инновационного потенциала; на другом - высокий уровень социальной защиты и реальный энтузиазм, коллективизм, в отдельные периоды (20-е, 50-60-е годы) - высочайшие достижения в области науки, искусства, образования.

Отношения воспроизводства этой системы можно описать как "экономику дефицита", акцентируя при этом не только значимость ресурсных (а не спросовых) ограничений, но и наличие застойных глубинных диспропорций, слабую мотивацию НТП, наличие "безработицы на работе". В то же время, эти отношения воспроизводства позволяли обеспечить радикальные структурные сдвиги при сохранении стабильности системы в целом ("уверенность в завтрашнем дне").

В сжатом виде суть прежней системы может быть выражена категорией *"мутантного социализма"*⁴.

Под последним понимается (и в этом сути гипотезы автора) тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от капитализма к посткапиталистическому строю. Она характеризовалась мутацией (развитием в деформированном от рождения вследствие неблагоприятных эндо- и экзогенных условий виде) общеисторической тенденции социализации экономики, рождения "царства свободы". Это была общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к новому обществу.

По-видимому эти тезисы требуют некоторых пояснений.

Во-первых, заметим, что автору надо ответить на мощное возражение критиков, суть которого заключается в констатации кажущегося очевидным положения: никакого иного "социализма", кроме того, что был в СССР и других странах МСС, человечество не знает. Следовательно, у нас нет оснований считать его мутацией, ибо нет "чистого" вида.

⁴ Среди известных нам трактовок природы "реального социализма", пожалуй, наиболее близка к авторской позиции трактовка СССР как в определенной мере вырождающегося рабочего государства, предложенная Л.Троцким в работах "Что такое СССР", "Преданная революция" и др., послуживших одним из исходных пунктов нашего анализа.

Эта очевидность, однако, является ничем иным, как одной из классических превращенных форм, в которых только и проявляются все глубинные закономерности мира отчуждения. Ум (или, точнее, "здоровый смысл" обывателя и его ученых собратьев) хочет и может увидеть только эти формы, но не сущность. Между тем в нашем исследовании не обойтись без выделения сущностных тенденций. Эти сущностные тенденции - суть рождение постиндустриальных технологий и творческого труда, пострыночного регулирования, освобождения труда и т.п. То, что эти сущностные черты рождающегося нового общества (повторим: они выделяются на основе анализа объективных процессов заката царства необходимости и позднего капитализма) не приобрели адекватных форм и не смогли развить присущий им потенциал прогресса (и производительных сил, и человека как Личности) и позволяет квалифицировать прошлое наших стран как мутантный социализм.

Следовательно, мы можем заключить, что в странах *"мировой социалистической системы"* был искажен не некий "идеал" социализма. Речь идет о том, что реальная историческая тенденция перехода к "царству свободы" и адекватные ей реальные ростки социализма (элементы пострыночной координации и аллокации ресурсов, успешного регулирования и планирования экономики, ассоциированного присвоения общественного богатства, социального равенства, новой мотивации труда - энтузиазм, коллективизм) развивались в мутантном, уродливом от рождения виде.

Во-вторых, поясним так же, почему мы обратились к идее мутаций. (Авторы в данном случае пошли по не слишком оригинальному пути аналогий с некоторыми разработками в области естественных наук, чем "грешили" и Маркс, и неоклассики). Категория "мутантный социализм" используется нами для квалификации общественной системы наших стран по аналогии с понятием мутации в эволюционной биологии (организмы, принадлежащие к определенному виду, в том числе - новому, только возникающему, обладают разнообразным набором признаков - "депо мутаций", которые в большей или меньшей степени адекватны "чистому" виду и в зависимости от изменения среды могут стать основой для "естественного отбора", выживания особей с определенным "депо мутаций", для выделения нового вида).

В момент генезиса, начиная с революции 1917 года, рождавшееся новое общество обладало набором признаков ("депо мутаций"), позволявших ему эволюционировать по разным тра-

екториям (в том числе - существенно отклоняющимся от пути трансформации к посткапиталистическому строю). Особенности "среды" - уровень развития производительных сил, социальной базы социалистических преобразований, культуры населения России и международная обстановка - привели к тому, что из имевшихся в "депо мутаций" элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили процессы *бюрократизации*, развития государственного капитализма и другие черты, породившие устойчивую, но крайне жесткую, не приспособленную для дальнейших радикальных изменений систему. В результате возник мутант процесса генезиса нового общества.

Так сложился организм, который *именно в силу мутации* был, с одной стороны, хорошо приспособлен к "среде" СССР и мировой капиталистической системы первой половины и середины XX века, но с другой (по тем же самым причинам) - далек от траектории движения к посткапиталистическому строю, диктуемой закономерностями и противоречиями процесса нелинейного отмирания (прехождения) мира отчуждения.

В результате в наших странах сложился строй, который мог жить, расти и даже бороться в условиях индустриально-аграрной России, находящейся в окружении колониальных империй, фашистских держав (победа в Великой отечественной войне - самый могучий тому пример) и т.п. Но *в силу тех же самых причин* (мутации "генеральных", стратегических социалистических тенденций) этот "вид" не был адекватен для новых условий генезиса научно-технической революции, постиндустриального, информационного общества, он не мог дать адекватный ответ на вызов обострившихся глобальных проблем, вызов новых процессов роста благосостояния, социализации и демократизации, развертывавшихся в развитых капиталистических странах во второй половине XX века (одним из парадоксов этого процесса является обусловленность некоторых подвижек в области социализации и гуманизации капитализма в 50-е — 60-е годы не только внутренними противоречиями, но и влиянием МСС).

У сложившегося в рамках "социалистической системы" строя *в силу его бюрократической жесткости* был крайне узок набор признаков ("депо мутаций"), позволявших приспособляться к дальнейшим изменениям "внешней среды". Этому мутанту были свойственны мощные (хотя и глубокие, подспудные) противоречия: на одном полюсе - раковая опухоль бюрократизма, на другом - собственно социалистические элементы

(ростки "живого творчества народа"), содержащие потенциал эволюции в направлении, способном дать адекватный ответ на вызов новых проблем конца XX века. Но постепенно последние оказались задавлены раком бюрократии. В результате именно в этих, *более благоприятных для генезиса ростков "царства свободы", условиях* (напомним, это было начало периода развертывания НТР, обострения глобальных проблем, нарастающего "вызова" со стороны т.н. "общечеловеческих" - т.е. собственно коммунистических - ценностей и т.п.) *мутантный социализм развиваться не смог*. Он захирел ("застой") и вошел в кризис.

Когда "мягкая" модель социально-ориентированного капитализма сменилась в 80-е годы "жесткой" и агрессивной правополиберальной, вызов рождающегося информационного общества стал практической проблемой, а внутренние проблемы мутантного социализма достигли такой остроты, которая не позволяла решить их в рамках сохранения прежнего вида - тогда и встал выбор: либо преодоление мутаций старой системы и движение в направлении к "царству свободы", либо кризис. Первое оказалось невозможно в силу названной жесткости старой системы. В результате мутантный социализм умер собственной смертью (ускоренной, впрочем, мировым корпоративным капиталом).

Итак, *мутантный социализм - тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, находившейся в начале общемирового переходного периода от "царства необходимости" (в частности, капитализма) к "царству свободы"*; это общественная система, выходящая за рамки капитализма, но не образующая устойчивой модели, служащей основанием для последующего движения к новому обществу. В то же время эта система впервые в истории человечества в массовом масштабе генерировала ростки ассоциированного социального творчества ("живого творчества народа") и идеальный образ (теоретико-художественный идеал) будущего (теория социализма и советская культура, как идеальный прообраз будущего, практически, в реальном образе жизни воспринятый большинством населения)⁵.

⁵ Этот тезис развит в работах Л.Булавка (См., например, Свободная мысль, 1999, № 3, с56 - 69)

Возвращаясь к проблеме анализа процессов трансформации мутантного социализма в некоторую новую систему, которая стала характерна для наших стран начиная с 90-х годов, заметим: сказанное выше о нашем недавнем прошлом как мутации некоторых общеисторических тенденций, дает нам ключ и к пониманию настоящего.

Переход - куда? (к теории мутантного капитализма)

Понимание нашей реальности как времени и пространства качественных, революционных (то, какой именно будет эта революция в политическом отношении - "бархатной", как в Чехословакии и Венгрии, или сопровождающейся гражданской войной, как в Югославии и на Кавказе, - для нас пока не столь важно) трансформаций позволяет сделать существенные выводы. В частности, зафиксировать, что содержанием переходной экономики является не столько реформирование экономической политики и методов хозяйствования, сколько **преобразование системы социально-экономических отношений**. Меняются практически все слагаемые экономики: способ координации (аллокации ресурсов) и поддержания пропорциональности, отношения собственности, тип воспроизводства, модели мотивации, цели и средства экономического развития, институты и право. В этой связи представляется крайне ограниченным фактическое сведение трансформационных процессов к трем слагаемым: приватизация, либерализация, стабилизация, что типично для многих зарубежных и отечественных исследователей.

Следовательно, *в качестве переходных ниже будут рассматриваться только те социально-экономические системы, в которых происходит качественное (революционное в философском смысле этого слова) превращение одной основы ("старой"), в иную ("новую")*.⁴ Последней только еще предстоит

⁴ См. напр. Сакс Дж. Рыночная экономика и Россия. М., 1994. Гайдар Е. Экономика переходного периода. М., 1998 и др.

⁵ В этой связи кажутся весьма сомнительными не только суть, но и название работы Е. Гайдара "Государство и эволюция" (М., 1995), где автор по сути доказывает необходимость быстрых, радикальных, качественных изменений прежней системы. Подробнее критика этой работы дана в статье А. Колганова (См. Альтернативы, 1996, №2)

воспроизводиться на собственной основе. Сам же период перехода характеризуется тем, что ни одна из присутствующих социально-экономических систем уже или еще не способна воспроизводиться на собственной основе. При этом вследствие нелинейности исторического развития человечества "новая" система может быть более или менее прогрессивной (экономически эффективной, гуманной и т.п.), чем "старая".

Соответственно, легко заметить, что в переходной экономике все ее закономерности действуют лишь **в той мере, в какой экономика является переходной**, и обратно - экономика является переходной в той мере, в какой действуют ее специфические закономерности. Их влияние нарастает по мере разветвления трансформационных процессов ("перестройка"), оказывается максимально интенсивным в период революций и гражданских войн (Югославия 1991-1994 гг.; Россия 1991-1992 гг.) и "отмирает" по мере завершения трансформации.

Для таких качественно изменяющихся систем, естественно, принципиально важным является определение исходных и конечных пунктов, а также векторов перехода.

Определению **исходного пункта** трансформации как мутантного социализма был посвящен предыдущий подраздел, поэтому сейчас мы можем рассмотреть не менее важный и сложный вопрос - **куда** осуществляется переход. Ответ на него предопределен, с одной стороны, современным состоянием и тенденциями развития глобального капитала; с другой - собственными закономерностями трансформации (в частности - инерцией прошлого, *полу-распадом* мутантного социализма).

В условиях неустойчивого развития, мозаичности социально-экономического пространства и нелинейности хода времени, определяющего влияния не экономических факторов⁵, **будущее переходной экономики не может не быть поливариантным** в качественной большей степени, чем для стабильных хозяйственных систем.

Для переходных экономик сегодня потенциально открыт широкий спектр перспектив. Наиболее вероятный для большинства стран экс-СССР путь - эволюция по направлению к мутантному капитализму - зависимой, все более отстающей экономике, образующей анклав глобального капитализма. Для ряда

⁵ Наличие этих черт как типичных для переходных экономик было показано в ряде работ автора, написанных совместно с А.И. Колгановым (См. напр. Альтернативы модернизации российской экономики. М.: Экономическая демократия, 1997 (часть 1))

стран Центральной Европы реальна надежда попасть в круг среднеразвитых систем, интегрированных как низшее звено в первый мир. Для Китая и Вьетнама сохраняется вероятность развития в течение неопределенного срока в рамках рыночного типа мутантного социализма.

Содействие или противодействие движению в том или ином направлении в силу вариативности переходных экономик и существенной роли неэкономических детерминант определяется при этом не столько реальными социально-экономическими возможностями, потенциалом тех или иных объективно возможных моделей, сколько отношениями глобальной гегемонии капитала на планете в целом⁸, соотношением общественно-политических сил и других не экономических факторов, с одной стороны; силой инерции прошлого в динамике той или иной системы - с другой.

Определение конечного пункта перехода как поливариантного (т.е. отказ от идеологической заданности в понимании трансформации как перехода к рынку) требует определения основных векторов перехода.

В переходной экономике каждой страны пересекаются **четыре основных вектора**: 1) постепенное умирание (как естественное, так и искусственное) мутантного социализма; 2) генезис отношений позднего капитализма (но в подавляющем большинстве случаев, как будет показано ниже, — в мутантном виде); 3) возникновение добуржуазных отношений, порождаемых реверсивным ходом истории и 4) тенденции социализации, экологизации и гуманизации общественно-экономической жизни, как фундаментальная черта эпохи рождения "царства свободы".

Первая тенденция знаменует собой устойчивое, но постепенно отмирающее присутствие в переходной экономике отношений мутантного социализма.

Вторая тенденция, представляющая собой рождение специфических форм позднего глобального капитализма

⁸ Тезис о современной мировой экономической системе как пространственно-временной глобальной гегемонии корпоративного капитала раскрыт, опираясь на многочисленные исследования современных неомарксистов, в ряде работ автора (См. Бузгалин А. Глобализация противоречий мирового сообщества // Альтернативы, 1999, № 1; Бузгалин А., Колганов А. Капитал и труд в глобальном сообществе XXI века "по ту сторону" миражей информационного общества // Постиндустриальный мир. Центр, периферия. Россия. Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи М., 1999).

(который, повторю, лишь весьма условно может быть назван слишком простым для него именем "регулируемая рыночная экономика"), есть процесс одновременно **эндо- и экзогенный**. Не только специфика разлагающегося прошлого, но и общемировая атмосфера глобальной гегемонии корпоративного капитала, скрывающаяся за формой рынка, порождают генезис этих отношений в переходных системах. (Одной из наиболее жестких форм этой двойственности является, в частности, борьба компрадорских и державных тенденций в социально-экономической жизни России и многих других стран).

В то же время, несмотря на наличие некоторых объективных границ (так же эндо- и экзогенных), перед переходными экономикой есть выбор будущего, что связано с **плуральностью процесса экспансии отношений позднего капитализма в переходной экономике**. Это широкий спектр моделей по шкалам "развитости" стран (типу включения в глобальную экономику), меры регулируемости и социализации экономики и демократизации общества и т.п.

Третья тенденция — **возрождение в ряде стран с переходной экономикой добуржуазных отношений** — связана с феноменом реверсивного хода истории. Последний, в свою очередь, порождается спецификой **полураспада** мутантного социализма: частичное разрушение старой системы экономических отношений при крайне замедленном (в силу объективных и субъективных причин) рождении новой приводит к образованию потенциально "пустого" (в социально-экономическом смысле, т.е. такого, где нет сильных базисных детерминант общественной жизни) социального пространства. **Частичность** же (незавершенность, фрагментарность) разрушения **мутантного** социализма в странах, где он был прочно укоренен (СНГ и др.), приводит к тому, что в них сохраняются прежде всего его **мутации** (связанные с авторитарно-бюрократическим вырождением социалистических тенденций); ростки же социализма как такового гибнут в первую очередь.

Освобожденные от сдерживавших их элементов "царства свободы" старые мутантные формы не позволяют развиваться на этом потенциально "пустом" месте ни новым росткам "царства свободы", ни классическим отношениям глобального капитализма (в том или ином виде последнего — от "шведской" до "индийской" модели). В результате эта "пустота" заполняется тем, что меньше всего противоречит авторитарно-бюрократической системе экономико-политической власти, а именно — отношениями, напоминающими поздне-феодалные

системы эпохи их разложения и авторитарно-бюрократические мутации тех отношений позднего капитализма, которые свойственны для развивающихся стран.

Наконец, **четвертая тенденция**, определяющая конкретные черты и закономерности переходной экономики, - это всемирный (в пространстве) и общечивилизационный (во времени) **процесс социализации и гуманизации, нелинейного генезиса отношений "царства свободы"**, названный нами в начале статьи и раскрытый во многих работах автора и его предшественников. Именно он задает **исторический глобальный контекст** трансформаций в узком смысле слова, происходящих в пост-"социалистических" странах.

В самом деле, процесс перехода к обществу, где доминирующую роль будет играть не материальное производство, а созидание культуры (образование, воспитание, наука, искусство, рекреация); где главным ресурсом становится творческий, инновационный потенциал работника; где экологические проблемы приобретают первостепенное значение, вводя не только жесткие ограничения, но и новые цели для экономического роста - в этом мире степень регулируемости и социализации экономики не может не расти, хотя этот рост и носит сугубо нелинейный характер.

Таким образом, *переходная экономика может быть охарактеризована (вследствие взаимопересечения названных векторов) как поле противоречивого пересечения двояких процессов: (1) трансформации мутантного социализма в систему отношений мутантного капитализма (скорее всего внешне сходного с тем или иным типом [полу-] периферийного зависимого капитализма) и (2) одновременного накопления в мире элементов качественно нового социального состояния. Соответственно, можно говорить о переходной экономике "в узком смысле слова" (генезисе мутантного капитализма в процессе разложения мутантного социализма) и переходе "в широком смысле слова" (напомним: ныне, на рубеже тысячелетий весь мир находится в начале перехода к новому качеству общественного развития), составляющем всемирный исторический контекст для экономической трансформации в странах бывшей "социалистической системы".*

Для переходных (в узком смысле слова) социально-экономических систем в целом оказывается характерно реверсивное движение в историческом времени, когда ростки перехода к новому качеству общества (прежде всего - постиндустриальные технологии, ростки креатосферы, элементы социального

освобождения) свертываются, замещаясь гипертрофированным развитием в названной "пустоте" архаических для конца XX - начала XXI веков социально-экономических форм. Общий процесс развертывания отношений глобального капитализма в странах "второго" мира в последнее время идет скорее экстенсивными, чем интенсивными путями и, повторю, возрождая многие архаические формы.

В результате за **видимостью генезиса (восстановления) современных форм капитала (рынка и т.п.) в этих системах скрывается процесс постепенного развертывания мутантного капитализма.**

Итак, автор, в соответствие с предложенной выше методологией, предлагает следующую **гипотезу мутирования естественно-исторического** (хотя и не лишнего особо значимого для переходных систем субъективного воздействия) **развития ряда социально-экономических систем на рубеже XX-XXI веков.**

Начиная с "перестройки" 1985-90 годов, прежняя система вошла в период повышенной нестабильности, вызванной попытками сознательного видоизменения окончательно исчерпавшего потенциал своего развития мутантного социализма. Разглашавшаяся система открывала перед обществом как субъектом исторических изменений несколько объективно возможных путей дальнейшей эволюции.

Первый - "взрыв" стены, стоящей на пути выхода из **тупика мутантного социализма, и начало продвижения вперед**, по направлению к царству свободы. Он предполагал качественное изменение предшествующего строя - выдавливание мутаций и развитие форм, адекватных вызову возникающего постиндустриального общества и обостряющихся глобальных проблем - на пути раскрепощения и активного развития потенциала ассоциированного социального творчества, качественных социально-экономических и политических преобразований снизу, освоения на этой базе +высоких технологий и реализация стратегии опережающего развития, открытого для культурно-творческого диалога с другими странами в глобальном мировом сообществе¹⁰.

Для реализации этой стратегии, однако, в МСС (и, в частности, в СССР, России) не было адекватных достаточно мощ-

¹⁰ Подробное изложение данной стратегии можно найти в работе "Россия в конце XX века" (М.: Экономическая демократия, 1999, с. 283 - 325)

ных общественных сил, хотя движение в этом направлении тогда развернулось и до сих пор не умерло окончательно (укажем хотя бы на эмпирически наблюдаемую преемственность борьбы за создание народных предприятий на базе наиболее передовых НПО в 1989-91 годах и протестного движения, доходящего до оккупации предприятий - причем то же не самых отсталых - Выборгский ЦБК - один из примеров).

Второй - та или иная (о различиях ниже) модель выхода из названного тупика назад - в систему отношений глобального капитализма. В этом случае перед пост-"социалистическими" странами открывался ряд возможностей.

(а) постепенное отступление, эрозия мутантного социализма, противоречивое дополнение его элементами отношений позднего капитализма в том или ином виде (скорее всего - в виде мутантных форм отношений, характерных для стран третьего мира);

(б) задействование потенциала эндо- и, что особенно важно, экзо-генного (например, как в Польше, десятки миллиардов безвозмездной помощи и т.п.) развития отношений позднего капитализма (в том или ином его виде) при отмирании мутантного социализма;

(в) разложение социалистических основ прежней системы при сохранении их мутаций с последующим "заражением" этим вирусом ростков позднего капитализма и "втягиванием" в образовавшийся социо-исторический вакуум отношений добуржуазного типа.

В последнем случае (а именно он оказался типичен для большинства стран СНГ и в первую очередь - России) перед переходной системой открывалось некоторое "депо мутаций", позволявших ему эволюционировать по разным траекториям.

Особенности "среды" - уровень развития производительных сил, тип "реформ" (волюнтаристское и обреченное на неудачу навязывание "шоковой терапии"), расстановка социально-политических сил, традиции, культура и менталитет населения, международная обстановка и, главное, мощное развитие и сохранение (вследствие "революции сверху") мутаций прежней системы (прежде всего - власть коррумпированной номенклатуры, срастав-

¹¹ Подчеркнем: именно верхушечный тип преобразований привел к трансформации мутантного вида одной системы в мутантный вид другой (о содержании "революции сверху" подробнее см. kotz D., Viar F. Revolution from above. NY, 1997)

шейся с теневым бизнесом), - все это привело к тому, что из имевшихся в "депо мутаций" элементов возникавшей тогда системы наибольшее развитие и закрепление постепенно получили собственно мутантные формы.

Основными среди них были:

- структурные диспропорции, характерные для экономики дефицита и другие "пережитки" этой системы, обладавшей мощной инерцией технико-экономического свойства;
- регулирование экономики со стороны номенклатурно-бюрократических, сраставшихся с теневым бизнесом кланово-корпоративных структур;
- доминирование аналогичных форм отчуждения работников и присвоения общественного богатства "элитой", когда основные права собственности оказались сконцентрированы в руках тех же кланов;
- привычка населения к протекционизму, социальное иждивенчество и мн. др.;

Кроме того, *важнейшим фактором мутирования рождавшихся буржуазных отношений стали и "переразвитые"* (если исходить из критериев рождения "нормального", т.е. характерного для [полу-] периферийного, зависимого вида позднего капитализма) *черты "реального социализма" как рождающегося "царства свободы"* (для прежнего общества они, напротив, были факторами, снижавшими меру мутаций).

В СССР, например, были (и в России, несмотря на глубочайший кризис до сих пор отчасти сохраняются):

- весьма развитые наука (особенно фундаментальная) образование, медицина;
- высокий уровень социальной защиты;
- намного более сильные, чем в странах третьего мира эгалитарные тенденции среди населения, тяга к свободному содержанию труду и многие другие "пережитки" элементов царства свободы, которые были характерны для нашей системы в недавнем прошлом, несмотря на все мутации.

Попытки провести в этих условиях радикальные рыночные преобразования методом "шоковой терапии" не могли не привести к развитию не либеральных механизмов американоподобного рынка, а к мутациям слабо развитого капитализма. Эти тенденции были к тому же усилены негативным влиянием со стороны глобального капитала и внутренних политических и иных субъективных факторов.

Отдавая дань существующей ныне моде на формализацию содержательных взаимозависимостей, указанную закономерность можно представить в виде некоторой функциональной зависимости

$$МК = f \{ (МС, ЦС) \cdot ШТ \pm (ГК, С, \dots) \},$$

где мутации капитализма (**МК**) являются функцией от мутаций социализма (**МС**) и "переразвитых" (по меркам прежнего общества) элементов "царства свободы" (**ЦС**), мультиплицированных неадекватными для "среды" радикальными реформами ("шоковой терапией" – **ШТ**), при воздействии (в одних случаях – усиливающих, в других – ослабляющих мутации) глобального капитализма (**ГК**), субъективных факторов (**С**) и других параметров, от которых мы данным текстом абстрагируемся.

В результате в России (и многих других экс-"социалистических" странах) возник мутант позднего капитализма [полу-] периферийного, зависимого вида.

Он может быть квалифицирован как мутация в той мере, в какой его социально-экономические формы содействуют регрессу (прежде всего с качественной точки зрения) производительных сил и Человека (как родового существа), т.е. реверсивному историческому движению социально-экономического времени.

Подчеркну: говоря об историческом регрессе, автор имеет в виду влияние именно мутаций капитализма и их влияние на наши системы, где прогресс может осуществляться и вопреки господствующим отношениям, благодаря росткам других, новых социально-экономических и политических сил (подобно тому как в позднефеодальных переходных социумах прогресс мог идти вопреки сохранявшимся и господствовавшим мутациям феодализма и благодаря росткам капитализма).

Сложившийся в нашей стране организм именно в силу мутации, с одной стороны, хорошо приспособлен к "среде" России, но с другой (по тем же самым причинам) – далек от траектории движения к относительно "чистому" виду позднего капитализма того или иного, пусть даже полу-периферийного типа, (а о "цивилизованном рынке" как нашем скором будущем либералы еще недавно твердили с упорством, не меньшим, чем сталинисты твердили о скором пришествии коммунизма в СССР).

Этот мутант может жить и даже самовоспроизводиться (правда, при условии перехода от псевдо-либеральной к дер-

жавно-патерналистской разновидности мутации). Более того, в стране с *такой* (разрушенной "реформами" технологической базой), *такой* (насквозь противоречивой и по преимуществу неформальной) институциональной системой, *такой* (номенклатурно-криминальной) властью, только *такой* строй – мутантный капитализм (сращенный с полу-распавшимся мутантным социализмом и возрожденными добуржуазными отношениями) единственно и мог сложиться и обеспечить *выживание*. Именно это и происходит в течение последних лет в нашей стране. Причем это выживание тем успешнее, чем активнее этот строй мутирует (эволюционирует) в указанном державно-патерналистском направлении, обеспечивая при этом даже первые интенции пусть диспропорционального и конъюнктурного, но роста.

Однако в силу тех же самых причин (мутации "генеральных" элементов капитализма) этот "вид" не адекватен для реализации даже стратегии догоняющего развития ("catching up development"), характерной для новых индустриальных стран. Не сможет он (как и мутантный социализм) дать адекватный ответ и на вызов обостряющихся глобальных проблем, вызов таких новых процессов как генезис информационного общества и т.п., развертывавшихся в развитых капиталистических странах.

Этот строй является именно мутацией капитализма, поскольку он характеризуется реверсивным историческим движением, приводя к (1) развитию, а не отмиранию добуржуазных и мутантно-социалистических форм; (2) деградации и без того не слишком прогрессивных ростков [полу-] периферийного, зависимого вида капитализма и, вследствие этих причин, (3) регрессу и производительных сил, и человека.

Конкретизируя эту методологическую гипотезу можно сказать, что именно мутантный вид позднего капитализма складывается (как следует из сказанного), под влиянием:

(1) *сохраняющихся и, более того, в ряде стран укрепляющихся мутаций социализма* (бюрократизм, превращающийся в волюнтаризм с одновременной тенденцией к диффузии институтов; ведомственность и местничество – в позднефеодальный сепаратизм; блат – в широкомасштабную коррупцию; теневой сектор – в полукриминальную форму организации всей экономической жизни и т.п.);

(2) *глобальной гегемонии корпоративного капитала, стремящейся подчинить себе достаточно развитые и мощные в прошлом системы* (не будем забывать, что СССР был

второй сверхдержавой мира), а это возможно лишь на основе деградации последних — разрушения постиндустриального и развитого индустриального секторов; развала крупных научно-производственных объединений, способных стать основой образования мощных ТНК; ослабления государства; деkonsолидации трудящихся и предотвращения создания ими мощных добровольных ассоциаций и др.:

(3) *восстановления на "пустом" месте разрушений до-буржуазных форм.*

С известной долей условности мера мутации сложившегося в России и большинстве других стран СНГ капитализма может быть выражена как функция названных выше параметров¹²:

$$ММК = f \{ (МС, МК, ДК, РГК) / (РПС, РК) / (С, ПК, ПГК) / (ППС, ПК) \}$$

Эта "формула" показывает, что мера мутации сложившегося в нашей стране строя (*ММК*).

с одной стороны, прямо пропорциональна мере сохранения в нашей стране мутаций социализма (*МС*), уже возникшим мутантно-капиталистическим отношениям (*МК* - "формулу" их генезиса автор привел выше), развивающимся вследствие реверсивного движения исторического времени, докапиталистическим отношениям (*ДК*) и негативному, вызывающему регресс экономики и человека, воздействию глобального капитализма (*РГК*), взаимомultiплицирующих регресс производительных сил, культуры (*РПС, РК*);

с другой стороны, мера мутаций капитализма обратно пропорциональна мере развития постиндустриального, социально ориентированного общества (*С*), причем в данном случае, в условиях относительно "ставшего" мутантного капитализма, в отличие от условий его генезиса, этот процесс работает уже *против* мутаций; развитию пост-капиталистических социально-экономических форм и регуляторов (*ПК*), позитивному (если оно есть) воздействию глобального капитализма (*ПГК*), взаимомultiплицирующих прогресс производительных сил, культуры (*ППС, ПК*).

¹² Автор пока затрудняется сказать, как могут быть квантифицированы названные выше параметры и потому используют приводимую ниже "формулу" всего лишь как одну из возможных иллюстраций.

По-видимому несложно можно было бы показать (но эта задача далеко выходит за предмет данной методологической статьи), что для России с конца 90-х годов наиболее "сильными" факторами являются МС, МК, ДК, НГК; наиболее слабыми — С, ПГК и т.п.

При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что приводимые в статье "формулы" — это не более чем дань моде, игра в формализацию. В действительности мутации капитализма — это содержательный процесс, имеющий систему скорее качественных, нежели количественных характеристик, что делает крайне затруднительной (или вообще не разрешимой) задачу нахождения количественных значений названных выше параметров.

Каково содержание этого вида капитализма и в чем именно состоят мутации отношения координации, собственности и т.п., автор вместе с А.И.Колгановым уже писал¹³. Сейчас же отметим, что достаточно широкий веер моделей (типов) трансформаций в странах бывшей мировой социалистической системы связан как с особенностями пересечения отмеченных выше векторов перехода в тех или иных анклавах этого социально-экономического пространства, так и (вследствие первого) с *мерой* (в единстве качественных и количественных параметров) *мутации возникающих подсистем глобального капитализма*. А спектр вариаций здесь широк: от "слабо" мутирующих центрально-европейских стран до мощно видоизмененных ростков капитала в России и продолжающейся эволюции мутантного социализма (и ростками капитала) в Китае.

* * *

Завершая наши размышления хотелось бы вновь подчеркнуть: как и предшествующий (характерный для СССР) строй *мутантный капитализм — это тупиковый в историческом смысле слова вариант общественной системы, порожденный реверсивным ходом истории в условиях регресса ("отката") процесса перехода к посткапиталистическому обществу и кризиса мутантного социализма*.

Это общественная система, не выходящая за рамки капитализма, но в то же время и не образующая устойчивой мо-

¹³ См., напр. Альтернативы модернизации российской экономики (часть 1).

дели, служащей основанием для последующего догоняющего развития.

Вот почему кризис российского (и не только) социума может быть обозначен как системный, а выход из него возможен только при качественном изменении природы социально-экономического и политического строя в наших странах.

Российская переходная экономика: критерии подхода и оценки.

Диалектика общественного развития на рубеже тысячелетия и ее обобщение приобрели в настоящее время новые, своеобразные формы проявления. Так, с одной стороны, практика социально-экономических преобразований, - и это, в первую очередь, касается постсоциалистических стран, - дала такой новый и богатый материал, осмысление которого позволяет говорить о формировании особого раздела экономической теории - теории переходной экономики. С другой, - что еще недостаточно осознается, - возникшая теория приобретает инструментальное значение, т. е. Дальнейший конкретно-экономический анализ, в известной степени, утрачивает «самостоятельный» характер, предполагает обязательное использование названной теоретической призмы. Это в полной мере относится и к анализу современной российской переходной экономики. Рассмотрим подробнее, что имеется в виду.

Прежде всего, важно отметить достаточно существенные изменения в трактовке самой природы современных переходных процессов, их причин и сроков. Первоначально, по крайней мере в российской экономической науке эти процессы связывались непосредственно с кризисом и распадом плановой системы и, соответственно, рассматривались как феномен именно постсоциалистических стран. Реально это до сих пор проявляется в международной практике и статистике в виде выделения наряду со странами с рыночной и нерыночной экономикой группы (тридцать) стран с переходной экономикой. В эту группу включены только бывшие социалистические страны¹. Далее, переходные процессы в данных странах понимались как необходимые и относительно небольшое время для перехода, хотя и не очень ясного в содержательном аспекте, от одного состояния общества к другому. Наконец, совершенно логично и причины возникновения переходных процессов связывались преимущественно с эндогенными факторами функционирования плановой экономики.

Менее чем за десятилетний период все эти представления существенно изменились. Более взвешенный анализ по-

¹ См. Вопросы экономики, 1997, №10, с. 142-158.

казал, что при действительно большой специфичности переходных процессов в постсоциалистических странах они не могут рассматриваться вне закономерностей мирового развития. Они не могут быть поняты вне таких (глобальных) черт как общая стратегическая цель развития в современных условиях, необходимость формирования эффективной экономической структуры, возрастающая важность интернационализации хозяйственных связей, принципиальное изменение роли человека. Определение единства в преобразованиях в странах Азии и Латинской Америки.

Более глубокое понимание природы переходных процессов по-иному представило и временной фактор. Преобладающим становится мнение, что переходный период в постсоциалистических странах – это не кратковременный, а достаточно длительный период, предполагающий глубокую трансформацию ранее существовавшей системы. Уже в середине 90-х годов, к примеру, российский экономист Л.Абалкин и американский экономист К.Эрроу «отводят» этому периоду несколько десятилетий². Другим следствием более глубокого подхода стало большее внимание экзогенным для постсоциалистических стран факторам, обнаружившим серьезные проблемы плановой экономики и также обусловившим глубинные социально-экономические преобразования общества.

Совокупность достигнутых к настоящему времени обобщений в области современных переходных процессов и позволяет говорить не только о формировании (хотя и не в законченном виде) теории переходной экономики, но и о наступлении нового этапа в научном анализе «переходных преобразований» и оценке их результатов. Эта новизна, выражаясь словами Й. Шумпетера, проявляется в том, что «наука, после того как она достигла известной стадии развития, не может идти дальше, не создавая орудий анализа... она не может развиваться без теории»³.

Роль становящейся теории переходной экономики уже сегодня проявляется в том, что она предлагает разработанные ею критерии подхода к переходной экономике в целом; критерии подхода к отдельным «страновым» переходным экономикам, формулирует основные (стратегические) направления социаль-

² Реформы глазами американских и российских ученых, М., 1996, с.76, 146.

³ Цит. По Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли, М., 1968, С.103.

но-экономических преобразований; обуславливает, в итоге, критерии оценок хода и результатов этих преобразований; разграничивает значимость теоретических выводов и обобщений с точки зрения текущего состояния переходной экономики и её общей перспективы и сроков и др. иными словами, теория переходной экономики в возрастающей мере приобретает методологическое значение в дальнейшем анализе современных переходных процессов, выступает своеобразным ограничителем для отдельных, тем более произвольных выводов. Все это следует учитывать, когда мы рассматриваем ход социально-экономических преобразований в современной российской переходной экономике.

Так, важнейшее исходное критериальное значение при оценке переходной экономики России (естественно, как и любой другой страны) имеет решение общей проблемы: почему в развитии экономики (общества) возникают переходные состояния и в чем их экономическое содержание. В самом общем виде «переходная экономика» (по самому определению) предстаёт как особое. Межсистемное состояние экономики. Практика показывает, что историческое развитие носит ступенчатый характер. В основе каждой ступени – определенная экономическая система. Процесс смены систем, т.е. в буквальном смысле «переход» от одной к другой и образует переходную экономику. Сама природа перехода говорит о том, что он связан с революционным (глубинным, качественным) изменением в обществе. Причем, «переходная экономика» – феномен не только современности, она имела место и в прошлом. «Мы являемся свидетелями череды замечательных изменений в природе экономических систем, – пишет К.Эрроу, – революции, которую впоследствии ретроспективных сравнят с возникновением капитализма из системы феодальных отношений»⁴.

Почему же возникает необходимость революционного перехода от одной качественно определенной системы к другой? В основе её – социально-экономический прогресс, постепенно и постоянно осуществляющийся по ходу удовлетворения потребностей общества (человека). Этот прогресс проявляется в развитии технологии и техники, самого человека, организации труда и т.п. Одновременно происходит рост (развитие) и самих потребностей. Пока два тренда (производства и потребностей) развиваются как бы параллельно, можно сказать, экономиче-

⁴ Эрроу К. «Экономическая трансформация: темпы и масштабы. Реформы глазами американских и российских ученых, с.75.

ская система функционирует нормально. Расхождение трендов, т.е. образование и увеличение разрыва между объемом и характером сложившихся потребностей и возможностями экономической системы свидетельствует о кризисе системы, суть которого в неспособности данной системы обеспечивать дальнейшее «нормальное» функционирование и развитие экономики и общества кризис системы – сигнал к началу переходного процесса.

Важно подчеркнуть при этом, что основополагающей причиной кризиса системы является не фактор самих потребностей, «отрывающихся» от возможностей производства, а именно революционизирующая роль производства. Осуществляясь ради удовлетворения потребностей, производство в достижении этой целевой функции постоянно совершенствуется, порождает новые орудия, технологии, продукты. И, соответственно, – новые потребности. Последние и в качественном и количественном аспектах на определенном этапе и не могут быть удовлетворены в рамках прежней экономической системы. Поэтому, чем медленнее развивается производство, осуществляется технический прогресс, тем дольше экономическая система функционирует «нормально». Так, система, обрисованная Аристотелем просуществовала после него около 2000 лет. Подобную взаимозависимость производство и потребностей очень точно отмечает К. Маркс. «На начальных ступенях культуры, – пишет он, – производительные силы труда ничтожны, но таковы же и потребности, развивающиеся вместе со средствами их удовлетворения и в непосредственной зависимости от развития этих последних»⁵.

Если кризис системы «открывает» переходное состояние в обществе, то, понятно, что этот переход не может произойти мгновенно. И длительность переходной экономики также связана с историческим характером развития производства. Как отмечалось выше, переходные преобразования в постсоциалистических странах предполагается осуществить за несколько десятилетий. Упомянутый также переход от феодальной системы отношений к капиталистической занял века. Рассмотренное взаимодействие производства и потребностей в рамках определенной экономической системы позволяет сделать важный вывод и о содержании переходного процесса, или – в известном смысле – его материальной основе. Эта материальна основа двояка.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. соч. т. 23, стр 520

С одной стороны, – это главное, – должны получить простор те революционные тенденции, которые оказались несовместимы с рамками прежней экономической системы. В общем виде это проявлялось как смена доминирующего фактора производства. Длительный период таким фактор является земля, определяющая и аграрный характер экономики. Возрастающая роль и совершенствование промышленный (ремесленных) орудий труда и технологий рождает принципиально новые потребности, меняют их общую структуру, обуславливают их быстрый рост, обнаруживают ограниченные возможности земли в рамках феодальных отношений. Доминирующая роль – и в этом содержание данного переходного процесса – должна постепенно перейти (и переходит) к накопленному труду (капиталу). В современных условиях капитал уступает свою доминирующую роль труду – человеку как носителю научного знания, информации и т.п.

С другой стороны, обеспечение простора для функционирования нового доминирующего фактора зависит от характера экономических связей людей. В аграрном обществе они основаны на сложившихся обычаях, традициях, носят личностный характер, выступая отношениями личной зависимости. Переход к доминирующей роли капитала предполагает и осуществляет переход к другому типу связей: овеществленным отношениям лично не зависимых друг от друга людей. Переход к системе рыночных отношений – обязательная, «вторая» сторона содержания переходного процесса в прошлом. В современных условиях подобный переход связан с формированием нового типа отношений, свойственных обществу, где определяющую роль играет нематериальное богатство, а использование информации в её различных видах, научного знания и т.п.

Представляется, что самый общий подход к анализу российской переходной экономики не может не учитывать рассмотренные закономерности исторического развития общества: переход от аграрно-традиционного к индустриально-рыночному обществу и осуществляемый сегодня переход к обществу постиндустриальному, информационному. Подобный подход как бы заранее исключает выдвигание на первый план различного рода произвольных, субъективистских факторов, когда речь идет о причинах переходных преобразований в России. Он заставляет обратить внимание прежде всего на глубинные экономические процессы, поставить и проанализировать вопрос о возможном кризисе предпереходной российской экономике. В трактовке содержания переходного процесса крайне важен ак-

цент на изменениях прежде всего производственного фактора. Сегодня это развитие наукоемких производств и самой науки, первостепенное внимание информационным технологиям, приоритетное развитие отраслей, обслуживающих непосредственно человека (образование, здравоохранение, культура и т.п.). В соответствующих направлениях должна осуществляться и общающаяся структурная перестройка общественного производства. Рассматриваемый подход предопределяет и главную, стратегическую направленность российской переходной экономики, ее желаемые конечные рубежи. Более четкие контуры приобретает и задача формирования в российской экономике реальных рыночных отношений. Безусловно, «переход к рынку» характеризует содержание переходного процесса, его, - как отмечено выше, - «вторую» материальную основу. Однако, очевидно, что этот переход не только не может рассматриваться как единственный абсолютный императив российской экономики сегодня, но и должен (при всей его важности) трактоваться именно в субординационном аспекте, т.е. именно как средство обеспечения главного в переходном процессе. Таким направлением в содержании переходной экономики является обеспечение доминирующей роли нового, отвечающего потребностям постиндустриальной эпохи фактора производства.

Глубокий научный подход к российской экономике сегодня предполагает учет и особенностей современной переходной эпохи. Важнейшая ее характеристика связана с развертывающимся кризисом индустриально-рыночной системы, носящим планетарные масштабы. Речь идет о возрастающей роли экологических проблем, очевидной невозможности дальнейшего линейного прогресса по образу и подобию ныне развитых стран, о кризисе «социальной составляющей» индустриально-рыночной системы, приведшей в итоге к «обществу двух третей», «золотому миллиарду» и т.п. обуславливает формирование стратегических целей глобального характера применительно ко всем странам.

Названная глобализация целей усиливается аналогичной высокой степенью интернационализации сложившихся в мире экономических связей, когда реальностью стало мировое интеграционное развитие. Это означает не только резко возросшую взаимозависимость национальных экономик, но и, в частности, процесс интернационализации потребностей, развитие которых не привязанного сегодня прямо к возможностям лишь национального производства.

Обязательный учет особенностей, например, российской переходной экономики в этих условиях должен иметь в виду, что характер «особенного» сегодня изменился. Прежде, при относительно низкой степени интернационализации производства и обмена именно «особенное» во многом формировало сам тип экономики, выступая в этом смысле как нечто уникальное, т.е. подлинно «экономикообразующее». Так, еще в начале 19 века в одном полушарии взаимодействовали индустриально-капиталистическая Англия, аграрно-крепостническая Россия, феодальный, со свойственными ему особенностями Китай и т.д. сегодня на основе названного мирового интеграционного развития «особенное» теряет функцию «экономикообразования», существенно снижается значение уникального. В возрастающей степени, - и это в первую очередь следует иметь в виду, - «особенное» становится лишь обязательной формой проявления «общего».

Учет особенностей современной эпохи, иными словами, означает, что проблема «будущего российской экономики», можно сказать, существенно упрощается, или по крайней мере, становится более определенной. Оказывается ясным, что главное при учете российских особенностей в решении проблем переходной экономики состоит не в том, чтобы искать для страны особый в принципе путь развития - нечто вроде построения особенного общества в отдельно взятой стране. Главное - в умелом использовании этих особенностей для достижения тех общих целей, которые стоят сегодня в рамках мировой цивилизации. Аргументация с акцентом на «особенное» содержит и внутренне логические изъяны. Как отмечается, «национально-культурные особенности - фактор, не поддающийся количественной верификации. Одинаково убедительный набор исторических аргументов доказывает, что Россия, скажем, самая индивидуалистическая или самая коллективистская страна, что либерализм органически присущ или совершенно чужд ее истории и т.п.»⁶

Таким образом, российская экономика (как экономика любой страны) не может не находиться сегодня в общем потоке, императивами в котором служат тенденции движения к постиндустриальному обществу. Конечно, этот поток неоднороден, в нем выделяется несколько групп стран, различающихся по объему и характеру решаемых на этом пути задач. Как замечает

⁶ May В российские экономические реформы глазами западных критиков. Вопросы экономики, 1999, №11, с. 21

Л.Клейн. «рыночные экономики переживают собственный переходный период, но они изменяются значительно менее активно, чем экономики, идущие «от плана к плану»⁷.

Выводы о приоритете решения общих задач в российской переходной экономике по сравнению с особенными не являются неожиданным, если к тому же правильно трактовать феномен российского (советского) развития в 20 столетии после 1917г. характерные, достаточно распространенные оценки-клише этого процесса: «неудавшийся социалистический эксперимент», «исторический зигзаг, приведший общество в тупик», командная система, чуждая экономическим методам» и т.п. все подобные оценки приводят к логичному выводу, что к концу XXв. Россия вследствие своего необычного, - выпадающего за рамки «нормального» экономического процесса, - развития предстала неким особым, чужеродным для мировой экономики «образованием». Отсюда и возникает проблема поисков для России каких-то необычных, особенных путей в будущее. Между тем, на деле упомянутые оценки-клише далеко не соответствуют реалиям функционирования и развития экономики России в упомянутый период.

Начало XX в. ознаменовалось кризисом модели рыночного механизма А.Смита-А.Маршала, проявившимся в концентрированной форме в первой мировой войне. Поиски иной, более эффективной модели, отвечающей новым потребностям хозяйственной практики получают отражение и в экономической теории: здесь можно говорить о появлении и развитии трех принципиально разных концепций. Одна из них, опирающаяся на разработки В.Парето и развитая его учеником Э.Бароне, предполагала функционирование рыночного механизма на основе централизованно устанавливаемых параметров. Поддерживая позднее О.Ланге, она получила название «рыночного социализма». Другая, связанная с именем Дж.М.Кейнса и получившая практическое применение в большинстве стран с рыночной экономикой, исходила из необходимости лишь «подправить» действующий рыночный механизм, дополнить его элементом централизованного участия в функционировании рыночной экономики. Наконец, существовала концепция, выдвинутая в свое время К.Марксом, а позднее разделяемая рядом экономистов (П.Струве, В.Ойкен), о возможности существования цен-

⁷ Клейн Л. что мы, экономисты, знаем о переходе к рыночной системе? Реформы глазами американских и российских ученых, с.31

трализованно управляемой экономики, исключающей полностью рыночные отношения.

Как известно, в России после 1917г. в основу социально-экономических преобразований был положен третий из названных выше вариантов. И этому есть целый ряд причин. Однако в рассматриваемом в данном случае аспекте важно другое: модель, получившая практическое применение в России после 1917 г. была далеко не случайной, представляла как бы вариант претворения в жизнь реальных экономических тенденций мирового развития в начале XX в. Сущность же этих тенденций состояла в необходимости вмешательства в стихийные рыночные отношения в той или иной степени регулирующей силы, дополняющей действие «невидимой руки» действием «руки» достаточно заметной и осязаемой. Иными словами, речь шла о внедрении в экономику сознательного, прежде всего государственного, регулирования экономики, преодолевающего объективные недостатки рыночного механизма. Их достаточно глубокое различие связано лишь со степенью предлагаемой каждой из них реализации этой идеи.

Предложенная трактовка экономического развития России обнаруживает не уникальность и даже не особенности его (они, безусловно, были и должны приниматься во внимание), а прежде всего то общее, что ставит его в ряд процессов, свойственных всем странам мира. И в этом смысле путь пройденный Россией не может трактоваться полностью как исторический зигзаг. Сомнительность «зигзаго-тупиковой» трактовки обнаруживается, тем более, уже при постановке вопроса: от «чего» произошел этот зигзаг? Если иметь в виду, что «нормального» (единственно верного) пути западных стран, то это означало бы абсолютизацию этого пути, проявление жестокого детерминизма, однолинейной трактовки общественного развития и т.п. если иметь в виду, в частности, «уклон» России в сторону социализма, то следует признать, что западные экономисты всегда приводили различие между содержанием собственно экономических процессов в России и их «социалистическим оформлением». Характерно в этом смысле замечание Р. Арона: «в области экономики советские люди проделали огромную работу, не имеющую, однако ничего общего с исходным представлением Маркса о социализме»⁸.

Другое дело, что модель, избранная Россией, что кста-ти, отмечали П. Струве и В. Ойкен, имела существенные огра-

⁸ Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993, с.206.

ничения, была менее эффективна, чем модель рыночной экономики. Это подтвердила и практика российской действительности. Однако в целом её правомерно рассматривать как своеобразную форму разрешения актуальных проблем обще мирового развития. В её рамках решались и в определенных условиях достаточно успешно многие задачи в этой области.

Таким образом, на рубеже тысячелетий российская переходная экономика не только «вынуждена» подчиниться общемировым императивам дальнейшего прогресса, но и характеризующий её потенциал неправомерно рассматривать как результат некоего регрессивного движения в прошлые годы. Этот потенциал формировался также под воздействием общемировых тенденций и, кстати, есть результат огромного напряжения в рамках тех возможностей, которые могла обеспечить плановая экономика. Отсюда, с одной стороны, существенные достижения (значительные валовые показатели, выход по ряду направлений на передовые технические рубежи, высококвалифицированные кадры, развитая система образования, высокие социальные гарантии и др.), а с другой, - деформации экономического потенциала, обусловленные самой природой плановой системы (глубокие производственные диспропорции, дефицитный характер функционирования экономики, низкий удельный вес личного потребления, высокая степень износа производственного аппарата, обусловленная господством экстенсивного типа роста и т.д.).

Методологическая «призма», которую уже сегодня дает теория переходной экономики, не только обеспечивает более точный подход к общей характеристике переходного процесса, но играет (должна играть) важную роль и при оценке конкретных текущих преобразований. В частности, представляет интерес проанализировать в данной плоскости характерный для российской науки рефрен о «провале курса реформ», поддерживаемый многими западными экономистами. В основе подобной оценки очевидные факты: глубокий спад производства, растущая безработица, существенное падение жизненного уровня большей части населения, отсутствие импульсов к экономическому росту, обострение внешнеэкономических проблем, коррумпированность экономики и т.п. известно, что факты — упрямая вещь и именно они свидетельствуют, «мягко» выражаясь, что «российские реформы далеки от того, чтобы считать их феноменально успешными»⁹. Поэтому дело не в том, чтобы как бы дополни-

⁹ Вопросы экономики, 1999, №11, с. 4

тельно «просветить» эти факты через упомянутую выше «призму». Важнейшее значение в данной плоскости имеет прежде всего учет критериев переходных преобразований и факторов времени.

Критерий переходных преобразований, как отмечалось выше, связан с «превращениями» в материальной основе переходной экономики: процессами смены доминирующего фактора и характера связей в обществе. Для современной России это переход от индустриального к постиндустриальному обществу и от плановой системы к рыночной. Известно, что обычно, - хотя это и односторонне, - суть этого перехода трактуется как движение «от плана к рынку». Это объясняется тем, что, во-первых, данный аспект наиболее ярко характеризует специфику преобразований в собственно экономических отношениях. И именно данный аспект должен быть важным критерием «провала» или «не-провала» российских преобразований. Иными словами, следует поставить вопрос: имеет ли место заметное продвижение российской экономики в данном направлении или же она остается в параметрах плановой системы? Думается, это вопрос чисто риторический.

Конечно, позитивный ответ представляется сомнительным и даже циничным на фоне негативов в социально-экономическом положении массы населения. Конечно, огромные издержки в этой области желательно было бы минимизировать и они в какой-то степени являются следствием ошибок руководителей преобразований. Но само существование подобных издержек является закономерностью начального этапа переходной экономики. И это тоже известно. «Проблемы, присущие переходным экономикам, - подчеркивает Я. Корнай, - будут способствовать стагнации или абсолютному снижению среднего уровня потребления населения... среди широких слоев населения будет усиливаться чувство глубокой неудовлетворенности снижающимся уровнем жизни, ростом безработицы, неустойчивым социальным положением. В сложившихся обстоятельствах нелегко просить людей приносить новые жертвы. Вот почему обеспечение макроравновесия в экономике займет длительное время...»¹⁰.

Важнейшая «составляющая» современной переходной экономики — движение к постиндустриальному обществу. Для российской экономики это связано с глубокой структурной пере-

¹⁰ Корнай Я. Тенденции постсоциалистического развития: общий обзор. Вопросы экономики, 1996, №1, с.15.

стройкой производства вообще, выделением в ней таких приоритетных направлений как развитие наукоемких производств, науки, образования, здравоохранения и т.п., в частности. Анализ изменений в данном аспекте дает много оснований для вывода о «провале реформ». Однако теория переходной экономики требует в этом случае учесть важный методологический момент, связанный с фактором времени.

Дело в том, что задачи переходного процесса в целом решаются в течении длительного времени, охватывающего многие десятилетия. Если говорить об экономике России, то здесь переходные преобразования осуществляются пока в менее чем десятилетний период. Это, по существу, начальный этап переходной экономики, когда проведенные преобразования еще не могут дать ожидаемого эффекта; когда отсутствие опыта неизбежно увеличивает возможные ошибки; когда, подчас, действует негативный «принцип маятника» и т.п. Все реальные факты и ситуации переходной экономики, - причем не только в области структурной перестройки, - несут на себе печать названных составляющих начального «краткосрочного периода». Следует ли учитывать это обстоятельство в оценочных обобщениях состояния российской экономики на рубеже тысячелетий? Видимо, это важно делать.

И опять-таки речь не о том, чтобы благодаря этому учету «черное» выдавать за «белое» и наоборот. Осуществляемые оценки реальной конкретной ситуации крайне важны, ибо они фиксируют данное состояние экономики; выявляют возможные тенденции ее дальнейшего развития; позволяют вырабатывать известные коррективы для обеспечения более эффективного варианта; приобретают, иными словами, инструментальное значение для экономической политики и т.д. Но, очевидно, что эти выводы сегодня должны рассматриваться именно как «текущие», относящиеся к начальному, «краткосрочному периоду» российской переходной экономики. Они не могут претендовать на роль глобальных обобщений, по которым следовало бы судить о «провале» российских реформ или же, наоборот, об их состоявшемся успехе.

Как видно, предлагаемая методологическая «призма» представляет современные преобразования в российской экономике «несколько» в ином свете. В ином свете вырисовываются и перспективы российского общества в 21в. есть и реальные примеры такого иного взгляда. Так, американский экономист П. Грегори, подчеркивая: «Вряд ли кто возьмется сегодня утверждать, что российские реформы оказались успешными», вместе

с тем, ставят такую задачу: «Исходя из того, что оценивать ситуацию в российской экономике следует взвешенно, помня об огромном бремени советского наследия, от которого нельзя избавиться в одночасье, попытаемся пересмотреть некоторые свидетельства неудач российских реформ».¹¹

Осуществляя анализ постсоциалистических преобразований, П. Грегори, по существу, обращает внимание на ряд моментов не вызывающих сомнения в рамках общетеоретических дискуссий, но «забываемых», подчас, при оценке конкретных экономических ситуаций. Так, он отмечает, что в переходных экономиках «глубокий спад нормален и не является следствием лишь неудачной политики реформ в России».¹² Ситуация в области заработной платы, по его мнению, свидетельствует о процессе адаптации к требованиям рыночных отношений. Говоря о проблемах приватизации, следует учитывать, что «вклад приватизации в обеспечение экономического роста проявится в будущем»... в области институциональных преобразований «Россия добилась поразительного прогресса в деле создания новых институтов»... указав на ряд свойств именно России факторов, П. Грегори отмечает и то, что «в силу перечисленных причин России и не могла быть в числе стран, успешно проводящих реформы».¹³

Таким образом, не «текуще-фактологический», а глубокий научный подход, вытекающий из теории переходной экономики, несколько «смещает» оценки хода преобразований в российской переходной экономике. Акцентируя внимание на долгосрочной перспективе, он ориентирует на разработку стратегических программ развития, учитывающих место России в глобально мировой экономике и диктующих важнейшие параметры для проводимой в процессе преобразований экономической политики.

Выводы о приоритете решения общих задач в российской переходной экономике по сравнению с особенными не являются неожиданным, если к тому же правильно трактовать феномен российского (советского) развития в 20 столетии после 1917г. характерные, достаточно распространенные оценочные клише этого процесса: «неудавшийся социалистический эксперимент», «исторический зигзаг, приведший общество в тупик»,

¹¹ Григорий П. Действительно ли реформы в России оказались столь неудачными? Вопросы экономики, 1997, №11, с.22.

¹² Там же, с.23.

¹³ Там же, с.24, 25, 27, 29.

командная система, чуждая экономическим методам» и т.п. все подобные оценки приводят к логичному выводу, что к концу 20в. Россия вследствие своего необычного, - выпадающего за рамки «нормального» экономического процесса, - развития предстала неким особым, чужеродным для мировой экономики «образованием». Отсюда и возникает проблема поисков для России каких-то необычных, особенных путей в будущее. Между тем, на деле упомянутые оценки-клише далеко не соответствуют реалиям функционирования и развития экономики России в упомянутый период.

Социально-экономическое положение и перспективы СНГ

Разрушение Советского Союза — прямое следствие отказа от социалистического пути развития нашей страны. Возврат к системе капиталистических отношений, осуществленный под флагом "перехода к рынку", означал возрождение в республиках СССР национальной буржуазии, заинтересованной в развале единого союзного государства. Для ученых-экономистов марксистско-ленинской ориентации это было достаточно очевидно еще тогда, когда СССР, Советская власть, социалистический строй казались большинству вечными и нерушимыми завоеваниями народа.

В этой связи хочется напомнить, что летом 1990 г. группа советских ученых-экономистов, в которую входил и автор данной статьи, обратилась с официальным письмом к делегатам XXVIII съезда КПСС, в котором осуждался курс "перехода к рынку", показывались его неизбежные катастрофические последствия, предлагались конструктивные меры по созданию в стране новой, более эффективной социалистической системы (1). В этом письме, в частности, говорилось: "Рыночный путь не совместим с целостностью Советского Союза. ... Отказ от централизованного планомерного управления экономикой, от его коммунистической ориентации неизбежно ведет к центробежным тенденциям, к распаду единого народнохозяйственного комплекса на множество региональных рынков, подчиняющихся требованиям мирового рынка". Это предупреждение не было услышано ни властями, ни обществом, что имело роковые последствия для страны и народа.

Содружество Независимых Государств (СНГ), возникшее на территории постсоветского пространства и охватившее его основную часть, представляет собой крайне неоднородное и весьма аморфное межгосударственное образование.

Пространство СНГ имеет весьма низкий уровень интегрированности. Об этом свидетельствует доля внешнеторгового оборота между странами Содружества в общем объеме. Если в СССР доля межреспубликанского товарообмена в суммарном объеме их внешнеторгового товарооборота составляла 69%, а в ЕС доля оборота между странами в общем внешнеторговом обороте составляет 62%, то в СНГ соответствующий показатель составляет 33%. При этом его уровень имеет устойчивую тен-

денцию к снижению. Об этом свидетельствуют следующие данные.

Доля товарооборота между странами СНГ в общем объеме их внешнеторгового оборота, %

	1990 г.	1993	1994	1995	1996	1997
Всего по странам	69	35	35	34	34	33
СНГ	85	65	54	37	40	46
Азербайджан	78	71	60	52	35	35
Армения	83	81	64	64	66	70
Беларусь	83	75	58	44	43	40
Грузия	84	77	59	60	61	48
Казахстан	83	75	66	67	66	58
Кыргызстан	86	79	72	65	64	61
Молдова	57	27	23	22	23	22
Россия	84	33	34	47	50	51
Таджикистан	87	63	65	52	51	58
Туркменистан	83	72	58	40	27	-
Узбекистан	78	72	64	57	58	50
Украина						

Как показывают приведенные данные, в большинстве стран Содружества и по Содружеству в целом преобладают дезинтеграционные тенденции. Только по Беларуси, Азербайджану и Таджикистану в последние годы наметилась тенденция к усилению ориентации на СНГ. Наименее интегрированной в систему экономических связей постсоветского пространства оказалась Россия. Доля ее связей с другими странами Содружества в общем объеме внешнеэкономических связей упала с 57% в 1990 г. до 22% в 1997 г. Это обусловлено однозначной ориентацией российской экономики на дальнейшее зарубежье, что непосредственно вытекает из курса рыночных реформ. Такая политика России является важнейшим фактором, обуславливающим преобладание дезинтеграционных процессов в СНГ.

Страны, входящие в состав СНГ, существенно различаются по своей социально-экономической природе. Большинство из них пошло по пути форсированного проведения так называемых рыночных реформ и к настоящему времени в них сформировалась система капиталистических отношений. В то же время в некоторых странах СНГ, например, в Беларуси, Узбекистане, Туркменистане, сохранились сравнительно высокая доля государственного сектора экономики, достаточно сильное государственное управление социально-экономическими процессами.

Приватизация государственной собственности проводилась практически во всех странах СНГ, хотя степень ее интенсивности была весьма неодинаковой. Наиболее форсированно она проводилась в России, Молдове, Кыргызстане. Под убаюкивающие разговоры об эффективном собственнике значительная часть общенародного достояния попала в руки дельцов криминального и полукриминального мира. Существенная часть соб-

ственности (как правило, наиболее эффективные ее куски) оказалась в руках иностранцев. Однако отнюдь не все страны форсировали приватизацию. В результате между странами СНГ сложились существенные различия по доле государственного сектора.

Доля государственного сектора в странах СНГ в 1995 г., %

	В общей численности занятого населения	В объеме промышленной продукции
Россия	32,9	9,7
Украина	40,8	51,4
Беларусь	65,1	70,3
Молдова	24,3	37,8
Грузия	40,0	-
Азербайджан	47,0	98,6
Армения	42,3	-
Казахстан	32,7	76,3
Узбекистан	23,5	49,8
Кыргызстан	24,1	48,1
Таджикистан	-	95
Туркменистан	45,5	-
В среднем	35,5	-

Хотя большинство стран постсоветского пространства добросовестно следовало инструкциям западных консультантов и, в частности, МВФ, однако капитализм в этих странах качественно отличается от капитализма развитых стран Запада. Это капитализм периферийного типа. Он отличается прежде всего тем, что он в основном не производительный, а торговоростовщический. Большинство отраслей реального сектора экономики являются низкорентабельными или убыточными. Доля прибыли в объеме ВВП за период с 1991 по 1997 г. снизилась в России с 30% до 4%, в Молдове с 32% до 1%, в Кыргызстане с 23% до 2%, в Армении с 19% до 1%. В Казахстане и Таджикистане экономика в целом стала убыточной и убытки составляют соответственно 2% и 14% ВВП. В этих условиях основные доходы новые собственники получают не от производственной деятельности, а от спекулятивных коммерческих и финансовых операций. Специфической чертой капитализма, возникшего в странах постсоветского пространства и, в частности, России, является его компраторский, криминальный, олигархический характер.

Реставрация капитализма для большинства стран постсоветского пространства имела тяжелейшие социальные и экономические последствия. Почти во всех странах СНГ произошел резкий экономический спад.

Динамика основных показателей экономики стран СНГ
(1998 г. к 1990 г., %)

	Валовой внутренний продукт	Продукция промыш- ленности	Продукция сельского хозяйства	Капиталь- ные вло- жения
Россия	56	46	54	22
Украина	42 ¹⁾	48	58*	20
Беларусь	79	80	71*	48
Молдова	32	36	63*	13
Грузия	44	18	69*	19
Азербайджан	48	45	50*	225
Армения	62	46	117*	4
Казахстан	62 ¹⁾	49	53*	15
Узбекистан	90	120	86*	79
Кыргызстан	59	55	67*	15
Таджикистан	35	37	47*	21
Туркменистан		77 ²⁾	68**	21***

¹⁾ 1997 г. к 1990 г. ** 1996 г. к 1990 г. *** 1995 г. к 1990 г.

Характерно, что наибольший спад экономики произошел как правило, в тех странах, где интенсивно проводились рыночные реформы. И напротив, наименьший спад имел место в Беларуси, Узбекистане, Туркменистане, т.е. в странах, где в большей мере сохранилась управляемость экономики.

Экономический спад в большинстве стран СНГ сопровождался резкой деиндустриализацией экономики. Усилилась топливно-сырьевая ориентация экономики при активном разрушении прежде всего высокотехнологичных и наукоемких производств. Все это явилось прямым следствием усиления зависимости стран от мирового рынка.

Характерным для всех стран СНГ (за исключением Азербайджана) является резкий спад инвестиционной активности. У государства, как правило, денег на инвестиции нет, а частные собственники, понимая всю недолговечность существующей ситуации, не хотят вкладывать свои доходы в отечественную экономику, предпочитая всеми правдами и неправдами переправлять их за границу. В этом отношении несколько лучше положение опять-таки в Беларуси и Таджикистане.

Рыночные реформы привели к тяжелейшим социальным последствиям. Произошло резкое снижение уровня реальных доходов населения. По сравнению с 1991 г. реальные доходы населения снизились в Беларуси в 1,5 раза, в России более чем в 2 раза, в Армении в 4 раза, в Азербайджане и Молдове в 5

раз, в Казахстане в 9 раз. Несмотря на магазинное изобилие, в результате обнищания большинства населения резко упало потребление наиболее ценных продуктов питания. В среднем в странах СНГ среднедушевое потребление мяса и мясопродуктов сократилось с 62 кг в 1991 г. до 46 кг, молока и молочных продуктов – с 319 до 233 кг, яиц – с 245 до 168 штук. За период с 1991 по 1997 гг. душевое потребление мяса и мясопродуктов сократилось в России почти на 30%, в Азербайджане – на 38%, на Украине – на 47%, в Грузии и Молдове – более чем в 2 раза.

Однако все это средние цифры, которые не отражают реальные масштабы обнищания большинства населения. В результате рыночных реформ произошло резкое социальное и имущественное расслоение населения. Многократно выросли доходы у 2-3% населения, тогда как огромная часть населения оказалась за чертой бедности. Так, например, в России по официальным данным в настоящее время около 60 млн. человек, или почти 40% населения, имеют уровень доходов ниже прожиточного минимума.

Угрожающие размеры приняла безработица. В России в настоящее время по официальным данным более 10 млн. безработных, т.е. каждый седьмой человек из экономически активного населения лишен возможности трудиться и зарабатывать на существование.

В большинстве стран СНГ ликвидированы ранее существовавшие в СССР права человека на получение бесплатного образования, бесплатной медицинской помощи. Развал системы здравоохранения и общее ухудшение условий жизни людей резко повысили уровень заболеваемости и смертности. В России за годы «реформ» уровень заболеваемости инфекционными болезнями возрос в 1,2 раза, нервными болезнями – в 1,3 раза, кожными болезнями – в 1,3 раза, туберкулезом – в 2 раза, сифилисом – почти в 50 раз. Число наркоманов и токсикоманов увеличилось более чем в 5 раз.

Уровень смертности в среднем по СНГ вырос с 10,3 человек на тысячу жителей в 1990 г. до 12,5 человека в 1996 г., в том числе в России с 11,2 до 14,2 человек, на Украине – с 12,1 до 15,2 человека, в Беларуси – с 10,7 до 13 человек, в Казахстане – с 7,7 до 10,4 человека, в Молдове – с 9,7 до 11,5 человека. Одновременно существенно снизился уровень рождаемости. В результате с учетом миграционных процессов за годы «реформ» численность населения России сократилась на 1,6 млн. человек, Украины – на 1,6 млн. человек, Казахстана – на 1,2 млн. человек. Все это дает основание говорить о начавшемся процессе вымирания людей на территории постсоветского пространства.

Одним из тяжелейших социальных последствий «реформ» являются катастрофический рост преступности и криминализация всей общественной жизни. Если в Советском Союзе

уровень преступности был одним из самых низких в мире, то сейчас по этому показателю мы приближаемся к стандартам «цивилизованных» стран. Особенно быстро растет число тяжких преступлений – убийств, грабежей, разбоев. Все чаще мотивами преступлений становится борьба за собственность, а также бедность. Криминальный мир все больше подчиняет себе экономику, все активнее проникает в государственные структуры. По имеющимся сведениям, 50% наиболее богатых людей России имеют уголовную судимость.

Рыночные реформы нанесли сильнейший удар по культуре народов Советского Союза. Экраны телевизоров и кинотеатров, подмостки театров, печать и радио наводнены произведениями западной, и в особенности американской, массовой культуры, проповедующей культ силы, наживы, безнравственности и бездуховности. Люди перестали читать, посещать театры и кино. Так, в России число изданий книг и брошюр сократилось почти в четыре раза, посещения музеев и театров – в 2 раза, кинотеатров – в 54 раза. Из 155 фильмов выпущенных на экран, только 28 было российских, зато американских – 85.

В большинстве стран СНГ постоянно вспыхивают межнациональные и межрегиональные конфликты. Проблемы Чечни, Нагорного Карабаха, Приднестровья, Абхазии, Крыма и другие приобретают острейшие, во многих случаях кровопролитные формы. Те процессы, которые привели к разрушению СССР, сейчас представляют собой реальную угрозу целостности ряда стран СНГ и, в частности, России. И здесь проблемы не сводятся лишь к Северному Кавказу. Произошедшее резкое усиление дифференциации российских регионов по уровню экономического развития и уровню жизни населения, переориентация направленности хозяйственных связей регионов на дальнейшее зарубежье за счет разрушения системы межрегиональных связей, отказ от целенаправленной поддержки нуждающихся регионов федеральным центром – все это привело к распаду единого народнохозяйственного комплекса страны на сеть локальных региональных рынков. Взаимоотношения между Москвой и остальной Россией все больше приобретают характер отношений между метрополией и колониями. В этих условиях интенсивно происходит скрытая территориальная дезинтеграция России, которая рано или поздно приобретет открытые политические формы.

Учитывая сложившуюся социально-экономическую ситуацию и имеющиеся тенденции, можно однозначно сделать вывод, что при сохранении нынешнего курса «перехода к рынку», т.е. курса на реставрацию капитализма на постсоветском пространстве, никакой более или менее благоприятной перспективы не имеют ни СНГ в целом, ни отдельные страны, входящие в Содружество. Продолжение курса рыночных реформ, означающее безраздельное подчинение конъюнктуре мирового

рынка, неизбежно приведет к существенному вымиранию населения на постсоветском пространстве, дальнейшему распаду стран, находящихся на его территории, на части, экономически подчиненные крупным иностранным державам. Действительно, с точки зрения конъюнктуры мирового рынка, 2/3 человеческого потенциала, проживающего на постсоветском пространстве, и прежде всего еще уцелевшая интеллектуальная часть этого потенциала, оказывается невостребованной. Тот сегмент мирового рынка, который может быть отведен России и другим странам СНГ, не дает ни малейших оснований для рассуждений о «цивилизованном» вхождении России и других стран СНГ в систему мирохозяйственных связей.

Только радикальное изменение нынешнего социально-экономического курса, отказ от идей «перехода к рынку», а иными словами только поворот на путь социалистического возрождения дает возможность выхода из сложившейся ситуации для обеспечения дальнейшего общественного прогресса на территории постсоциалистического пространства. Решающая роль в осуществлении такого поворота принадлежит России. Если Россия сможет повернуть на курс социалистического возрождения, то вслед за ней такой же поворот почти автоматически произойдет и в большинстве других стран Содружества. На основе планомерной организации территориального разделения труда станет возможным создать общий рынок для продукции обрабатывающих отраслей наукоемких и высокотехнологичных производств.

Социалистическое возрождение отнюдь не означает возврата к тем формам раннего социализма, которые существовали в СССР. Будущее общество должно отличаться высоким уровнем демократизации, развитыми формами общественной собственности, при которых основным типом социалистического предприятия станут самоуправляемые народные предприятия. Качественно изменятся формы планового управления экономикой. На смену планово-директивной системе управления придет планово-договорная система.

Переход к будущей системе социалистических отношений уже сегодня требует реализации целого ряда кардинальных мер. В их числе должны быть, прежде всего, такие меры, как национализация естественных монополий, предоставление трудовым коллективам права контроля за производственной и финансовой деятельностью предприятий, а также права создавать самоуправляемые народные предприятия. Необходимо создание системы государственного маркетинга, оказывающей помощь предприятиям в формировании рынков сбыта продукции. Необходимо жесткое государственное регулирование цен, внешней торговли, введение государственной валютной монополии. Следует резко повысить налоги на сверхвысокие доходы, законодательно запретить использование средств аморти-

зации на любые цели, кроме прямого инвестирования в основной капитал.

Все это позволило бы уже в ближайшее время восстановить экономический потенциал стран Содружества, довести до нормального уровня инвестиционную активность экономики. На этой основе станет возможным ликвидировать безработицу, поднять минимум зарплаты и пенсии до реального прожиточного минимума, восстановить существовавшие ранее в СССР социальные гарантии.

В этих условиях СНГ станет жизненно необходимой формой взаимодействия государств на постсоветском пространстве, основой для их экономической, а в дальнейшем и политической интеграции.

Становится ли Россия капиталистической?*

«Этот образ жизни не имеет названия ... То, что мы называем капитализмом, не есть капитализм»

Татьяна Маслова, оператор коммутатора на Бирюлинской шахте в восточно-сибирском городе Березовский (1)

В конце 1991 г. руководство независимой России выбрало неолиберальную стратегию для осуществления перехода из социализма в капитализм. Основные этапы этой стратегии хорошо известны. Они были призваны осуществить быстрый переход России из социализма к капитализму путем приватизации предприятий, уничтожения системы государственного распределения ресурсов и контроля цен, предоставляя возможность предприятиям самим реагировать на рыночные сигналы, проводя строгую денежную и фискальную политику, а также открытие России мировому рынку товаров, услуг и капитала.

И западные сторонники неолиберальной стратегии и ее российские сторонники ожидали, что она приведет к быстрому развитию капитализма. Споры относительно достоинств неолиберальной стратегии сосредоточились на том, что способна ли другая альтернативная стратегия обеспечить переход более эффективно, с меньшими социальными издержками. Критики же обращали внимание на высокие социальные издержки неолиберальной стратегии. Они также выделяли многие нежелательные черты вновь образованной социально-экономической системы, называя их «номенклатурным капитализмом», «криминализованным капитализмом» или «капитализмом олигархии». Однако существует общее соглашение, что неолиберальная стратегия породила в России новую систему, которая, несмотря на некоторые искажения, является разновидностью капитализма.

Около семи лет прошло с тех пор, как Россия начала переход к капитализму, но пока не ясно, действительно ли в

* Перевод К.В. Иванова

России формируется капитализм. Конечно, исторический переход таких масштабов, в которых он осуществляется в России, не может быть осуществлен в короткий промежуток времени. Но факты вызывают глубокие сомнения в том, что направление изменений в России приведет ее к капиталистическому будущему. Несмотря на развитие некоторых поверхностных черт капиталистической системы — таких как частное владение бизнесом и банками, открытие рынков ценных бумаг и замена централизованного планирования разновидностью рыночной системы — некоторые ключевые основополагающие характеристики капитализма не появились и не показывают никаких признаков к появлению.

Поднятая в этой работе проблема не ставит предметом обсуждения слова и определения. Адвокаты перехода к капитализму в России, по крайней мере периодически, соглашаются с тем, что такой переход, вероятно, повлечет за собой значительные социальные издержки. Предполагается, что эти издержки будут оправданы будущими выгодами и прибылями, связанными с капитализмом, каким мы его знаем. Если же развивающаяся в России социо-экономическая система не капитализм, а что-то другое, то тогда нет оснований ожидать обещанные выгоды от перехода к капитализму. Издержки такого перехода в России, которые оказались огромными, потеряют тогда свое оправдание, и будущее России окажется совсем не тем, каким его обещали западные советники.

Что есть капитализм?

Прежде всего, капитализм есть рыночная система, в которой товары производятся в целях обмена, а не в целях личного потребления или использования в других особенных областях (для пользы родственников или соседей), или в целях выполнения центрального экономического плана. Маркс, который популяризировал термин «капитализм», настаивал, вполне обоснованно, на том, что капитализм есть нечто большее, чем просто рыночная система (2). Хорошим обоснованием является тот факт, что в истории человечества существовало большое количество различных рыночных систем, включая крестьянские общины и союзы ремесленников, а также ориентированные на рынок рабовладельческие системы.

Капитализм — это рыночная система, в которой производство основано на отношениях трудовой стоимости. Это означает, что определенный класс капиталистов владеет средствами производства и нанимает рабочую силу для производства товаров, которые капиталисты затем в конкурентной борьбе продают на рынке. Работники, трудящиеся за зарплату, — класс «двойственно» свободный, в том смысле что они свободны от всяких обязательств (в отличие от слуг и рабов), и также они

свободны от собственных средств производства, которые позволили бы им обеспечивать себя, производя товары для продажи (в отличие от независимых крестьян или ремесленников). Будучи свободными в этом двояком смысле, рабочие должны продавать свои способности к труду владельцам средств производства в обмен на материальные блага, обеспечивающие их (работников) экономическое выживание. В то же время, для того чтобы нанять работника, капиталист должен выплачивать ему заработную плату, которая обеспечивала бы «существование» работника, означая тем самым, что достаточно давать возможность рабочему продолжить существование (и, следовательно, продолжить работать на следующий день) на общественно принятом уровне жизни в данное время и в данном месте. С точки зрения Маркса, доходы, или прибавочная стоимость, которую капиталисты получают, берет свой исток в отношениях трудовой стоимости. Эта прибавочная стоимость есть разница между (чистой) стоимостью, создаваемой трудом рабочего, и жизненно необходимым (репродуктивным) уровнем заработной платы.

Вышеуказанные характеристики капитализма лежат в основе общественной прибыли, которую Маркс приписывал капитализму: его высокая склонность развивать масштабы производства через накопление капитала и нововведений. Из вышесказанного можно выделить три основные характеристики капитализма, относящиеся к данному выводу: 1) капиталисты осуществляют контроль над предприятиями, которые производят товары; 2) для того чтобы производить товары, капиталист должен выплачивать минимально необходимую заработную плату рабочим, которые осуществляют фактическое производство; 3) капиталисты конкурируют между собой при продаже этих товаров на рынке. Конкуренция заставляет капиталистов постоянно снижать цену на свои товары, если они хотят выжить на рынке, и контроль над процессом производства дает им возможности делать это. Тот факт, что товары производятся рабочими, которым должна быть выплачена минимально необходимая заработная плата, означает, что капиталист может понизить цену на свои товары в долгосрочном периоде только путем накопления и инноваций (что увеличивает производительность труда) (3). Эта «революционная» роль капиталистов отличается от относительно умеренных тенденций ранних присвоителей прибавочного труда, таких как рабовладельцы и феодалы. Она также отличается от поведения других видов владельцев частной собственности, которые одновременно противостоят и сосуществуют с капитализмом, в частности землевладельцы, кредиторы и купцы (торговцы). Эти три экономических агента могут быть вовлечены в различные способы производства, включая рабовладельческую и феодальные системы, но они также действуют совместно и с рыночными системами, включая капитализм. Будучи приложенными к рыночной системе, эти три участника, как

и капиталисты, вынуждены вступать в конкурентную борьбу, но они не осуществляют контроль над процессом производства и их доходы не основаны на трудовой стоимости. Следовательно, у них нет побуждения, присущего капиталисту, развивать производство через накопление и преобразование методов производства. Землевладельцы получают ренту через контроль над даром природы, который капиталисты должны использовать для производства своих товаров. Кредиторы осуществляют контроль над доступом к финансовому капиталу и ставкой процента для предоставления кредита. Купцы покупают товары дешево и продают дорого. Таким образом, имущественные доходы этих участников происходят из контроля над ключевыми составляющими начала производственного процесса и строгим распределением, а не из преобразования производственной системы, которую они даже не контролируют (4).

Становление российской социально-экономической системы

С отменой централизованного планирования и контроля цен, а также с приватизацией государственных предприятий, в России возник тип рыночной системы. Товары, произведенные новообразованными частными фирмами и приватизированными государственными предприятиями, продаются другим предприятиям или домохозяйствам. Однако то, что сейчас существует в России, есть весьма искаженная и лишь частично напоминающая рынок система. По оценкам, около 70-80% обменов товаров в экономике протекает в виде бартера или на основе денежных суррогатов (5). В большинстве случаев поставка товаров осуществляется без получения платежей за них, и пока поставки продолжаются, о чем свидетельствует периодическое наращивание огромного неоплаченного торгового долга (6). Рабочих удерживают на предприятиях, они продолжают работать и выпускать продукцию, несмотря на отсутствие эффективного спроса на их продукцию. (Валовой выпуск продукции в российской экономике упал приблизительно наполовину, хотя уровень безработицы по-прежнему относительно низкий) (7). В некоторых случаях товары, которые производят рабочие, возвращаются к ним в виде заработной платы (8). Получается, что предприятия держат своих работников по совсем другим причинам, нежели на основе рыночных расчетов. Можно возразить, что в значительной мере российская промышленность характеризуется производством товаров не для продажи, а для сохранения занятости и обеспечения товарами других предприятий, основа деятельности которых базируется на внутрифирменных отношениях, оставшихся со времен советской плановой экономики. «Нормальная рыночная экономика», которую обещали российские приверженцы неопиберальной стратегии, на самом деле не выглядит таковой.

Сейчас надо принять, что, несмотря на различия в типах рыночных отношений в западном капитализме, в России отсутствует какая-либо модель рыночной экономики. Наиболее существенный пробел между российской экономикой и капиталистической системой лежит в отношениях между новоявленными российскими богачами и рабочими.

Определенный класс стал владельцем и, что более существенно, получил контроль над приватизированными российскими средствами производства. Большинство предприятий реального сектора прекратили свое существование при прежнем эффективном владении и контроле их бывшими топ-менеджерами (с номинальной долей права собственности на рабочих во многих случаях) (9). Эти частные собственники нанимали рабочих, которые имели видимость наемной рабочей силы (wage-laborers).

Однако вызывает сомнение, что работники российских предприятий могут быть описаны как наемная (контрактная) рабочая сила в ее понимании Марксом. Во-первых, зарплата не выплачивается регулярно. Отличительной чертой новой российской экономики является то, что только меньшинство рабочих получает заработную плату вовремя и полностью при любых обстоятельствах (10). Во-вторых, оказалось, что зарплата не покрывает даже большинства необходимых для жизни расходов. Если российские рабочие жили бы на свою зарплату, то сейчас большинство из них бы вымерло. Уровень жизни рабочих упал значительно ниже того уровня, который считался нормальным, но даже новый пониженный уровень не покрывается фактической заработной платой. Существенная доля воспроизводства рабочих осуществляется за счет других источников, таких как выращивание культур на собственных маленьких земельных участках, их последующей обработки и продажи (11). Российские рабочие еще не стали двояко свободными в том смысле, что они сохраняют значительные источники материальной поддержки, вместо того чтобы получать ее из способности создавать прибыли капиталисту-работодателю. Отдельно от самообеспечения за счет своих земельных участков и мелкого производства рабочие остаются на рабочих местах, на которых редко выплачивается зарплата, из-за того что они (рабочие) по-прежнему получают значительные дополнительные льготы, такие как субсидирование жилищного строительства, школ и системы продленного дня, больниц и т.д. Эти дополнительные льготы, и даже случайные выплаты в денежной форме заработной платы, есть основные требования, сохранившиеся со времен бывшей советской системы, которые преобладают над требованием получения зарплат в обмен на создание доходов для собственников.

Наиболее важно в нашей работе то, что доходы нового российского класса состоятельных людей в основном не проис-

ходят из капиталистического присвоения прибавочной стоимости — в том смысле, что она (прибавочная стоимость) не происходит из использования рабочей силы в производстве товаров для продажи на рынке, чистая стоимость которых превосходит издержки по заработной плате. Основные источники доходов в России следующие: 1) экспорт нефти и газа; 2) владение/контроль над городскими землями и строениями; 3) предоставление кредитов государству; 4) торговля; 5) спекуляция; 6) присвоение доходов предприятий; 7) разворовывание общественных фондов; 8) вымогательство. Давайте рассмотрим все пункты по порядку (12).

Большая часть огромных доходов нового российского класса богачей происходит прямо или косвенно из экспорта нефти и газа. Бывший премьер-министр Виктор Черномырдин — символ этого процесса. Бывший министр добывающей промышленности в советские времена, он закончил деятельность, как сообщается, став крупнейшим держателем пакета акций Газпрома, приватизированной монополии в газовой отрасли, владения которой мировыми запасами природного газа оцениваются от 20% до 35% (13). Огромные запасы российской нефти попали в руки бывших советских чиновников, комсомольских активистов, должностных лиц государственного банка и агентов теневой экономики.

В капиталистической системе доход, получаемый предприятиями, добывающими сырую нефть и газ, происходит из 3-х источников, с точки зрения Маркса. Во-первых, предприятия присваивают прибавочную стоимость, производимую рабочей силой. Однако предприятиям, добывающим нефть и газ, требуется мало расходов на непосредственный труд относительно инвестирования в оборудование и последующих затрат на бурение скважин и прокладку нефтепроводов, и, как результат, лишь незначительная масса прибавочной стоимости создается прямым трудом в нефтяной и газовой отраслях. Однако это высокое отношение постоянного капитала (инвестирование в средства производства) к переменному капиталу (инвестирование в зарплату) означает, что конкурентные цены производства нефти и газа будут значительно выше, чем трудовая стоимость этих товаров — следовательно, ценовой механизм перераспределяет прибавочную стоимость, создаваемую в других отраслях, которые используют относительно большее количество прямого труда, в карманы производителей нефти и газа (14). Этот процесс перераспределения есть второй источник доходов для производителей нефти и газа.

Статус сырой нефти и газа как природных материалов также играет роль в потоке доходов. Производители сырой нефти и газа продают природные ресурсы, которые просто взяты из-под земли и продаются с незначительной обработкой на этой стадии. Нефть и газ, как и необрабатываемая земля, приносят

ренту, которая формирует третий источник доходов производителей сырой нефти и газа (15). Как и второй источник прибыли, рента извлекается из ценового механизма и происходит из прибавочной стоимости, создаваемой в других отраслях (16).

Даже на капиталистическом Западе производители сырой нефти и газа только частично являются капиталистами. Часть дохода, происходящего от собственных рабочих, есть непосредственно присваиваемая прибавочная стоимость, а другая часть, которая перераспределена на основе высоких издержек постоянного капитала, представляет «разделение» общего фонда прибавочной стоимости, создаваемой капиталом как единым целым для получения средней нормы прибыли на все количество капитала, которое должно быть инвестировано в нефтяной и газовой отраслях. Однако часть дохода, которая является рентой (или арендной платой) и может быть очень значительной в нефтяной и газовой отраслях, не есть доход капиталиста.

Новые российские производители нефти и газа находятся в уникальной ситуации. Приобретенные нефтяные и газовые скважины, нефтепроводы и т.д. были созданы не путем капиталистического инвестирования, а путем инвестиций, осуществленных при прежнем социалистическом строе. Новые нефтяные и газовые бароны получили эти активы даром или за малую долю их реальной стоимости, а продают нефть и газ по мировым ценам. Сами по себе нефть и газ есть бесплатный дар природы, нефтяные скважины и нефтепроводы есть практически бесплатный дар, созданный рабочей силой при советской социалистической системе. — дар, который даже мало обслуживается, модернизируется или преумножается в текущих условиях. Таким образом, не только часть дохода, но также и часть, ответственная за перераспределение прибавочной стоимости для покрытия высоких потребностей в постоянном капитале в нефтяной и газовой отраслях,

в данном случае составляют некапиталистический поток прибыли. Так как это перераспределение прибавочной стоимости есть доход не на инвестиции нефтяных баронов, а на (практически) бесплатный дар старого режима этим самым баронам, он может быть рассмотрен как один из видов ренты. Только сравнительно маленькое вложение в доход текущей рабочей силы в этих отраслях есть капиталистический доход, остальное основывается на даре природы плюс советском наследии. (Откуда происходит перераспределенная прибавочная стоимость в данном случае, будет рассмотрено ниже.)

Недвижимость в Москве и в Санкт-Петербурге, а также вокруг них, стала очень ценной, и рента со многих частных владений достигает уровня, наблюдаемого во многих других крупнейших городах мира. Спрос на места (площадь) со стороны различных зарубежных компаний и частных лиц, надеющихся сделать некоторые деньги в России, есть основной фактор,

объясняющий высокие ренты. Те, кто смог приобрести контроль над землей и зданиями в этих двух метрополиях, стали очень богаты. Они скорее получатели земельной ренты вместе с рентоподобным доходом на инвестиции советских времен в здания и инфраструктуру (как и в случае с нефтью), нежели капиталистического дохода.

Среди пяти человек, названных самыми богатыми и влиятельными людьми в России в 1994 г., четверо были банкиры (17). Наиболее успешные российские банки не выполняют функцию предоставления кредитов частному бизнесу, как это происходит на Западе. Среди наиболее прибыльных их действий было предоставление кредитов российскому правительству. Большой правительственный дефицит в последние годы финансировался в основном за счет краткосрочных облигаций, и российские банки были главными инвесторами в них. По этим облигациям выплачивались необыкновенно высокие процентные ставки, даже относительно уровня инфляции. Средняя реальная ставка процента по облигациям российского правительства достигала 77% годовых в 1995 г., 44% в 1996-м и 11% в 1997-м (18). Эти огромные потоки прибыли, финансируемые из правительственного бюджета (и в некоторой степени МВФ и другими западными источниками финансирования российского правительства), формировали основную часть высоких доходов нового российского класса собственников (19).

Другая часть доходов нового российского богатства принимает форму коммерческого дохода от торговли. Богатство Бориса Березовского, одного из российских олигархов, началось с продажи российских автомобилей. Импорт автомобилей класса «люкс» и других дорогих западных товаров потребления стал в России доходным бизнесом. Розничные цены на такие товары часто значительно выше их уровня в Бонне или Нью-Йорке.

Спекуляция есть особый способ получения доходов, выражающийся в приобретении активов в надежде продать их, когда рыночная цена на них повысится. Как и предоставление кредитов государству, спекуляция была основным источником доходов российских банкиров. Особенно в начале 90-х спекуляция с иностранной валютой, драгоценными металлами и ценными бумагами составляла основную часть доходов банкиров.

Российская депрессия 1992 г., которая продолжается до сих пор, оставила большую часть предприятий реального сектора экономики без энергии и необходимого сырья, сделала их убыточными и даже практически банкротами. Никакая прибавочная стоимость ими не реализуется, рабочим не могут выплатить хотя бы то, что им причитается. Несмотря на такие условия, те, кто контролирует российские нефинансовые предприятия, нашли способ извлекать большие доходы из убыточных предприятий. Самый распространенный способ — это учрежденные компании, которая продавала бы данному предприятию сы-

рье, необходимое для производства. Такой поставщик регулярно получает оплату, в которую входят большие комиссионные. Таким образом, полу-легитимный доход извлекается из предприятия, несмотря на его убыточность. Извлечение доходов таким способом, даже при участии владельцев и держателей предприятий, есть форма скорее коммерческих доходов, нежели капиталистической прибыли.

Контроль над общественными фондами настолько слабый, что, как говорилось, большие суммы периодически исчезают в руках беспринципных и хорошо подключенных операторов.

Большая часть новоявленных российских богачей состоит из членов организованных преступных группировок. Некоторые из их способов приобретения доходов просто низки по сравнению с вышеуказанными методами, такими как аренда зданий, предоставление кредитов и выгоды торговли. В таких случаях они отличаются от некриминальных агентов нелегальными и обычно жестокими методами, которые они применяют для сбора долгов. Характерной для организованной преступности является практика вымогательства огромных сумм у частных бизнесменов под угрозой насилия. Исследования в 1994 году показывают, что от 70 до 80% частных банков и бизнеса в крупнейших городах России были вынуждены делать «охранные платежи» в размере 10-20% их доходов (20).

Дело не в том, что капиталистическое получение доходов полностью в России отсутствует. Некоторые предприятия находят способы получения доходов от нанятой рабочей силы, несмотря на сильную депрессию и социальный хаос (21). Дело в том, что капиталистическое получение прибыли не формирует большую часть доходов новоявленного класса богачей и собственников. Вместо этого их доходы происходят в основном из некапиталистических отношений (22).

Если новая российская социо-экономическая система не является капиталистической, то какой тогда? Полное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной работы, так что можно привести только краткий анализ. Большинство населения вовлечено в процесс самообеспечения, мелкого производства и торговли, а также ограниченного труда в бывших государственных институтах в обмен на нерегулярную зарплату и некоторые дополнительные блага. Класс собственников не извлекает основной доход в виде присвоенной прибавочной стоимости труда населения. Основные доходы собственников имеют двойное происхождение. Первое — это комбинация природных ресурсов (земля и залежи в ней природных ресурсов) плюс остатки производственного механизма, построенного при советской системе, — инфраструктура (транспорт, коммуникации, производственные мощности), шахты, заводы, офисные здания, большие города и схемы внутрифирменных поставок, независимые от

соображений доходности. Вторая сторона этого процесса заключается в производстве больших частных доходов в мировой капиталистической системе, которая хочет того же от России и готова платить за них. Некоторые из этих вещей есть экономические ресурсы, а именно сырье. Другие – политические, такие как предотвращение возрождения системы социализма в России и принятие доминирования в мире НАТО (и США). Модель дает возможность росту экспортных доходов, в то время как последние влекли за собой продолжающиеся кредиты МВФ и Всемирного банка, а также других официальных фондов в Россию для поддержки правительства Ельцина.

Трудно найти подходящий термин для такой социальной формации. Новая роль России в качестве поставщика сырья на мировой капиталистический рынок и импортера готовых товаров (и продуктов питания) из мировых капиталистических производственных центров дает основания предполагать, что это частично экстрактивная система наподобие Кувейта и Саудовской Аравии. Однако, в отличие от экстрактивных систем стран «третьего мира», она не была создана путем проникновения мирового капитализма в то, что было традиционной крестьянской и артельной экономикой. Главная роль, отведенная советскому наследию, предполагает, что Россия имеет разновидность хищнической социо-экономической системы, в которой базис частных доходов доминантного класса представлен не текущим трудом населения, как это обычно бывает при классовой системе общества, а, скорее косвенно, его прошлым трудом при прежней советской социалистической системе. Этот прошлый труд вместе с дарами природы дает возможность этому классу получать огромную прибыль не из прибавочной стоимости, созданной в мировом капитализме (23). Возможно, подходящий термин для этой хищнической системы, класс собственников которой смешан из землевладельцев, торговцев, кредиторов, спекулянтов, получателей доходов, растратчиков общественных фондов, вымогателей и некоторых капиталистов.

Некоторые могут возразить, что приведенный выше анализ ставит чрезмерные акценты на определенные отвратительные черты российской системы, в то время как недооценивает в ней прогресс капиталистического развития. Аналогия с Роббером Бароном часто проводится и предполагает, что, пока большое количество непроизводительной и ретроградной деятельности осуществляется в России, такая ситуация сходна с временами Роббера Барона в США. После всего в десятилетия после гражданской войны в США наблюдали обогащение через спекуляцию, воровство общественных и частных активов, частное насилие для достижения и защиты богатства и другие виды деятельности, схожие с теми, которые могут быть найдены в современной России; тем не менее та же самая эпоха лежала в основе промышленной мощи США.

Но аналогия имеет существенный изъян. Коллис Хантингтон и его партнеры захватили огромные пространства общественных земель, но они использовали их для скрепления США железными дорогами. Некоторые неудачливые конкуренты Джона Д. Рокфеллера прогорели со своими производственными мощностями, но Рокфеллер строил современные, эффективные нефтеочистительные заводы. Америка времен Роббера Барона соединила в себе воровство с экономическим прогрессом. В России же мы видим первое без последнего.

Эпоха Роббера Барона в Америке не была временем рождения капитализма. Это произошло значительно раньше Гражданской войны. Эпоха Роббера Барона ознаменовалась переходом от малого, семейного делового капитализма к большому, корпоративному капитализму. Становление рынка ценных бумаг одновременно с попытками достичь монопольной силы открыло огромные возможности для непроизводительной и хищнической деятельности. Однако это было интермедиум в реальном процессе строительства гигантских производственных предприятий в области создания железных дорог, средств дальней связи и коммуникации, металлургии, упаковки мяса и т.д. Дж. П. Морган не сосредоточивался на спекуляции с ценными бумагами или выдаче кредитов правительству, а финансировал создание AT&T и U.S. Steel, двух крупных производственных предприятий. Для сравнения, российский класс собственников ускоряет кончину производственного механизма страны, пока пытается извлечь высокие доходы из этого процесса.

Почему капитализм не появляется в России?

Современная история Китая продемонстрировала, что осуществление перехода из социализма в капитализм возможно. Следуя стратегии в корне отличной от неолиберальной, с конца 1970-х Китай находится в процессе перехода к капиталистической системе (24). Сегодня Китай имеет все основные черты капитализма, включая рыночную экономику и большой частный сектор с хорошо развитыми отношениями трудовой стоимости, формирующий базис присвоения прибавочной стоимости новым классом капиталистов. Виды частной собственности пока еще слабо определены, но это не сдерживает развитие всех процессов, связанных с капитализмом, включая быстрое накопление и инновацию (25).

Провал капиталистического развития в России происходит из неолиберальной стратегии перехода. Применение этой стратегии к России подверглось широкой критике (26). Можно критиковать каждый элемент неолиберальной стратегии – моментальное повышение цен, сжатая фискальная и монетарная политика, поспешная приватизация государственных предприятий, спешное открытие мировому капиталистическому рынку.

Некоторые могут показать, как эти меры, единичные и неправильные, непременно должны были вызвать беспрецедентную депрессию в России. Большинство критики сосредоточилось на огромных социальных издержках, вызванных этой стратегией, обнищании населения, падении его здоровья и т.д. Что здесь утверждается, так это не только то, что неолиберальная стратегия привела к плохому макроэкономическому результату и повлекла за собой высокие социальные издержки, но и то, что стратегия препятствовала капиталистическому развитию России. Вполне иронично, что те, кто наиболее сильно хотел капитализма в России, и западные советники и россияне, преуспели в применении стратегии перехода, которая воспрепятствовала достижению столь желаемой ими цели.

История показывает, что успешный переход к капитализму всегда основывался на функционирующем, существующем до этого способе производства. В своем непосредственном появлении капитализм основывался на до этого существовавшей крестьянской и ремесленной экономики Британии и северо-западной Европы, а также и на основе рабовладельческого способа производства ключевых факторов потребления капиталистического развития в Америке. Крестьянская и ремесленная экономики производили пищу и основные факторы потребления, восполнялись новой рабочей силой и некоторое время составляли главный рынок новых капиталистических товаров. Капиталистическое развитие в США в начале XIX века происходило с подобной зависимостью от мелкой фермерской и ремесленной экономики, в той же мере как и на основе рабовладельческой системы Юга, которая обеспечивала поставки основных факторов потребления.

Современный переход Китая к капитализму следовал тем же принципам, хотя и в новых исторических условиях. Первым шагом капиталистического развития Китая было воссоздание крестьянского сельского хозяйства. Однако в равной мере высокой была роль принадлежащего государству и им контролируемого несельскохозяйственного сектора. Китайская социалистическая система обеспечивала поставки новым негосударственным предприятиям произведенных товаров по низким ценам, служила основным рынком для их продукции, предоставляла дешевые кредиты через государственную банковскую систему, поддерживала благоприятную макроэкономическую обстановку через централизованный плановый механизм (включая поддержание контроля цен), контролировала международное передвижение товаров и капитала в рамках, выгодных внутреннему капиталистическому развитию, и брала на себя большие расходы по инвестированию в общественную инфраструктуру, что является необходимым условием капиталистического развития. Игнорируя советы западных экспертов, Китай отверг каждый элемент неолиберальной стратегии, оставив вместо этого

в основном нетронутой социалистическую систему, пока капиталистический сектор осуществлял быстрое развитие бок о бок с этой системой. Это обеспечило основу более быстрого капиталистического развития, чем известные до настоящего времени способы.

Основная причина, почему развитие капитализма в России не удалось, заключается в том, что, следуя неолиберальной программе, Россия быстро демонтировала прежнюю социалистическую систему (27). Не было оставлено никакой платформы, на основе которой могла бы быть построена новая капиталистическая система. Идея попытаться превратить российские гигантские государственные социалистические предприятия, созданные как части интегрированного, монополистического, единого экономического механизма с централизованным планированием, в капиталистические фирмы путем приватизации и уничтожения централизованного планирования была абсурдной с самого начала. Попытка осуществить ее привела к нынешнему хищническому уничтожению того, что было создано при социализме. Следуя стимулам прибыли, как это и должно быть, новый российский класс собственников осознал, что просто невыгодно пытаться заставить действовать прежние производственные институты в качестве обычных капиталистических фирм без прибыли развивающегося государства и при условиях относительно нерегулируемой мировой рыночной конкуренции в самой России. Из того, что не может функционировать с получением прибыли, извлекаются любые ценности, которые только могут быть найдены, а производственная система, которая поддерживала средний уровень жизни 150 миллионов человек, в основном не используется, в то время как значительное большинство вынуждено ухаживать за своими садовыми участками в надежде избежать голода.

Значение провала капиталистического развития

Если возникает вопрос о том, что определение новой российской системы как капиталистической выходит за рамки этого термина, то она (система) должна иметь самостоятельные черты для развития России. Можно выделить четыре такие черты, как 1) экономический прогресс, 2) демографические тенденции, 3) демократия и 4) стабильность Российского государства.

Капитализм был объявлен способом продолжения экономического прогресса, который захлебнулся в последние десятилетия существования советской системы. Вместо этого то, что было медленным экономическим прогрессом, уступило место экономическому регрессу. К третьей четверти 1997 г. реальное инвестирование в российскую экономику упало на 76% по сравнению с 1990 г. и было, вероятно, ниже уровня обесценивания на протяжении нескольких последних лет (28). Наш анализ на-

водит на мысль, что это есть не только макроэкономические издержки переходного «шока».

В советские времена существовала большая система, нацеленная на достижение экономического роста и инноваций. Она включала в себя высокий уровень инвестиций, подготовку большого числа ученых и инженеров, специальные институты, сосредоточенные на разработке новых продуктов и технологических процессов, а также стимулы для предприятий внедрять новые технологии. Эта система работала несовершенно и менее эффективно в последние десятилетия, чем в первые, но она вызвала значительный экономический прогресс во времени. Старая система, генерировавшая экономический прогресс, рассыпалась, когда социалистическая система была демонтирована. С провалом развития капитализма система была демонтирована. Больше не существует источника стимула развивать и осуществлять инновации. Государство больше не осуществляет крупные инвестиции или поддержку инноваций, а у нового класса собственников в этом нет никакой необходимости. Инновации не требуются для добычи и экспорта нефти и газа, аренды городских зданий, сбора процентных платежей правительства, продажи «мерседесов» новым богачам или вымогательства денег у предприятий. В России не существует перспективы восстановления экономического прогресса в пределах новой системы.

Наиболее тяжелыми социальными издержками российского экономического перехода стал кризис состояния здоровья населения. Среди последствий изменения здоровья населения оказался молниеносный рост уровня смертности, в основном среди мужчин среднего возраста, вызванный алкоголизмом, насилием, а также инфекционными и неинфекционными болезнями (29). Растущий с 1991 г. уровень смертности достиг оценки в 2,2 миллиона преждевременных смертей к концу 1996 года (30). В то же время уровень рождаемости упал, достигнув беспрецедентной убыли населения в мирное время в размере 5 человек на тысячу ежегодно в течении 1993-96 (31). Важный вывод может быть такой: кризис здоровья населения и его демографическая катастрофа явились результатом неолиберальной стратегии перехода и мгновенных экономических и социальных последствий, которые она вызвала, такие как обнищание большей части населения, рост безработицы, резкое сокращение медицинского обслуживания, а также крушение общественного порядка (32).

Представленный здесь анализ предлагает, что естественная убыль населения должна быть рассмотрена в контексте запросов новой, развивающейся российской некапиталистической экономической системы. Население России в 148 миллионов человек в большей части городское и хорошо образованное, но новая система не нуждается в таком населении. Новым богачам не нужно большое количество хорошо образованного го-

родского населения для извлечения ренты, процентов, коммерческих доходов и т.п. Конечно, существуют некоторые доступные роли в новом порядке, предоставляющие различный сервис секторам, добывающим сырье и импортирующим произведенные товары, а также непосредственно новым российским богачам. Однако для большинства российского населения в новой системе нет места. Катастрофическая убыль населения в России может быть рассмотрена как «приспособление» к экономическим требованиям новой российской системы.

России была также обещана демократия наряду с рыночной экономикой. Действительно, существует историческая ассоциация между капитализмом и парламентской демократией. Даже если бы капитализм развивался в России, демократия не была бы пригодной для первого. Первые этапы такого процесса неизбежно влекут за собой трансформацию прежнего российского относительно уверенного работающего населения в «свободную» рабочую силу и передачу ценной государственной собственности новым владельцам, которые ее не заслужили. Слишком много демократии препятствовало бы таким процессам. Однако, капиталистическое развитие обещало хотя бы окончательное становление парламентской демократии, как только новая система как следует сформируется.

Новая российская экономика, основанная на хищническом расхищении ресурсов, экономика не дает никаких обещаний о демократии даже в будущем. С 1992-1993 гг. Россия испытала все более и более авторитарное правительство и быстрое развитие откровенно олигархической политической системы. Некоторые приписывают эти тенденции к пережитку «советского менталитета» или неудачной авторитарной черте президента Ельцина. Они могут быть более правдоподобно объяснены как нормальный политический аккомпанемент новой российской системе. Система, в которой даже нет места для большинства населения, не может допустить демократии, если она хочет выжить.

Наиболее существенное движение к демократии в истории России происходило в последние дни советской системы. Михаил Горбачев ввел новые демократические институты в своей кампании по реформированию государственного социализма, основанной на вере в то, что реформирование экономики требует общественного участия. Травектория российского социально-экономического развития с 1992 г. в основном подавила рост демократии, происходивший с конца 80-х.

Нынешняя российская система угрожает выживанию самого Российского государства. Россия занимает обширную и разнообразную территорию с различными этническими и лингвистическими группами. В то время как большие империи были жизнеспособны на ранних исторических стадиях, в современную эру большие многонациональные государства удерживались

вместе только благодаря одной из двух социально-экономических систем. Одна — капитализм, который, соединяя вместе обширные регионы через основанную на рынке экономическую независимость, мог удерживать такие государства вместе. Второй — государственный социализм, при котором центральное планирование служило скреплению вместе большого региона и населения через плановое разделение труда и специализацию.

В России социализма больше не существует, а капитализм и не предвидится. Ее современная социально-экономическая система не может образовать прочный базис для удержания целостным многонационального государства. Во многих регионах местная элита взвешивает, какие преимущества она может получить, оставаясь в составе Российской Федерации, чему противопоставляется собственное соглашение с мировым капитализмом. Новый российский класс собственников находится в Москве, а региональная элита возмущена сосредоточением богатства в одном городе. Если нынешнее направление российского развития будет продолжаться, Россия может распасться на большое количество маленьких государств, имеющих различные социально-экономические системы.

Наш анализ говорит о том, что капитализм, как со своими достоинствами, так и с недостатками, не развивается в России. Вместо этого появилась хищнически-расточительная экономика из прежней социалистической системы. В результате вполне вероятно, что будущим России будет деиндустриализация, депопуляция, де-демократизация и дезинтеграция, если неолиберальная стратегия останется в силе.

Однако существование этой системы в долгосрочной перспективе под вопросом. Доходы доминирующего класса зависят от инфраструктуры, созданной при советской социалистической системе, а функционирование этой новой системы истощило советское наследие, не сумев даже сохранить его (33). Со временем окажется, что возможность нового класса собственников извлекать доходы будет уменьшаться. Одновременно страдания российского низкооплачиваемого, а чаще неоплачиваемого, рабочего населения, скорее всего, увеличатся. До лета 1998 года солидной поддержки режима со стороны нового российского класса собственников и главных капиталистических правительств было достаточно для удержания власти. Однако финансовый кризис в августе 1998 г. ознаменовало начало конца этой системы. Российская финансовая олигархия ослабла, западная поддержка оказывается все более неуверенной. Будущее нынешней российской системы может оказаться очень кратковременным, а то, что может прийти ей на смену, — трудно определить.

Примечания:

1. The New York Times. 17 сентября 1998. С. А6.
2. Маркс, издание 1967 года, главы 4-7.
3. В краткосрочном периоде капиталист может уменьшить издержки и повысить доходы другими способами, включая уменьшение заработной платы и ускорение процесса работы. Однако такие методы имеют естественные пределы. Только накопление и инновации дают возможность продолжительному увеличению производительности труда и снижению общих издержек.
4. Когда происходит взаимодействие с хорошо развитой капиталистической системой, некоторые из этих осевых классов собственников могут подвергаться воздействию со стороны капиталистического стимула осуществлять инновации. Это применимо как к купцам, так и к банкирам на определенной стадии капиталистического развития.
5. Меньшиков, ноябрь 1998.
6. Просроченные векселя составили одну треть счетов предприятий, подлежащих уплате в конце 1996 года.
7. Валовой внутренний продукт России с 1990 по третью четверть 1997 года упал на 49,6%, в то время как уровень безработицы вырос только на 9,1% в третьей четверти 1997 года (Котц и Веир, 1997 год, стр. 174, и Госкомстат России, 1997 год, стр. 9, 69). Для сравнения, во время Великой депрессии в США реальный валовой национальный продукт с 1929 по 1933 год упал на 31% и уровень безработицы вырос на 25% (Экономический доклад президента, 1974 год, стр. 250, 276).
8. У некоторых станций Московского метрополитена можно встретить рабочих текстильной промышленности, отчаянно пытающихся продать товары, которые они получили в виде зарплаты.
9. Так, на первое июля 1994 г. 74% приватизации совместных предприятий происходило через распределение акций работникам данных предприятий (Международный валютный фонд, 1995 г., стр. 128). Существует общее согласие, что данный порядок приватизации приводил к тому, что обычно большая доля собственности и эффективный контроль над предприятием сосредоточивались в руках топ-менеджеров, а не в руках рабочих.
10. Одно исследование выявило, что в 1996 году 30% российских рабочих получали зарплату полностью и вовремя, 31% — с задержкой, а 39% вовсе ее не получали.
11. Оценки пропорций потребления пищи, выращенной на приусадебных участках для собственного потребления людьми, не занятыми в аграрном секторе, достигли высокой величины в 40%.
12. Здесь нас интересует продолжающийся поток доходов нового российского класса богатей, а не методы, благодаря которым они стали богатыми. Появление класса богатей в системе, в которой до этого не было легитимного класса собственников, обязано применению различных форм воровства, инсайдерскому влиянию, насилию и другим непривлекательным процессам. Те, кто выступал за превращение российской общественной собственности в частную, не должны быть удивлены этим.

- 13 Аналитический доклад о российском нефтяном инвестиционном рынке, 1995 год, и The New York Times, 9 сентября 1995 года, стр. 3
- 14 В марксистской теории прибавочной стоимости тенденция к выравниванию доходов во всех отраслях промышленности находит выражение в «ценах производства» для каждого товара и отличается от трудовой стоимости товара. В отраслях с высоким отношением постоянного капитала (средств производства) к переменному капиталу (производительности труда) продажа товара по трудовой стоимости будет приводить к доходу ниже средней нормы прибыли (так как прибавочная стоимость происходит только из трудовой стоимости) и, как следствие, отток капитала из таких низко прибыльных отраслей повысит цену производства этого товара выше трудовой стоимости. Результирующее установление цен производства перераспределяет прибавочную стоимость между отраслями так что каждый капиталист имеет тенденцию к получению количества этой стоимости пропорционально инвестированному капиталу
- 15 Только ограниченное число производителей будут получать ренту. Малорентабельный производитель, добыча нефти и газа которого обходится наиболее дорого среди всех производителей на данном рынке, не будет получать ренту
- 16 Четвертый источник доходов также может существовать в производстве нефти и газа, если производители обладают монополией властью через картель или другие средства
- 17 Из исследования журнала «Независимая газета», опубликованного в Business World of Russia Weekly, часть 3 номер 48/141, декабрь 17-13, 1994 год, страница 2
- 18 Меньшиков, октябрь 1998 года
- 19 В августе-сентябре 1998 года эта система потерпела крах, когда российское правительство стало неспособным погашать растущие месячные процентные выплаты, которые в начале июля этого же года превосходили доходы правительства на 40%. Результатом стал дефолт по долгам, который немедленно привел многие крупнейшие российские банки к банкротству. Вопрос о том, пострадают ли сами олигархи, которые владеют банками, от финансовых последствий, или вместо этого их банки прогорят, выходит за рамки данной работы
- 20 The New York Times, 30 января 1994 года, стр. 1, относительно доклада, сделанного Президентом РФ Борисом Ельциным
- 21 Например, гигантский металлургический комплекс в Магнитогорске оставался прибыльным большую часть 90-х гг. благодаря способности продавать сталь неплохого качества по низким ценам на мировом рынке. Он даже привлек 100 миллионов долларов в виде инвестиций с Запада, из Германии, смог построить новый прокатный цех и электрическую печь. Некоторые производители продуктов питания имеют успех на внутреннем рынке, такие как производители пасты, которые выпускают дешевые продукты питания для обездоленного населения. Однако такие случаи успеха представляют малую часть производственного сектора российской промышленности

- 22 Главный аргумент данной работы основывается на эмпирическом предположении, что капиталистическое получение доходов формирует только малую часть дохода нового российского класса собственников. Это опирается на распространенный взгляд, что только маленькая часть российского производственного сектора дает положительную прибыль. Некоторые известные российские экономисты и банкиры в прошлом оценивали в беседах с автором, что от 10 до 15% российской промышленности являются доходными при тех экономических условиях, которые сложились в России (хотя прибыльной может быть большая часть при других экономических условиях). Однако возможно, что прибыльным является большее процентное соотношение. Автор пока не нашел каких-либо конкретных данных для решения этого вопроса. В отсутствие четких данных утверждения, сделанные в этой работе, должны быть рассмотрены как предварительные
- 23 Маркс обвинял капитализм в том, что он называл «вампириподобной» практикой капитала «высасывать кровь» из живого труда, но новый российский класс собственников нашел способ «выкачивать кровь» из мертвого труда (термин Маркса для прошлого труда). Существует соблазн назвать эту систему «некрофальный способ производства» от термина, обозначающего способ существования за счет мертвого организма. Однако практика необязательного применения мрачной терминологии в современной общественной науке является одной из наиболее ничтожных черт, поэтому этот соблазн будет отброшен.
- 24 Смотрите Майснера, 1996 год, для более детального описания этого процесса
- 25 Наряду с положительными результатами есть и отрицательные, включающие быстрое повышение неравенства, жестокую эксплуатацию рабочих, загрязнение окружающей среды и повышение безработицы
- 26 Например, смотрите Голдман (1994 год), Котц и Вейр (1997), Миллар (1994), Мюррел (1993), Вайскопф (1992)
- 27 Более того, восстановление крестьянского сельского хозяйства было, вероятно, в 1992 году в России невозможно. Поддержка приватизации сельского хозяйства в 1991 году была очень сильна в российских городах, но не среди сельского населения, которому бы пришлось ее осуществлять. Как оказалось, городские жители неожиданно получили возможность стать временными фермерами, когда они лишились каких-либо других альтернативных средств обеспечения питанием себя и своих семей.
- 28 Госкомстат России, 1997 а, стр. 20; OECD, 1997 год, стр. 90; Котц и Вейр, 1997 год, стр. 174
- 29 См. Филд, 1998 год
- 30 Госкомстат России, 1997 б, стр. 7, и 1994 год, стр. 43. Расчет преждевременных смертей, вызванных условиями перехода с 1991, основан на росте уровня смертности после 1991 года, который вырос с 11,4 на тысячу до высокого 15,7 в 1994 году, прежде чем упал до 14,3 в 1996 году
- 31 Уровень роста или убыли населения также затрагивается миграцией в страну и из нее. Естественный уровень изменения насе-

ния связан исключительно с изменениями в уровнях рождаемости и смертности.

32 Этот пример приведен Филдом, 1998 год.

33 Исчезновение грузовика в мае прошлого года в огромной воронке, которая неожиданно образовалась на улице Большая Дмитровка и перекрыла дорогу к Кремлю, есть предвестник будущего.

Литература:

1. Филд Марк, Котц Дэвид М. и Бухман Жене. 1998 год. Неолиберальная экономическая политика, «истощение государства» и кризис здоровья россиян. Вымирание ради развития: глобальная реструктуризация и здоровье бедных слоев населения. Mongee, ME Common Courage Press.
 2. Голдман Маршалл И. 1994 год. Потерянная возможность: почему экономические реформы в России не сработали. New York: W.W. Norton.
 3. Госкомстат России. 1997 а. Статистическое обозрение № 4.
 4. Госкомстат России. 1997 б. Статистическое обозрение № 1.
 5. Госкомстат России. 1994 год. Российский статистический ежегодник.
 6. Международный валютный фонд. 1995 год. Экономический обзор 1994 года. Российская Федерация.
 7. Котц Дэвид М. Совместно с Фредом Веиром. 1997 год. Революция сверху: кончина советской системы. London and New York: Routledge.
 8. Маркс Карл. 1967 год. Капитал. Критический анализ капиталистического производства. Том 1. New York: International Publishers.
 9. Маиснер Морис. 1996 год. Эпоха Дэн Сяопина: исследование судьбы китайского социализма 1978-1994 годов. New York: Hill and Wang.
 10. Меньшиков Станислав. 1998 год. Евро-азиатское благосостояние и Восточная Европа: ежемесячный доклад.
 11. Миллар Джеймс Р. 1994 год. Провал шоковой терапии. Problems of Post-Communism 41, Fall: 21-25.
 12. Мюррел Питер. 1993 год. Что есть шоковая терапия? Что она сделала в Польше и в России? Post-Soviet Affairs 9(2): 111-140.
 13. OECD. 1997 год. Краткосрочные экономические показатели переходной экономики, №2.
 14. Соколов Вениамин. 1998 год. Вирус в России. The New York Times, Op-Ed Page, June 1. A19.
- Вайскопф Томас Е. 1992 год. Переходная Россия: опасность короткого пути к капитализму. Challenge 35(6): 28-37.

Е. В. Красникова

Россия: первоначальное накопление капитала

Все, что происходит в России на протяжении 90-х годов, воспринимается как сплошной хаос апокалиптического характера. Питательной почвой для таких представлений является стремительный характер развития, сопровождающийся разрушением всех основ жизнедеятельности общества.

Сложившаяся в России к концу XX века ситуация действительно полна драматизма. Однако в развитии происходящих событий отчетливо просматривается внутренняя логика переживаемого российской экономикой исторического процесса. Это - логика первоначального накопления капитала (ПНК) со свойственными ему внутренним содержанием, механизмом осуществления, характером развития. Такое утверждение на первый взгляд представляется неправдоподобным. И все же попытаемся обосновать этот тезис.

«Подлинный социализм»

как исходная предпосылка рыночной трансформации

Ныне никто всерьез не оспаривает рыночного характера преобразований в российской экономике. Но содержание переходного периода значительно богаче. Это не только становление нового типа хозяйствования - рыночного вместо планового, но и иной социально-экономической системы. И такой системой выступает капитализм, где господствующими являются отношения частной собственности во всем их современном многообразии, отношения наемного труда и капитала. Вне исторически определенной системы отношений собственности тип хозяйствования не существует. И если официальное замалчивание этого обстоятельства на протяжении всех 90-х годов не лишено было смысла в стране, где десятилетиями формировалось крайне негативное отношение к капитализму, то с точки зрения научной оно не вполне состоятельно.

Но прежде уточним, в какой социально-экономической оболочке существовала плановая экономика. Ответы на данный вопрос неоднозначны: это и государственный капитализм, и мутантный социализм, и просто деформированный (искаженный, извращенный) социализм. Подобные утверждения не представляются убедительными. Менее всего советская экономика яв-

лялась капиталистической независимо от прилагательного. Приведем лишь один аргумент: всеобщее огосударствление экономики попросту исключает товарно-денежные рыночные отношения и законы, их регулирующие. Но вне таких отношений никакой тип капитализма не существует.

Конкретизируя природу построенного в стране социализма, следует исходить из того, что теоретической основой социалистической революции в России явилась так называемая концепция научного социализма, разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом и изложенная ими в ряде работ. Социализм строился в полном соответствии с данной концепцией: общенародная собственность, развитие по единому народнохозяйственному плану, распределение материальных благ и услуг по труду, всеобщая трудовая обязанность и всеобщая занятость и пр. Марксизм-ленинизм стал официальной идеологией.

Однако социализм на практике оказался весьма отличным от его теоретических представлений. И дело здесь не в отступлении от теории, а, во-первых, в неправомерности заимствования данной концепции, разработанной ее авторами для развитых капиталистических стран, к числу которых Россия начала XX века не относилась; во-вторых - в несостоятельности самой этой концепции. Как показала история последующего развития, ни одна из развитых капиталистических стран на путь социалистических преобразований так и не вступила. Присущие капитализму социально-экономические противоречия получили разрешение иным путем - путем эволюции свободной рыночной экономики в смешанную, капиталистического способа производства в "ассоциированный", о чем писал и сам К. Маркс, связывая это превращение с эволюцией индивидуальной частной собственности в формы ассоциированной, имея ввиду акционерную и кооперативную (см. 27 гл. III тома "Капитала").

В силу названных причин (выявленная историей несостоятельность концепции научного социализма, равно как неправомерность ее использования в крестьянской стране) никаким иным социализм на практике не мог оказаться. Он явился «подлинным социализмом», возведенным, по выражению русского философа С.Л. Франка, «сектантами-фанатиками». «Построенный в боях» социализм не с чем сравнивать, а потому неправомерно квалифицировать его как мутантный, деформированный и пр. Будучи продуктом реализации концепции научного социализма, он явился таковым в качестве единственно возможного, повторенным в странах мировой социалистической системы в полном соответствии с подлинником - советской мо-

делью социализма. Копии отличались лишь национальным колоритом.

Построенный вопреки закономерностям мирового экономического процесса социализм приобрел специфические черты, порожденные особенностями его возникновения и функционирования. Наиболее существенные из них следующие:

- не только в возникновении социализма, но и в истории его существования решающую роль сыграло насилие, направленное на подавление свободы во всех формах жизнедеятельности и принявшее беспрецедентные в мировой истории формы и масштабы;

- с самого начала социализм оказался на положении инородного тела в мировой системе и как таковое подлежал отторжению. В силу этого его экономика была обречена на милитаризацию, на приоритетное развитие ВПК, что заведомо исключало реализацию так называемой "высшей цели социализма", а иной ситуации и быть не могло;

- социализм и сам был крайне агрессивен в своем стремлении к насильственному распространению своих идей, своих границ, что еще более усиливало милитаризацию экономики;

- отношения государственной собственности оказались внутренне глубоко противоречивыми, в силу чего характеризовались слабой мотивацией к эффективному высокопроизводительному труду, что лишь до определенного момента компенсировалось трудовым энтузиазмом.

Вся история социализма протекала в экстремальных условиях. Но иными они и быть не могли в силу названных выше причин. Социализм - порождение специфических условий российской истории, причудливого переплетения целого ряда обстоятельств, в силу чего он и оказался "неотвратимой судьбой России" (Н. Бердяев).

Экстремальные условия существования социализма предопределили формирование макроструктуры с доминированием в ней ВПК. Потенциал такого развития в сочетании с внутренней противоречивостью отношений государственной собственности, питаемый сельским хозяйством в качестве основного донора, к 70-м годам был полностью исчерпан. И на поддержку военного паритета был брошен ТЭК - основной, хотя и весьма неустойчивый источник валютных поступлений. С этого периода соотношение ВПК и ТЭК стало изменяться в пользу второго.

К середине 80-х годов, когда социализм уже дышал на ладан, правящей партийной элитой была предпринята попытка

преобразований в целях "очеловечивания" социализма. Однако потенциал его развития был полностью исчерпан. И перестройка сыграла роль своеобразного катализатора, придавшего гибели социализма летальный исход.

Итак, социализм на практике оказался таковым не в силу искажений, якобы допущенных правящей номенклатурой, партийной - прежде всего. Иным при объективно сложившихся предпосылках его возникновения и условий функционирования он попросту не мог быть. И в этом смысле пророческими оказались слова С. Франка о том, что пришедшие на волне стихийного народного движения к власти "сектанты-фанатики... стали уже планомерно насаждать подлинный социализм, то есть творить дело вдвойне бессмысленное и губительное не только по своей объективной нецелесообразности (ибо социализм, как это теперь очевидно всякому, есть внутренне ложная, несостоятельная система народного хозяйства), но и по своему полному несоответствию даже стихийным потребностям и инстинктам народных масс" (Новый мир. 1990. № 4, с.21).

**Некапиталистическая природа
"допущенных" при социализме
товарно-денежных отношений**

Как уже отмечалось, менее всего построенная в СССР система являлась капиталистической. Капитализм по своей сути есть товарное производство, товарное обращение, товарно-денежные отношения носят здесь всеобщий характер. Социализм же с присущим ему тотальным огосударствлением экономики исключает товарно-денежные отношения (ТДО), о чем совершенно недвусмысленно писали авторы концепции научного социализма. Отношения государственной собственности есть отношения непосредственно общественные, планомерные. И в этой связи весьма примечательна социалистическая практика "допущения" ТДО, неуклонно расширявшегося, начиная с середины 50-х годов, включая все последующие. Все крупные хозяйственные реформы прошли под флагом расширения сферы действия ТДО, то есть расширения экономической самостоятельности хозяйствующих субъектов, передачи управленческих функций на все более низкий уровень, начиная с региона и отрасли и кончая ПО и НПО в конце 80-х годов. Таким окольным путем фактически признавалось превосходство ТДО с точки зрения обеспечения эффективного хозяйствования.

Однако такое допущение дорогого стоило. Достигнув критической массы, ТДО полностью разрушили отношения планомерности, институты которых рухнули еще до официального начала рыночной трансформации.

Внедрение ТДО на протяжении всех лет советской власти осуществлялось и нелегально в облике так называемой теневой экономики, постепенно и неуклонно набравшей силу. Вкупе с официально допущенными ТДО теневая экономика исподволь разрушала официальную, способствовала ее перерождению. В теневую деятельность в конце концов оказались втянутыми и высшие партийные слои общества. Достаточно вспомнить громкие уголовные дела 80-х годов. А сколько их было, не получивших широкой огласки.

Итак, объективно обусловленные всем ходом истории ТДО тем или иным путем прокладывали себе дорогу в недрах социалистической экономики вопреки имманентно присущим ей отношениям планомерности. Именно последним социалистическая экономика обязана формированием в ней ресурсоограниченного, затратного, экстенсивного, хронически дефицитного типа общественного воспроизводства, то есть нежизнеспособного.

Но и судьба ТДО оказалась не лучшей. Социалистическая экономика действительно насыщалась именно допущенными ТДО. Как таковые они в своем развитии были скованы отношениями планомерности и в силу этого - глубоко деформированными. Такие категории, как товар, деньги, цена, прибыль и пр. были искажены в своем содержании, не регулировались законами товарного производства и товарного обращения. Их наполнение реальным рыночным содержанием началось лишь в годы рыночной трансформации. Произошедшая в эти годы так называемая натурализация экономических отношений внутри реального сектора экономики, усматриваемая в распространении бартерных сделок, по существу есть ничто иное, как воспроизведение доденежного характера товарного обмена, порожденного нетоварной природой унаследованных от социализма ТДО. Таковыми они становятся лишь в процессе рыночных преобразований. Этим же определяется и демонетизация ВВП: кредитно-денежное обращение далеко не в полной мере регулируется законами денежного обращения. В этом главная причина, а не в просчетах ЦБР. Становление рыночных отношений - длительный процесс, он не совершается в момент принятия тех или иных законодательных актов прорыночного характера, лишь облегчающих и ускоряющих этот процесс.

Не будучи рыночной по определению, советская экономика не могла быть и капиталистической. Плановая экономика как тип хозяйствования была порождена безраздельным господством отношений государственной собственности, какой по существу являлась и кооперативно-колхозная форма собственности. Это был государственный социализм, в котором материализовалась марксистская концепция. Несостоятельность социализма на практике имеет своей основой несостоятельность научной концепции. И всякие попытки ее неискаженного воплощения в жизнь обречены на неудачу. Дорога в ад, как известно, вымощена благими пожеланиями. Рывок от феодализма к социализму, минуя капитализм, не удался. Страна оказалась отброшенной к началу XX века с точки зрения этапа исторического развития. Перед ней вновь встала проблема "развития капитализма в России", хотя и при совершенно иных исторических предпосылках. С этой точки зрения переживаемый российской экономикой этап представляется правомерным характеризовать "предысторией капитализма", его прологом, процессом первоначального накопления капитала.

"Предыстория капитализма" в России

Итак, рыночная трансформация российской экономики тождественна становлению капиталистических экономических отношений. Такой этап экономического развития со времен А. Смита в экономической науке получил название первоначального накопления капитала. Этот процесс имеет только ему присущие содержание, способы осуществления, характер развития.

В содержательном плане это есть процесс образования денежного капитала в целях его последующего превращения в промышленный, когда капитал овладевает реальным сектором экономики, в результате чего капитал становится господствующей экономической категорией, рыночная экономика поглощает все экономическое пространство страны. Но исторически и логически исходной формой капитала является денежный. Деньги, будучи высшим продуктом докапиталистического товарного производства, при определенных исторических предпосылках становятся исходной формой капитала, эволюционирующей в промышленный капитал.

Денежный капитал как предшественник промышленного необходим для участия в разделе и переделе ранее накопленного национального богатства. Концентрация свободных денежных средств в руках наиболее предприимчивых членов общест-

ва достигается путем их изъятия у всех слоев общества, ими располагающими. Такое изъятие осуществляется, как правило, насильственными методами: это и мошенничество, и обман и шантаж, и убийства. Во всех странах Запада этот процесс протекал стихийно. Государство использовалось главным образом в качестве законодательного органа, юридически закреплявшего вновь формирующиеся отношения собственности.

Все эти явления отчетливо просматриваются и в российском обществе на протяжении всех 90-х годов. Все они внутренне взаимосвязаны, имеют единое происхождение, подчиняются внутренней логике исторического процесса, именуемого ПНК. Здесь в полной мере развернулся процесс образования денежного капитала, осуществляемый самыми разнообразными способами. Это и обман, и шантаж, и мошенничество, и взяточничество, и казнокрадство, и прямое насилие над личностью. Российское законодательство 90-х годов в немалой мере способствовало этому: в десятки раз занижение стоимости подлежащих приватизации объектов государственной собственности, неспособность (нежелание защищать интересы широких слоев населения, безнаказанность мошенников, обирающих население, беспомощность в борьбе с криминалом, неэффективность судебной системы и пр. Оно и само приложило руку к выкачиванию средств из кармана населения несвоевременной выплатой заработной платы и социальных пособий, созданием системы уполномоченных коммерческих банков, безнаказанностью спонтанной приватизации, предусмотрительным введением безымянных ваучеров, предоставлением всякого рода льгот особо приближенным бизнесменам и т.д.

С точки зрения экономической все эти явления имеют одинаковое происхождение и назначение: содействие процессу ПНК, протекающего в адекватных российским условиям формах, как эти условия сложились к началу рыночных преобразований. И подходить к ним следует с точки зрения объективных закономерностей, а не личностных оценок.

Особенности ПНК в России

При полном соответствии ПНК классическим канонам с точки зрения его содержания, способов осуществления и даже характера развития, оно отнюдь не лишено глубоких национальных особенностей. Наиболее существенными обстоятельствами, предопределившими эти особенности, представляются следующие:

-ПНК в России протекает в постсоциалистической, а не постфеодальной стране, как это было в ныне развитых странах Запада;

-он протекает в индустриальной стране, а не в условиях домашнего производства;

-фактор времени: развитие капитализма в России возобновилось спустя почти век;

-наконец, ПНК происходит в стране с разрушенной духовно-нравственной средой, в стране всеобщей атеизации.

Каждое из этих обстоятельств накладывает свой отпечаток на ПНК в России. Остановимся на них более подробно.

Главные действующие лица ПНК

Коль скоро капитализму предшествует социализм, то и действующие лица ПНК выступают в иных экономических масках. Предпосланной является социальная структура, представленная номенклатурой как господствующим классом, реализующим свой статус номенклатурного управленца присвоением определенного набора привилегий, и широкими слоями трудящихся - рабочим классом и колхозным крестьянством с тонкой прослойкой интеллигенции. Номенклатура фактически являлась собственником управляемых ею объектов государственной собственности, трудящиеся - фактическими несобственниками при юридически равном отношении обеих сторон к общественному богатству.

Как это ни странно, но сложившаяся ситуация на определенном этапе стала не устраивать "привилегированный класс" (Н. Бердяев), в силу чего именно этому классу, а не широким слоям трудящихся выпала роль "могильщика" социализма. Рабочий класс и колхозное крестьянство даже в годы самого глубокого застоя, когда магазинные полки вконец опустели, а вынужденные вклады неуклонно росли, и не помышляли о рыночной экономике, о капитализме - тем более. Никаких социальных протестов с их стороны не было. Исключение - события в Новочеркасске в далеком 1962 году, весьма жестоко советской властью подавленные. Массовых протестов против существующего строя не было.

А вот набравшая за годы советской власти силу номенклатура вполне осознала изъяны своего социального положения:

-номенклатурная должность трудно доставалась и легко утрачивалась вместе с причитающимися по должности привилегиями;

-тем более номенклатурная должность не наследовалась, следующему поколению "путь наверх" приходилось прокладывать заново;

-будучи фактически собственником, номенклатура не была им юридически, а потому, поставленная в жесткие рамки директивного централизованного планирования, не могла в полной мере развернуться в качестве такового.

Зрело и понимание того, что изменить ситуацию можно только путем коренного преобразования существующего строя, на глазах хиреющего в силу полного истощения своего потенциала в качестве социально-экономической системы. Предпринятая тем не менее под вполне социалистическими лозунгами в середине 80-х годов перестройка самым естественным образом обернулась рыночной трансформацией. В этих условиях бывшая советская номенклатура, полностью сохранившая в своих руках политическую власть, немедленно занялась преобразованием своего социального статуса в целях превращения в полноценного собственника бывшего государственного имущества. К ней примкнули теневики, бывшие комсомольские активисты, наиболее предприимчивые выходцы из других слоев населения. Они и оказались главными действующими лицами на исторической сцене ПНК, наиболее реальными претендентами на "капиталистический престол", на статус собственника государственного имущества.

Отделение непосредственного производителя от средств производства, а именно таково содержание ПНК, проявляется в сосредоточении свободных денежных средств в руках потенциальных собственников, приобретающих форму денежного капитала. Первоначальное накопление капитала тем и отличается от накопления капитала в сложившейся системе, что оно не связано с производством, имеет иные, внесовременные источники. Ведь не промышленный, а денежный капитал является исходной формой капитала. Ему еще предстоит овладеть реальным сектором экономики и тем самым заложить основы накопления капитала в самом процессе производства, осуществляемого капитализацией части полученного в форме прибыли дохода. Именно поэтому раздел и передел объектов собственности, в ходе которого идет процесс капиталообразования, порождает "временный паралич" инвестиционного процесса (Л. фон Мизес): прежний собственник, сферой деятельности которого являлся реальный сектор экономики, покидает историческую сцену, новый едва формируется в борьбе с прежним. Состоянию борьбы за овладение реальным сектором эко-

номики как ведущим на любом этапе исторического развития человечества адекватен инвестиционный вакуум: нет собственника, нет и инвестора. Не может быть и благоприятного инвестиционного климата, коль скоро процесс не завершен, социальный статус собственника юридически надежно не закреплён, гарантий сохранности приобретенного имущества не сложилось.

Превращение денежного капитала в промышленный осуществляется по мере накопления денежного капитала в размерах, достаточных для приобретения уже существующих или для создания новых объектов в реальном секторе экономики.

Отчуждение широких слоев населения от объектов государственной собственности в значительной мере было облегчено тем, что фактически они и при социализме собственниками средств производства не были. Этим определяется их пассивность и безразличие к начавшемуся разделу и переделу собственности. Они сдали свои позиции без боя, безучастно наблюдая за развернувшейся исторической драмой. Социальные протесты раздавались лишь по поводу несвоевременной выплаты заработной платы и социальных пособий.

Безусловным лидером в борьбе за объекты государственной собственности оказалась номенклатура: она не только инициировала рыночные преобразования, но и возглавила их, полностью сохранив политическую власть, что давала ей фору относительно претендентов из других слоев населения. Превратившись в государственных чиновников разного уровня и рангов уже в иной стране, бывшая номенклатура прежде всего озадачилась решением реально сложившегося противоречия: осуществить раздел и передел собственности, минуя стадию накопления денежного капитала, коим в достаточной мере она не располагала.

Острота этого противоречия была обусловлена тем, что приватизация осуществлялась в индустриальной стране. А потому для приобретения объектов государственной собственности требовались значительные денежные суммы, накопить которые в предшествующий период не могла и номенклатура. Как известно, привилегии она получала преимущественно в натуральной форме. Ей неведома была и проблема дефицита товаров и услуг, а потому вынужденных сбережений она не делала. Конечно, небезденежной пришла она к рыночной трансформации, однако денежным капиталом все же не обладала. И выход был найден. И даже не один.

-на рубеже 80-90-х годов развернулась в полной мере стихийная или спонтанная приватизация, в ходе которой в том

числе и путем организационных манипуляций и структурных преобразований на базе бывших отраслевых министерств удалось прибрать к рукам отнюдь не худшие объекты государственной собственности, прежде всего - в отраслях ТЭК, явившегося своего рода российским Клондайком;

-на руку бывшей номенклатуре оказалась и ваучерная приватизация, проведенная в лучших традициях социализма под лозунгом социальной справедливости. Она существенно облегчила скупку обесценившихся в результате инфляции у окончательно обнищавшего населения ваучеров, предусмотрительно к тому же оказавшихся безмянными, что обеспечивало их свободное хождение;

-при проведении денежной приватизации сознательно в десятки раз была занижена продажная цена объектов государственной собственности;

-потребность в денежном капитале решалась легким для власти имущей элиты доступом к государственному бюджету на всех его уровнях, к иностранным займам, помощи из-за рубежа, жесткий контроль за использованием которых отсутствует и поныне;

источником денежного капитала являются также не бескорыстные услуги государственных чиновников;

-немаловажным фактором явилось и то обстоятельство, что правящей элитой была сформирована нормативно-правовая база, воспользоваться которой без взятки в особо крупных размерах не представляется возможным и поныне.

Финансовая система как механизм ПНК

Претендентами на статус собственника оказались представители и других слоев населения, не обладавших политической властью. Это бывшие теневики, сумевшие сколотить свой капитал еще в советский период, а затем и сохранить его, бывшие комсомольские активисты, приобретшие свой первоначальный капитал на волне кооперативного движения конца 80-х годов.

Источниками обогащения в 90-е годы явилось широкое развитие торгово-посреднической и финансово-спекулятивной деятельности, под которую были созданы и соответствующие институты. Для развертывания торгово-посреднической деятельности условия были крайне благоприятными ввиду полного разорения потребительского рынка в стране хронического дефицита, к тому же не требующей большего первоначального

капитала и в этом смысле доступной для широких слоев населения. Получил развитие челночный бизнес, процветающий и поныне, развернулась мелкооптовая торговля, возникла товарная биржа, обслуживающая движение товарного капитала.

"Финансовые гении" занялись финансово-спекулятивной деятельностью. Объектами спекуляций явились ваучеры, иностранная валюта, корпоративные и государственные ценные бумаги, недвижимость и пр. В этих целях привлекались свободные денежные средства населения и хозяйствующих субъектов. Под эту деятельность были созданы соответствующие финансовые институты. Развитию финансовой системы в немалой мере способствовала кредитно-денежная и финансовая политика государства, оказавшаяся доминирующей в условиях избранной модели реформирования. Именно под нее была создана система уполномоченных коммерческих банков, сыгравшая не последнюю роль в появлении так называемых олигархов.

В соответствии с принятой моделью рыночной трансформации взаимодействие реального и финансового секторов российской экономики складывалось не традиционным для рыночной экономики путем: доминирующим оказался финансовый, что вполне соответствует эпохе ПНК. Оба сектора приобрели совершенно самостоятельную жизнь. Брошенный государством реальный сектор, оказавшись фактически без собственника, процесс формирования которых едва начался, подвергся разрушительным процессам деиндустриализации и даже деградации. Зато в одночасье появилось множество коммерческих банков, сложились товарная, фондовая и валютная биржи, выстроились финансовые пирамиды типа МММ. Все эти институты задействовали в неадекватной им рыночной среде. Да и созданы они были вовсе не для обслуживания потребностей реального сектора, а заработали в руках своих организаторов на процесс ПНК. Они явились мощным и эффективным средством мобилизации свободных денежных и финансовых средств в руках немногих, приумноживших их путем спекулятивно-финансовых сделок. Сложилась традиционная для ПНК ситуация: торговый и банковский капиталы сыграли роль предшественников промышленного капитала, явились факторами накопления денежного капитала, хотя их формирование протекало в условиях, порожденных особенностями национального развития. Процесс оказался как бы спрессованным во времени: в ходе торгово-посреднической и финансово-спекулятивной деятельности шло стремительное накопление денежного капитала, причем в значительной мере за счет и в ущерб унаследованно-

му реальному сектору, ценой его разрушения. Денежный капитал превращался в промышленный преимущественно в экспортоориентированных и их обслуживающих отраслях, а также в отраслях, не требующих значительных капиталовложений, как, например, пищевая. Счет при этом идет не на столетия, как в странах Запада, а на годы: кто не успел, то опоздал. Даже финансовая система, едва созданная, отработала свое назначение буквально за несколько лет. Новая же формируется уже по другому сценарию, она в большей мере ориентирована на потребности реального сектора, в котором к концу 90-х годов наметились некие признаки оживления после затянувшегося состояния клинической смерти. Формированием промышленного капитала порождается финансовая система, назначение которой состоит в обслуживании потребностей реального сектора.

Глобальная реструктуризация - историческая миссия российского промышленного капитала

Как уже отмечалось, ПНК, протекающее в индустриальной стране, вызывает потребность в накоплении огромных денежных сумм, способных превратиться в промышленный капитал путем приобретения ранее созданных промышленных объектов государственной собственности. Однако такая потребность многократно возрастает вследствие того, что перед российским промышленным капиталом стоит иная историческая миссия, нежели в странах Запада на аналогичном этапе развития. Речь идет не об индустриализации, но глобальной реструктуризации унаследованной макроструктуры, необходимость которой диктуется следующими обстоятельствами:

- унаследованная индустриальная база была сформирована по весьма специфическим критериям, порожденным особенностями возникновения и существования социализма, а потому совершенно не соответствующим вновь формирующейся системе;

- унаследованная макроструктура - наиболее зримое отражение социально-экономических противоречий социализма, их материализация. Этими противоречиями объясняется ее технико-технологическая гетерогенность, преодоление которой составляет важнейшее направление предстоящей реструктуризации, призванной эти противоречия снять;

-в ходе реструктуризации необходимо преодоление деиндустриализации и деградации научно-производственного потенциала, произошедших за годы рыночной трансформации;

-реструктуризацией должно быть обеспечено достойное место российской экономики в мировой в ходе развернувшихся с 90-х годов интеграционных процессов.

С учетом всех этих обстоятельств историческая миссия российского промышленного капитала не менее сложна, нежели осуществление индустриализации заново. Масштабы проблемы, ее национальная значимость, долгосрочный характер осуществления требуют предварительной разработки научной концепции как теоретической основы долгосрочной программы преобразований, что составляет функцию государства как макросубъекта. Такая программа может послужить своеобразным комплексом в инвестиционной деятельности российских предпринимателей, ориентирующим их на наиболее перспективные сферы приложения капитала.

Пока что процесс реструктуризации протекает преимущественно стихийно и преимущественно - в разрушительной форме: отмирают недееспособные предприятия и даже целые отрасли, в том числе и не заслуживающие такой участи с точки зрения их значимости в народном хозяйстве, что также имеет свое объяснение. Известно, что высокотехнологичное наукоемкое производство было сосредоточено преимущественно в отраслях ВПК, утративших свою значимость в связи с окончанием холодной войны, хотя и холодный мир, как оказалось, требует большей осмотрительности. Тем не менее на первый план выдвинулись отрасли ТЭК как наиболее прибыльные сферы приложения частного капитала. Изменить ситуацию под силу только государству, способного превратить ТЭК в инвестиционного донора наиболее перспективных отраслей обрабатывающей промышленности, уровнем развития которых определяется лидирующее место национальной экономики в мировом экономическом пространстве. И здесь главная трудность состоит в преодолении инвестиционного кризиса, свойственного всякому переходному периоду, к тому же усугубленного всякому переходному периоду. Роковую роль в развертывании этого кризиса сыграла эмиграция российского капитала за рубеж, в значительной мере объясняющаяся фактором времени: становление капитализма в России оказалось прерванным на целое столетие.

Негативные последствия запоздалого развития

Как известно, Россия относится к числу стран с договорным типом развития. Это проявилось и в том, что на путь капиталистического развития она вступила значительно позже европейских стран - на рубеже 19-20 веков, которое было прервано на целое столетие. Это обстоятельство усложняет процесс капиталообразования в стране, что проявляется в следующем:

-в условиях, когда "временный паралич" инвестиционного процесса составляет неотъемлемую черту всякого переходного периода (нет собственника, нет и инвестора), когда состояние инвестиционного климата усугублено особенностями перехода к капитализму от социализма, формирующийся в стране денежный капитал в огромных масштабах эмигрирует за границу, где давно сложились благоприятные условия для его приложения едва ли не в любой сфере деятельности, что крайне истощает национальную экономику;

-отток денежного капитала сдерживает процесс образования промышленного капитала, сдерживает возрождение реального сектора экономики, а следовательно, становление рыночной экономики, новой социально-экономической системы;

-фактор времени обуславливает крайне неблагоприятные условия включения национальной экономики в мировую: они диктуются фактически более развитыми странами, занимающими в ней лидирующие позиции. В их интересах включение России в мировую экономику в качестве поставщика дешевых энергоресурсов, что в наименьшей мере соответствует ее национальным интересам;

-такой вариант развития становится тем более вероятным, что вполне соответствует и частным интересам собственников, сосредоточивших свою деятельность в отраслях ТЭК. Именно эти отрасли оказались наиболее прибыльными. Либерализацией экономической деятельности именно для них был открыт свободный доступ на внешние рынки, что способствовало стремительному образованию огромных личных состояний, превращение бывшей ТЭКовской номенклатуры в первую очередь в реальных собственников национальных природных ресурсов. Но и здесь отток денежного капитала за рубеж сдерживает развитие отраслей добывающей промышленности, их технико-технологическое обновление.

Итак, запоздалое вступление на путь капиталистического развития делает его еще более тернистым. Облегчить его под

силу государству: хотя объективные процессы непреодолимы, но все же возможно возведение надежных юридических барьеров на эмиграционных путях, что позволит хотя бы ограничить его отток, не говоря уже об устранении многих других обстоятельств, усиливающих этот процесс.

Разрушение духовно-нравственной среды как предпосылка массового характера крайних форм насилия

Насилие как способ накопления денежного капитала присуще всякому переходному периоду в силу следующих обстоятельств:

-разрушена прежняя нормативно-правовая база, а новая создается по мере формирования новых экономических отношений, которые она призвана юридически оформить, придать им юридическую силу, то есть гарантировать защиту со стороны судебной системы. Как известно, правовые отношения вторичны относительно экономических, они не могут им предшествовать в силу чего и образуется "правовой вакуум" (Л. фон Мизес).

-содержание этого процесса - раздел и передел ранее накопленного национального богатства - полюбовно осуществить невозможно. К. Маркс небезосновательно иронизировал по поводу "кроткой политической экономии", в представлении которой в эпоху ПНК царят "труд и право". Реальная историческая действительность опровергает подобные иллюзии.

Мощным сдерживающим началом в развернувшихся в обществе баталиях могла бы послужить религия, церковь, как институт нравственности, как созидательная сила общественного развития. А. Маршалл четко сформулировал значимость религии в прогрессе человеческого общества: по его мнению, две великие силы формируют мировую историю - религия и экономика, отводя религии первое место (А. Маршалл. Принципы политической экономии. М., 1983, т.1, с.56).

Как известно, в России на протяжении целых десятилетий религия была изгнана из общественного мировоззрения. Она не могла выполнять своей созидательной функции, что и явилось одним из важных факторов разрушения нравственных основ общества, не говоря уже о массовой бедности, деградирующей личности, о тесноте коммунального жилища, формирующей "нравственных уродов", по словам А. Маршалла и русского писателя М. Булгакова. Да и сама господствовавшая идеология насаждалась насильственно под неусыпным оком карательных органов, растлевавших души как палачей, так и их

жертв, в том числе и потенциальных, попиравших самые основы нравственности.

При таких исторических предпосылках насилие в переходный период не могло не принять массового характера, не приобрести самых изощренных форм. На почве раздела и передела собственности даже убийства приобрели характер бытового явления. Безнравственность стала нормой жизни, что и порождает вседозволенность в способах борьбы за объекты собственности. В этом же следует искать корни едва ли не всеобщей криминализации экономической деятельности в стране. Бессилие государства в борьбе с криминалом - свидетельство кризиса самого института государственности.

Само по себе насилие в переходную эпоху выполняет роль своеобразного катализатора исторического процесса, процесса становления новой социально-экономической системы. Однако в России в силу присущих ей особенностей насилие не столько ускоряет, сколько подрывает экономическое развитие, так как сопровождается физическим уничтожением едва нарождающегося предпринимательского слоя, призванного выполнять присущую ему функцию катализатора экономического прогресса, обеспечивать экономическую динамику. Это обстоятельство крайне негативно сказывается и на демографических процессах.

Российская специфика стихийного характера ПНК

ПНК во всех странах протекал стихийно, что вполне естественно для эпохи средних веков. Парадоксальным образом ПНК и в России с ее традициями сильного государства, приумноженными за годы тоталитаризма, этот процесс приобрел стихийный характер. Одно из объяснений этому обстоятельству - избранная модель реформирования, ограничившая государственное регулирование рыночной трансформации методами кредитно-денежной и финансовой политики, предусмотренная ею широкая либерализация экономической деятельности.

Слабая регулирующая деятельность государства, в том числе и законодательная, оказались на руку "активистам" ПНК - все той же номенклатуре со товарищи, к ней примкнувшими. К тому же кредитно-денежная и финансовая политика широко использовались в целях ПНК: созданная под нее финансовая система явилась мощным механизмом концентрации денежных ресурсов в руках немногих, сумевших их многократно приумножить с помощью все того же государства. Вспомним хотя бы систему уполномоченных коммерческих банков, мощную фи-

нансовую пирамиду, возведенную государственными финансовыми институтами. Но все же золотая пора пришлась на годы спонтанной приватизации, блистательно проведенной бывшей номенклатурой, позволившей ей превратиться в собственников, минуя предварительную стадию накопления денежного капитала, хотя и прибрать к рукам "золото партии" она также не упустила случая.

В этой связи отметим небесспорность тезиса о бессилии государства в 90-е годы. Государственная власть оказалась сосредоточенной в руках бывшей номенклатуры, в полной мере использовавшей ее в своих интересах, то есть в целях превращения в реального юридически оформленного собственника государственного имущества. Деятельность государственных институтов была подчинена процессу капиталообразования во всех ее проявлениях от либерализации экономической деятельности и ваучерной приватизации до слабого контроля за вывозом капитала за рубеж. Реформа приобрела глубоко асоциальный характер, что вполне в духе ПНК, тождественного поляризации общества. Поэтому разгул стихии был скорее внешней видимостью явлений, за которой скрывалась вполне осознанное и целенаправленное регулирование государственными институтами процесса рыночной трансформации, содержанием которой является первоначальное накопление капитала в специфических формах, порожденных особенностями предшествующего развития.

Функции государства в эпоху ПНК

Предлагаемая идентификация переживаемого российской экономикой периода необходима не только для понимания данного процесса с познавательной точки зрения, но и для определения функций государства в эпоху ПНК.

Начиная с Петра I в России сложилась традиция заимствования западного образа жизни, западных идей, западных моделей преобразований, хотя достаточных оснований для такого заимствования, как правило, не было. Не является в этом смысле исключением и переживаемый период. Современная российская экономика на данном этапе развития является едва рыночной, едва капиталистической. Переживаемый ею кризис не имеет ничего общего с точки зрения своего происхождения с кризисом 1929-1933 годов. Нам не подходит в равной мере ни монетаризм, ни кейнсианство, ни латиноамериканские модели реформирования экономики. Переживаемая страной эпоха есть

первоначальное накопление капитала, капитала денежного с последующим его превращением в промышленный. По мере этого превращения преодолевается экономический кризис, так как реальный сектор экономики приобретает реального собственника, способного в качестве такового выполнять присущие ему функции инвестора. Постепенно преодолеваются правовой и информационный вакуум, "временный паралич" инвестиционного процесса. Капиталообразование идет преимущественно насильственными методами, что вполне соответствует природе ПНК. Государство, во всех своих институтах представленное бывшей номенклатурой, подчинено реализации ее интересов. Эти интересы меняются по мере продвижения вперед. Ныне актуальна не спонтанная приватизация, но надежное юридическое закрепление поделенного государственного имущества. Необходим благоприятный инвестиционный климат, без которого денежный капитал не будет превращаться в промышленный. Наконец, в интересах нарождающегося класса собственников разумная социальная политика, способная не только обеспечить социальный мир в стране, но организовать подготовку и переподготовку кадров соответственно потребностям предстоящей глобальной реструктуризации. Резко возрастает потребность в долгосрочном прогнозировании, в определении стратегии экономического развития: накопленный денежный капитал должен быть вложен в наиболее перспективные сферы экономической деятельности. Исходя из очертаний будущей макроструктуры. По мере завершения первоначального накопления капитала "труд и право" и в самом деле должны стать определяющими факторами экономического развития. Диктатура закона" становится знаменем очередного этапа развития, выдвинувшего на авансцену лидера, способного такую диктатуру претворить в жизнь, без которой этот этап не может состояться. Таковы реалии российской действительности начала нового века.

М. И. Воейков

Экономические реформы и проблема социально-экономической трансформации России

Сегодня Россия бедная страна. Однако ее бедность заключается не только в тяжелейшем социально-экономическом кризисе и хроническом недостатке финансовых средств, но и в бедности ее социальной и экономической мысли. И, может быть, недостаточность отечественной социальной науки, неспособность ее непротиворечиво объяснить происходящие изменения, является основной причиной так затянувшегося многолетнего кризиса нашего общества. Сегодня в стране нет адекватной теории осмысления происходящей социальной и экономической трансформации. Книг по проблемам экономической реформы и кризису в России публикуется много, но почти все они эмпирического свойства. Все сочинения на эту тему можно разделить на две категории. Первая представляет собой бесчисленные работы апологетического свойства о пользе рыночной цивилизации и необходимости скорейшего туда попадания. Вторая — значительно более малочисленная, где разрабатываются более или менее разумные меры безболезненной рыночной трансформации. Есть также некоторая литература, которая вообще отвергает необходимость какой-либо трансформации, ищет особый путь для России. Но эта категория литературы не относится, собственно, к трансформационной тематике.

В то же время практически нет литературы, где исследовались бы методологические и теоретические проблемы современной трансформации, ее места в историческом развитии России, общности с трансформационными процессами в других странах. Сегодня явно не хватает теории, которая описывала бы и объясняла российскую трансформацию. Поэтому остаются непонятными многие фундаментальные вопросы современного трансформационного процесса в России. Например, такие: объективно ли необходима современная трансформация или же вызвана чьей-то субъективной волей? Идет ли процесс изменения социализма в капитализм? Построен ли капитализм в современной России? Можно ли так просто ("указом" президента) менять общественный строй? Что, собственно, меняется? Изменился ли социально-экономический строй в России? Если считать, что строй изменился, то, видимо, придется считать, что был социализм, а стал капитализм. Так и поступают многие поверхностные наблюдатели. И сегодня более честные из них вынуждены с удивлением констатировать, что капитализма в Рос-

сии в европейском понимании за 10 лет "реформ" так и не сложилось. А что получилось? Если же считать, что социализма в СССР не было — тогда что же здесь изменилось?

В данной статье предпринимается попытка подойти к развитию некоторых элементов теории, которая смогла бы объяснить состояние страны. Но сначала кратко охарактеризуем сам трансформационный процесс в экономической сфере.

1

В последние несколько лет (вплоть до финансового кризиса августа 1998 г.) российское правительство настойчиво убеждало граждан, что почти достигнута некоторая стабилизация. Или, как изысканно выразился один министр того времени, "в некоторых отраслях наблюдаются отдельные признаки появления возможности потенциального роста". Но главный упор в пропагандистских усилиях тогда делался на тенденциях финансовой стабилизации, низкой инфляции, не такого резкого, как раньше, падения рубля к доллару. Но и эти показатели продолжали ухудшаться, хотя темпы их ухудшения одно время стали действительно, меньше. Так, инфляция по потребительским ценам в 1997 г. составила примерно 12 %, против 22 % в 1996 г., но уже в 1998 г. она составила 84,4 %, а за 1999 г. — 36,5 % (1). Инфляция потребительских цен в советский период была столь незначительным или редким явлением, что интерес к ней проявляли лишь очень тонкие исследователи. Сегодня инфляция в России является очень серьезной проблемой для большинства населения.

За 90-е гг. российская экономика вошла в жесткий и долговременный экономический, социальный и политический кризис. Рассмотрим, о чем же свидетельствует этот кризис.

Большинство российских людей живет все хуже и хуже. Есть и статистические показатели, которые беспристрастно свидетельствуют о резком ухудшении экономического положения массы трудящихся за последние десять лет проводимых ельцинских реформ. Если взять самые общие показатели, конкретно характеризующие положение трудящихся, то их динамика выглядит следующим образом. Число родившихся с 1989 по 1999 г. сократилось с 14,6 до 8,5 (на 1000 населения), а число умерших за те же годы, наоборот, растет — с 10,7 до 14,9. В результате естественная убыль населения страны (т.е. без учета миграции) за годы реформ составила соответственно (в тыс. человек): 1992 — 219,8; 1993 — 750,3; 1994 — 893,2; 1995 — 840,0; 1996 — 824,5; 1997 — 755,9; 1998 — 705,1; 1999 (только первое полугодие) — 462,3. Таким образом, за 7,5 года рыночных реформ естественная убыль населения страны составила почти 5,5 млн. человек. Это равняется населению некоторых стран Европы, например таких, как Дания. Абстрактно говоря, если бы

такие реформы проводились в Дании, то в результате их все население этой страны просто вымерло.

Любопытно отметить, что русская официальная статистика с 1996 г. начинает резко преуменьшать негативные тенденции и даже поправлять цифры задним числом. Так в 1996 г. она считает, что естественная убыль населения страны в 1994 г. была не 893,2 тыс. как объявлялось ранее, а 869,7 тыс. человек, т.е. поправка составила 23,5 тыс. человек. Правда, в более новом издании статистического справочника на 1996 г. восстановлена прежняя цифра в 893,2 тыс. человек. Но как не преуменьшая негативные тенденции, скрыть их невозможно. Примерно такая же отрицательная динамика наблюдается почти по любому показателю, характеризующему уровень жизни простых людей. Например, потребление основных продуктов питания на душу населения за 1989 – 1997 гг. сократилось следующим образом (кг в год): мяса – с 69 до 54, яиц – с 309 до 191 (штук), молока – с 396 до 231, рыбы – с 21,3 до 9, сахара – с 45,2 до 27 и т.д. По сравнению с советским периодом произошло сокращение потребления даже таких продуктов как хлеб и хлебобулочные изделия (с 115 до 99 кг на человека в год) и картофель (с 117 до 112 кг).

Остановимся на этих двух продуктах особо. Обычно большой удельный вес потребления хлеба и картофеля характерен для менее развитых стран и означает далеко не лучшую структуру питания населения. В советский период улучшение качества питания людей являлось одной из главных целей экономической политики. Насколько успешно это реализовалось практически, другой вопрос. Но бесспорно, что стремились к снижению доли в семейном потреблении картофеля и хлебобулочных изделий, росту доли мяса, овощей и фруктов. Так, например, с 1960 по 1985 гг. потребление на одного человека в год картофеля снизилось на 27 %, хлеба – на 19 %, а потребление мяса выросло на 56 %, молока – на 35 %, рыбы – на 82 %, овощей – на 46 %, фруктов – на 118 %. За годы же либеральных реформ, как мы видели, произошло снижение потребления всех без исключения продуктов питания. Причем доля картофеля и хлебобулочных изделий в потреблении населения стала заметно расти, что характеризует ухудшение качества питания. Так, если в 1990 г. доля картофеля в совокупном потреблении (в физическом исчислении) составила 11,6 %, то в 1995 г. она равнялась уже 16,8 %, доля хлеба также выросла с 12 % в 1990 г. до 15 % в 1995 г. И это все при сокращении абсолютного потребления этих продуктов. Доля потребления же таких качественных продуктов как мясо сократилась с 8,6 % в 1990 г. до 7,9 % в 1995 г., рыбы соответственно с 1,8 % до 1,3 % и т.д. Таким образом, можно сделать общий вывод, что люди стали не только хуже

питаться, но и просто меньше есть (даже хлеба на 13 кг в год и картофеля на 5 кг).

Это послужило основной причиной роста разных видов заболеваемости населения, снижения средней продолжительности жизни, увеличения смертности.

2

Главной причиной столь плачевного состояния российской экономики безусловно является государственная экономическая политика. Известен ее лозунг гайдаровских времен: "государство должно уйти из экономики". Однако такая теоретическая установка – это или недоразумение, или полное непонимание современных процессов в обществе. Так или иначе современное государство является самым мощным агентом экономических отношений. Особенно роль государства сказывается в регулировании трудовых отношений: любое европейское государство законодательно регулирует минимальную оплату труда, условия и охрану труда, количество отработанных часов, продолжительность ежегодного отпуска, условия найма и увольнения и многие другие аспекты трудовых отношений. Это уже стало нормой цивилизованного государства.

Однако, чрезмерная жесткость государственного регулирования труда порождает много проблем. В одних случаях это может вести к застойности экономического механизма, к монолитному огосударствлению экономической сферы; в других случаях – уход бизнеса в нелегальную сферу, развитие теневого сектора. Первый случай был характерен для советского периода, второй – для сегодняшней ситуации в России. Причем, нынешняя ситуация возникла вопреки желаниям и намерениям российского правительства, которое неоднократно заявляло о минимизации экономической роли государства. Сегодня эту роль государство выполняет намного хуже, но трудно сказать, что она стала меньше. Так или иначе, государство вынуждено регулировать экономические отношения. Это прежде всего относится к регулированию трудовых отношений, ибо они составляют ядро, центр всех остальных экономических отношений.

Ключ к пониманию трансформационных процессов лежит в трактовке трудовых отношений и возможностей их изменений. Насколько изменились трудовые отношения – настолько можно говорить о реальных изменениях в экономической системе. Поэтому основное внимание будет сосредоточено на проблеме трудовых отношений.

Реформы в стране в конце 80-х - начале 90-х годов предполагали прежде всего изменения в сфере труда, роста его производительности, поиска новой трудовой мотивации. Предполагалось каким-то образом изменить трудовые ценности, утвердившиеся к тому времени в обществе. Однако весь комплекс проблем, с этим связанный, тогда не был не только хорошо продуман, но, видимо, не был и просто понят.

На трудовые отношения воздействует ряд факторов, которые при некотором обобщении можно свести к двум: а) историко-географический и б) технико-экономический. По мере развития общества фактор "б" играет все большую роль и на стадии позднеиндустриального развития приобретает доминирующее значение.

Развитие трудовых отношений фиксируется в головах людей как трудовые ценности, т.е. представления людей о необходимости, характере, пользе труда, а также условий его осуществления. Тем самым трудовые ценности выступают как идеализация трудовых отношений. Трудовые ценности в силу этого, т.е. их следования за трудовыми отношениями меняются значительно медленнее, чем происходит изменение внешних общественных параметров.

Характер российских трудовых отношений, российские трудовые ценности включают в себя: а) исторически сложившиеся компоненты, связанные с географическими (климатическими) условиями земледелия, протяженностью страны, многонациональностью и религиозным разнообразием; б) развитие промышленности как государственной, начиная с реформ Петра I, массированную индустриализацию 30-х годов, определенным образом сформировавшуюся материально-техническую базу; в) идеологические установки (в отношении труда) советского периода, которые в целом соответствовали и развивали традиционные трудовые ценности русского народа (коллективизм, взаимопомощь, нестяжательство, расточительство, нерасчетливость и т.п.).

С точки зрения европейской модернизации и в целом вестернизации России эти трудовые ценности следовало бы резко менять. Пока это не получается. В этой связи встает следующая проблема. Реформаторы начала 90-х годов хотели преобразовать формы собственности и трудовую мотивацию, не меняя материально-технической базы производства. Но можно ли менять производственные отношения, не трогая при этом их основу, производительные силы? Очевидно, что нет. Но поста-

вим вопрос более корректно. Могут ли российские трудовые отношения вестернизироваться вслед за вестернизацией материально-технической базы производства? То есть, если создать современную производственную базу (как на Западе), то будут ли у нас и таковыми трудовые отношения? Или же Россия в любом случае обречена искать собственный путь развития в области труда, а значит, в области национального производства в целом?

Объяснение поставленного вопроса видится в следующем. Общество, чем находится ближе к архаичным видам производства (земледелие, рыболовство, охота и т.п.), тем больше воспринимает естественно-географический фактор формирования трудовых отношений и трудовых ценностей. На этой стадии развития каждое общество отличается от другого трудовыми и другими ценностями ровно столько же, сколько оно отличается своим видом производства. Но по мере развития производительных сил, развития индустрии и торговли, развития мирового рынка, а, следовательно, и развития межстранового взаимодействия, различия в трудовых ценностях сглаживаются, имея тенденцию в перспективе к их почти полному преодолению.

Россия находится сегодня на такой стадии развития, когда идет усиленный процесс перехода российских трудовых ценностей в общеевропейские. Но процесс этот еще далеко не закончился и, может быть, даже не дошел до своей середины. Кроме того, Россия за советский период приобрела дополнительные особенности.

Например, нельзя отрицать в формировании и функционировании социального фактора влияние элементов социалистических ценностей. Сюда можно отнести ограничения времени труда, оплачиваемые отпуска и больничные, элементы производственной демократии, коллективные формы труда и ответственности, бригадную организацию труда и т.п. Сейчас обо всем этом многие забывают, но ведь именно в России впервые был применен весь доступный комплекс элементов демократизации трудовой сферы сразу же после русской революции 1917 года. Например, трудно оспорить тот факт, что почти за все годы советской власти мы имели очень незначительную социальную и экономическую дифференциацию трудящихся. Господствующая элита высших партийных и государственных бюрократов, конечно, имела большие привилегии. Но численность этого слоя бюрократов была незначительна. Это не давало разрастаться расхождениям между рабочими и их начальниками до крупных социальных конфликтов. Осознанно или неосознанно, но низкая

экономическая и социальная дифференциация среди трудящихся составляла существенную особенность государственной политики в трудовых отношениях. Это позволяло с максимальной эффективностью использовать социальный фактор.

4

Несмотря на то, что в официальной концепции "государственного социализма", которая проводилась в стране длительное время, труд и трудовым отношениям отводилось значительное место, судьба их была своеобразна. По сути дела трудовые отношения в теории трактовались в радикальной коммунистической плоскости, а на практике исполнялись почти как феодальные отношения принудительного труда в системе милитаризованной экономики. Общим их свойством было господство материального вознаграждения по итогам труда в зависимости от его количества и качества. В свое время еще В. Ленин называл такую систему организации труда «буржуазным правом» в распределении. Но если распределение было буржуазным, то, следовательно, и производство было буржуазным. При этом оно не было частнокапиталистическим, так как не было распределения по капиталу. Ведь понятие буржуазности существенно шире понятия капиталистичности. Например, мелкое крестьянское хозяйство или просто ремесленник не использует капиталистических методов ведения своего производства. Однако данный тип в целом находится в рамках буржуазного способа производства. Буржуазностью характеризуется любой тип наемного труда с системой материального вознаграждения, будь-то в условиях мелкого производства или государственной системы наемного труда. Практически трудовые отношения в советский период можно охарактеризовать как буржуазные отношения наемного труда с элементами феодального принуждения и социалистическим фразеологическим прикрытием. Такая характеристика вполне сложилась в 20-х годах и в целом господствовала весь советский период. В доказательство этому можно привести теоретические постановки об общественной собственности на рабочую силу, законы об уголовной ответственности за незначительные опоздания на работу, что просуществовало в преобразованном виде до андроповских гонений за дисциплиной, полная зависимость человека от государства в его трудотнoшениях, запрет на свободное перемещение труда и т.п.

Отметим и другую сторону такого типа отношений: они в каком-то смысле отвечали или соответствовали русскому мен-

талитету трудовых отношений. В формировании данного типа национальных трудовых ценностей определенную роль играли остаточные явления русской общины (коллективность), упование на державу, государство (царя-батюшку или хозяина), патриархальность православия или мусульманства. Непреложным остается факт, что сложившийся тип трудовых отношений в какой-то мере устраивал большинство трудящихся России. Более того, эти трудовые отношения сформировались как наиболее адекватные имеющимся историческим и объективным условиям. Видимо, именно этот тип трудовых отношений наилучшим образом отвечал жесткой системе милитаризованного советского производства. Люди находили большие преимущества в низкой интенсивности труда, минимальной ответственности за качество работы, глубоком патернализме со стороны государства, их привлекало иждивенчество и слабая дифференциация оплаты труда. Все это не могло дать большого богатства, но зато было не обременительно, удобно в повседневной жизни.

Поэтому считать, что сложившийся в советский период тип трудовых отношений был искусственно, извне кем-то навязан русскому обществу нельзя. Это продукт естественного хода исторического развития. Такой тип трудовых отношений, который утвердился за последние 80 лет в России можно назвать патриархально-наемным трудом с известной долей фразеологической социалистической окраски.

Сегодня Россия стоит перед необходимостью осуществить модернизацию или трансформацию социальных и трудовых отношений в принципиально ином качестве. Ибо объективная необходимость глубокой модернизации и вызвала, собственно говоря, все экономические реформы. Хотя последние проводились и проводятся отнюдь не лучшим образом. Вообще говоря, возможно допустить в какой-либо форме сохранение или восстановление патриархально-наемного типа труда. Это возможно при двух вариантах. Первый - восстановление командно-административного ("коммунистического") тоталитарного режима с его фразеологическим уважением труда, но по существу превращением его в феодальную трудовую повинность. Второй вариант - крайне правый, опять же тоталитарный (или в более мягкой, авторитарной форме) режим, который силой (или власти или обстоятельств, а, скорее, и тем и другим) превратит труд в ту же трудовую повинность. Хотя, думается, что шансы для осуществления этих вариантов очень незначительны. По крайней мере, хотелось бы так думать.

Поэтому, оставляя в стороне возможность сохранения, даже в каком-либо модернизированном виде, сложившегося командно-административного типа трудовых отношений, альтернативой этому могут быть две модели модернизации.

Первая - модель наемного труда западно-европейского (точнее, англо-саксонского) образца, как труда сильно индивидуализированной личности с жесткой материальной ответственностью по результатам труда. Возможно смягчение ее легкой окраской социального партнерства и социального рыночного хозяйства.

Вторая модель - для условий многообразия форм собственности при использовании отношений наемного труда как западного типа, так и тех компонентов трудовых отношений, которые естественно сформировались в стране на протяжении XX века. В центр такой модернизационной модели ставится смешанный тип трудовых отношений наемно-коллективного характера. При этом в любых формах собственности решающее значение приобретают трудовые коллективы, их коллективные органы самоуправления. На мой взгляд, вторая модель имеет для России большие возможности реализоваться, вбирая в себя и то, что идет из столетий русского трудового менталитета, и то, что полезного привнесено за более 70 лет советской власти, и то что рационального можно взять из западно-европейских трудовых отношений.

Ранее в "советском марксизме" считалось почти бесспорным, что всякий тип труда и трудовых отношений задается производительными силами, той техникой, которой вооружен рабочий. Различаются лишь производственные отношения, согласно логике "советского марксизма". А так как трудовые отношения подменялись производственными, то в результате была официальная идеологическая двойственность: рабочие на одинаковых предприятиях в США, России и Японии вроде бы должны работать одинаково, но в силу "социалистических производственных отношений" - у нас лучше. Однако практика это не подтверждала. Между трудовыми отношениями американского, русского и японского типов имелись и имеются существенные различия.

Сегодня российские либеральные реформаторы считают, что если закупается американский автомобильный завод для России или приватизируется государственное предприятие по западной схеме, то и трудовые отношения на таком предприятии будут американского или западного типа. Нет ничего грубее такого примитивного толкования. Следует признать, что

весь комплекс трудовых отношений не реализуется только и исключительно техникой и технологией производства. Сюда входит много составляющих, вплоть до духовных и нравственных императивов.

Думается, что трудовые отношения не есть также простое следствие финансовой стабилизации и бездефицитного бюджета. Трудовые отношения имеют самостоятельное значение. Изменение в трудовых отношениях есть свидетельство базовых изменений. Однако российские реформаторы стали делать как раз не то, с чего обычно начинаются глубинные процессы трансформации. Реформаторы начали менять формы собственности и делать свободные цены. При этом сама основа экономического процесса осталась не тронутой. Изменилась форма, но не суть социально-экономического строя. И сегодня, в 2000 году мы можем наблюдать как постепенно форма возвращается к сути общественного строя.

Осуществление с января 1992 г. правительством России четко выраженной монетаристской экономической политики и неоднократные заявления лидеров этой политики (того периода) о том, что государство должно уйти из экономики, что государственное регулирование экономики должно быть сведено к минимуму, ставят вопрос о целесообразности какой-либо позитивной государственной политики в области трудовых отношений. В советский период государство довольно жестко регулировало трудовые отношения (государственное ограничение рабочего дня, минимальная зарплата, условия труда, запрещение детского труда, отношения с профсоюзами и т.д.), что в той или иной мере характерно для всех экономически развитых, цивилизованных стран.

Идеология же экономического либерализма, наоборот, стремится как можно больше снять всяческих ограничений и запретов в экономической сфере, в том числе и в области труда. Согласно этой идеологии все должно вытекать из свободно совершаемого договора найма между работодателем и нанимающимся лицом. И чем меньше ограничений, тем лучше. Свободный, ничем не ограниченный рынок труда дает наибольшую экономическую эффективность - считают экономические либералы. Поэтому, с точки зрения этой идеологии, государственная политика в области труда должна быть сведена к минимуму.

Однако на практике государству не удалось свести к минимуму государственное регулирование труда. На словах правительство пыталось это сделать и даже стало меньше заниматься конкретными вопросами труда. Но не появилось альтер-



нативных механизмов регулирования труда, не сформировался рыночный механизм в этой области. В результате слабой политики труда усилился хаос в экономике. Во многих случаях трудовые отношения ушли в теневой сектор. Это касается зарплат, как минимум половина которой в коммерческих структурах выплачивается нелегально. Это также относится к нелегальному найму рабочей силы, особенно мигрантов, и другим формам.

Если не впадать в крайность, то какое-то государственное регулирование трудовых отношений, пусть в самых минимальных пределах, останется всегда, даже и при полном господстве экономического либерализма. Тем более в современном мире такого господства экономического либерализма XVIII в. уже нигде нет. Нет и совершенно свободного, никак не регулируемого рынка труда. Более того, можно утверждать, что степень цивилизованности страны сегодня, кроме всего прочего, можно определять и по степени регулированности трудовых отношений. Рынок труда как явление и как понятие в конце XX века приобретает качества условности. Поэтому стремления и предположения радикальных реформаторов о введении в современной России эффективного рынка труда вызывают большие опасения в своей иллюзорности и нереалистичности. Это подтверждает резкие различия в уровне безработицы по регионам страны. Так, в 1995 г. безработица в Москве составляла 5,2 % от числа экономически активного населения, а в соседней Ивановской области – 14,9 %.

Трудно обнаружить и полагать, что за последние годы произошли какие-то позитивные сдвиги в трудовых отношениях. Как раньше, так и теперь отношение к труду, динамика трудовой активности, трудовой дисциплины, наконец, уровень производительности труда не отвечают требованиям современного производства, отстают от этих же показателей в других странах. Значительная часть работников трудится не в полную силу, имеются огромные потери рабочего времени. Во многих случаях не соблюдается элементарная исполнительность, дисциплина труда, отсутствуют прилежание и добросовестность при выполнении работником своих прямых обязанностей. Падает престиж профессионального мастерства, творческой работы. Да и вообще, как никогда низко упал престиж просто честного, добросовестного труда.

Многочисленные социологические обследования свидетельствуют, что, несмотря на сокрушительные экономические преобразования, в сфере трудовых отношений мало что изменилось по существу. Так, в обследовании самого авторитетного в России социологического центра (ВЦИОМ) (2) в марте 1997 г. на вопрос "Произошли ли на Вашем предприятии какие-либо изменения за последние два-три года?" были получены следующие ответы (в % к числу ответивших на вопрос): в области оплаты труда 9 % считают, что произошли изменения в лучшую

сторону, 43 % – в худшую сторону, 28 % – нет изменений, 20 % не смогли ответить; в области условий труда соответствующие цифры следующие: 5, 28, 47, 20; в области организации труда: 4, 34, 39, 23; соблюдение и защита прав работников: 3, 36, 39, 22; отношение администрации к работникам: 5, 30, 44, 21; отношения в коллективе: 9, 17, 53, 21; участие работников в принятии решений о делах предприятия: 2, 26, 43, 29. Примерно такая же картина и по другим параметрам: профсоюзная работа, общий порядок на предприятии и т.д. В целом, если вывести среднее значение изменений по всем параметрам, то получаем следующие данные: произошли изменения в лучшую сторону – 5,25 % ответивших; в худшую сторону – 31,75 %; нет изменений – 39,6 %; затруднились с ответом – 23,4 %. Таким образом, из приведенных данных можно заключить, что в большинстве случаев изменений на предприятиях не было, а если и были, то в основном в худшую сторону. Об этом же свидетельствует динамика коэффициента качества трудовой жизни, который составлял соответственно в 1991 г. – 3,2; в 1993 – 2,8; в 1995 – 2,7; в 1996 – 2,7; в 1997 – 2,6. То есть за эти годы качество трудовой жизни ухудшилось на 0,6 пункта (3).

Из приведенных данных становится ясно, что экономические преобразования, разрушительным образом прокатившиеся по стране, мало затронули собственно сферу трудовых отношений. Последняя имеет более глубокие корни как в характере, созданной за советский период индустрии, так и в национальной жизни.

6

Сегодня индустриальная база российской промышленности продолжает оставаться очень отсталой в целом. В последние годы "радикальных преобразований" положение еще более усугубилось. Так, средний возраст производственного оборудования в промышленности увеличился с 8,42 года в 1970 г. до 15,88 года в 1997 г. Износ основных фондов в промышленности в этом же году составил 51,6 %, тогда как в 1980 г. он равнялся 36,2 %. В некоторых отраслях показатель износа приблизился к 80 % и более. Соответственно формы и организация трудовых отношений, во многом зависящие от технологической базы, также рутинные. Для многих российских предприятий фордизм – пока еще самая современная форма организации труда.

Годы экономических преобразований, ничего не изменив по существу в практике трудовых отношений, вызвали к жизни ряд новых негативных явлений. Результатом стала почти повсеместная незаинтересованность членов общества в производительной трудовой деятельности. Прежние трудовые ценности оказались почти низвергнуты, по крайней мере ошельмованы, а новые в основном складываются за пределами реального сек-

тора экономики. Принимаемые решения и "указы" во многом расходятся с реальной практикой, становятся почти невыполнимыми. Пожалуй, можно сказать, что после 1991 г. положительные характеристики старой системы экономических отношений существенно ослабели, а отрицательные заметно усилились.

Одной из главных проблем, с которой столкнулась экономическая система "социализма", была и, конечно, остается неэффективная система организации труда, низкая его продуктивность. По официальным данным бывшего СССР, уровень производительности труда в народном хозяйстве был ниже уровня США в 2-3 раза, а по некоторым отраслям различие составляло 5-7 раз. Сегодня отставание в уровне производительности труда от США увеличилось как минимум в 2 раза. По годам это составило: 1992 г. — отставание в 4,8 раза; 1993 г. — 5,5 раза; 1994 г. — 6,4 раза; 1995 г. — 6,6 раза; 1996 г. — 6,7 раза; 1997 г. — 6,6 раза.

Этот феномен объясняется многими причинами, которые корнями своими уходят в советскую систему хозяйствования, а, возможно, и более глубоко. Одна из них, может быть, центральная, заключается в том, что советский (или российский — как угодно) работник просто не хотел работать с высокой интенсивностью труда. Конечно, не каждый. Не следует упрощать вопрос. Некоторые хотели и работали очень хорошо. Но в большинстве своем советские рабочие не были заинтересованы работать с высокой интенсивностью. Многочисленные социологические обследования, проведенные в конце советского периода, свидетельствуют, что, как отмечала тогда Т.И.Заславская, лишь пятая часть работников трудилась в полную силу (4). Таким образом, мотивация труда работников в советский период была явно недостаточной.

С началом перестройки был выдвинут тезис о необходимости создания сильной мотивации труда. Говорилось о том, что советский работник отчужден от собственности на средства производства, от результатов своего труда и что в силу этого у него нет достаточных стимулов к высокопродуктивной трудовой деятельности. Отсюда делался вывод, что необходимо всех трудящихся, весь народ сделать собственниками и тогда люди получат достаточные стимулы (мотивации) к эффективному труду. Даже первый этап приватизации (ваучерная приватизация) идеологически обосновывался именно таким аргументом.

В самой общей или абстрактной постановке — это, пожалуй, верно. Из глубокой древности по книжкам, из личного бытового опыта мы хорошо знаем, что работа на себя, на своем дачном участке, на своей "собственности" в целом вызывает у людей больше прилежания. Но современное производство — это не личная делянка, а крупная и сложная организация технологических, экономических и социальных потоков и отношений. Во-

просы собственности, то есть выяснения, кому что принадлежит и связанные с ней взаимоотношения отходят на второй, а может быть, и на третий план. В экономически развитых странах от 70 до 90 % занятого населения работают по найму, а не как собственники. Ведь и по найму можно хорошо, эффективно работать. В пример приведем фирму "Макдональдс", в которой даже в России наемный персонал работает как минимум на порядок лучше, чем на соседних предприятиях. С другой стороны, известно, что частная собственность на землю в Польше не спасла эту страну от глубокого кризиса в экономике.

Таким образом, тезис, выдвинутый в самом начале социально-экономических преобразований в России, о том, что, превратив всех трудящихся в собственников, можно будет создать устойчивую и сильную мотивацию труда, оказался несостоятельным. Эту его несостоятельность можно охарактеризовать по крайней мере двумя причинами:

- невозможно всех превратить в частных собственников; такого нигде никогда не было и нет;

- опыт развитых стран доказывает, что высокую продуктивность труда можно получить и в условиях наемной системы его организации.

На мой взгляд, дело совсем не в собственности. Может быть, это очень спорно, но рискну утверждать, что собственность как научная категория — это понятие XIX века. Сегодня нужно искать иные мотиваторы труда. Современная российская приватизация, как бы ее ни ругать, что вполне справедливо, все-таки по большому счету доказывает один непреложный факт. Крупные и средние предприятия, которые составляют (или пока еще составляют) основу российской индустрии, в результате приватизации не стали фактически частными предприятиями. Можно вполне согласиться с мнением, что 2/3 приватизированных, т.е. формально частных предприятий (ОАО) находятся под контролем государства и трудовых коллективов, что на практике означает концентрацию большей части прав собственности в руках администрации предприятий и государственных чиновников среднего уровня" (5). Поэтому мало что изменилось на таких предприятиях и в трудовых отношениях по существу. Этот факт отмечается многими серьезными исследователями. Например, английский исследователь российских предприятий Б.Арноут делает такой вывод: "Работники по-прежнему привязаны к своему предприятию, в смысле совершенно чуждом капиталистической экономике... Более того, отношения между работником и предприятием, как и отношения между предприятиями не стали полностью рыночными. В результате ни рынок труда, ни рынок товаров не являются регуляторами распределения рабочего времени и мерой относительной ценности продуктов" (6). Таким образом, трансформация собственности в современной России не

привела к существенной модернизации трудовых отношений на предприятиях.

Конечно, нет возражения против общего тезиса, что личная или частная собственность есть наилучший мотиватор производительной деятельности (непосредственно трудовой, организаторской, предпринимательской). Но дело в том, что современная технология и организация производства таковы, что связь между частной собственностью (и собственностью вообще) и каким-либо трудовым усилием становится опосредованной, затененной другими факторами и, в ряде случаев вообще утрачивается. Современный наемный труд – это не мир собственности. Интеллектуальный труд вообще выходит за пределы собственности.

Ошибка прежней советской системы мотивации труда заключалась в том, что тогда стремились моральные стимулы и этические мотивы ставить на первое место, а материальные – задвигать подальше. Конечно, не все было так прямолинейно. Но из официальной "социалистической" идеологии вытекало первенствующее значение моральных, нравственных, патристических и т.п. императивов мотивации труда.

Конечно, ничего плохого в моральных или этических мотивах нет. Даже наоборот. Но они действительны только при определенных экономических условиях. Основным условием является материальная, техническая база производства. Если в российской промышленности почти 50 % рабочих заняты ручным трудом, то, естественно, что здесь материальные мотиваторы должны занимать преобладающее место.

Сегодня же вместо создания современной технической базы пытаются подвести мотив мелкого собственника, наверное, полагая взять за образец средневековую цеховую организацию труда ремесленника. Там, действительно, собственник не был отчужден от своих средств производства и от продукта своего труда. И следовательно, он имел сильную трудовую мотивацию. Но нужно ли и можно ли сегодня современную индустрию превращать в скопище ремесленных мастерских? И будет ли это означать модернизацию экономических отношений?

Надо отметить, что второй этап российской приватизации (денежная приватизация) ее идеологи связывали уже не с необходимостью всех сделать собственниками, а с процессом создания "стратегических собственников", т.е. небольшой группы богатых людей, владеющих предприятиями. Однако такой идеологический ход делает вполне очевидным то, что радикальные реформаторы во всей истории с приватизацией были озабочены не действительной модернизацией производства и трудовых отношений, а созданием социальной базы поддержки правящего режима. Сюда же можно отнести и беспрестанные упования на необходимость выращивания среднего класса как якобы социального стабилизатора общества. Но следует на-

помнить, что средний класс выполняет стабилизирующую функцию лишь в благополучном обществе, когда дела идут хорошо и имеется хорошее правительство. Когда же экономическая конъюнктура резко ухудшается, средний класс первым начинает раскачивать общество, превращаясь в радикально настроенные элементы революционного, а чаще фашистского толка. Напомним, что массовой базой фашизма в Германии и Италии был как раз средний класс.

7

При всем уважении к объективной детерминации развития общественных форм и трудовых отношений в том числе нельзя отрицать возможности субъективного воздействия тех или иных институтов на конкретные пути и виды этого развития. Не является исключением и ряд этих институтов и государство. В области трудовых отношений последнее является наиболее значительным регулятором труда, так же как и область труда составляет наиболее значительную сферу государственного регулирования в экономике. Но может ли государство свободно выбирать различную политику регулирования труда: от жесткой зажатости всех трудовых параметров до почти полного устранения из этой области? Вот в чем вопрос. Если такая возможность имеется, то это означало бы, что экономическая политика формируется не под воздействием объективных обстоятельств, а как свободное пожелание людей, которые оказались у власти.

В истории нашей страны имеется ряд примеров, когда субъективные представления о лучшей экономической политике выдавались за объективную необходимость. Но постепенно от фантазий и иллюзорности в экономической стратегии переходили к тому, что требовалось объективной реальностью. Возьмем в пример такую, казалось бы, фантастическую форму организации труда, как трудовые армии начала 20-х гг. Большевики, в частности Л. Троцкий, пытались и теоретически обосновать это мероприятие как социалистическую форму труда. На этом основании враги большевиков приписывали им, особенно Троцкому, идеологическое стремление к милитаризации труда. На самом деле создание трудовых армий, которое было лишь кратковременным эпизодом, вызывалось просто прагматической необходимостью. В начале 1920 г., в конце гражданской войны, в условиях разрухи, дезорганизованности, голода невозможно было просто и быстро демобилизовать громадное количество людей, развести их по домам, обеспечить пропитанием. В тех условиях это было нереально. "Что значит – демобилизация?" – спрашивал В.И. Ленин в январе 1920 г. "Это далеко не пустяки. Армия находится на Урале, как она вернется в Петроград? Она не вернется, паровозы не ходят. Армия прошла по Западной Сибири, стоит там и уехать не может. Да рабочие из армии домой не пойдут, потому что здесь голод" (7). В те годы, да и во все по-

следующие, экономическая стратегия и трудовые отношения формировались не как свободный поиск свободных художников, а под жестким давлением объективных обстоятельств. Можно сказать, что в целом трудовые отношения советского периода отвечали (конечно, за рядом исключений) той объективной реальности, которая в стране складывалась.

Сегодня в России мы наблюдаем резкую смену (или попытку такой смены) национально-государственной политики в трудовой сфере. Идеология экономического либерализма, проводимая "монетаристским" российским правительством, вместо того чтобы привести государственную политику труда в соответствие с реальными трудовыми ценностями, сформировавшимися на протяжении столетий, включая как довольно сильный по воздействию на народный менталитет советский период, вообще отбрасывает последние. На их место предлагаются ценности предпринимательства, собственности, рантье.

Конечно, такого рода ценности присутствуют в любом обществе. Были они и в советский период, хотя и не имели официальной легитимности. Тем более, ценности предпринимательства и рантье будут присутствовать в новом российском обществе. Но нелепо и просто глупо этими ценностями заменять трудовые ценности, то есть ценности добросовестного и качественного труда.

Вся идеология реконструкции экономического строя общества в последние годы была направлена на создание мотивации предпринимательства. И совсем ничего не делалось для укрепления трудовой мотивации другого, не менее важного агента производства — наемных работников, которые представляют и в обозримом будущем будут представлять подавляющее большинство населения.

Правительство говорит, что его заботит положение малообеспеченных слоев населения, прежде всего пенсионеров. Пытаются повысить пенсии и выплаты по возрасту, а также инвалидам, участникам войны и другим. Конечно, все это оправдано и целесообразно, если бы правительство действительно могло бы это сделать. Но в данном случае нас интересует другое. Всевозможные повышения и льготы для неработающей части населения (например, бесплатный проезд на городском транспорте для пенсионеров) поставили их в более благоприятные экономические условия, чем тех, кто еще работает в народном хозяйстве. Не знаю, как можно расценить иначе, как не удар по трудовой мотивации, наличие существенного разрыва между минимальной зарплатой и минимальной пенсией. Так, на декабрь 1993 г. минимальный размер оплаты труда составлял 14,6 тыс. рублей, а минимальный размер пенсии (с учетом компенсационных выплат) — 26,3 тыс. рублей, на декабрь 1995 г. эти величины составили соответственно 60,5 т.р. и 110,5 т.р. В 1998 г. пенсии составили примерно 400 р., а минимальная зара-

ботная плата 83,5 р. Более того, наблюдается устойчивая тенденция падения доли оплаты труда в структуре доходов населения. С 1980 г. эта доля изменялась следующим образом: 1980 — 77,4; 1990 — 74,1; 1991 — 59,7; 1992 — 69,9; 1993 — 58,0; 1994 — 46,4; 1995 — 39,3; 1996 — 40,7; 1997 — 38,6; 1998 — 42,4. Соответственно растет доля социальных выплат и доходов от собственности. Последняя статья в 1998 г. составляла уже 44,3 % от всех доходов населения.

Понимая необходимость государственной заботы о нетрудоспособных слоях общества, следует все-таки помнить, что не они создают национальный продукт. И хотя справедливо эти слои называют социально менее защищенными, встает вопрос: кто защитит самих трудящихся, создающих экономическую основу общего благосостояния? Предполагается, видимо, что они сами должны обеспечивать свое благосостояние. Но для этого надо иметь процветающую экономику и дальновидную государственную политику. Между тем трудящимся массам все более угрожает огромный рост безработицы и нищеты.

Таким образом попытки сформировать или, точнее, явочным путем проводить политику либерализации трудовых отношений пока не дали каких-либо позитивных практических результатов в трудовой сфере и не сформулировали сколь-нибудь вразумительной теоретической концепции государственной экономической политики.

Говоря об итогах экономических реформ в России и возможности изменения экономического строя, нельзя обойти такой модный вопрос, как социальное партнерство. В литературе утверждается, что социальное партнерство имеет существенное значение для стабильности социально ориентированного рынка и нормализации трудовых отношений. Наличие социального партнерства могло бы свидетельствовать, что в трудовой сфере произошли заметные изменения.

В теории, т.е. при самом общем подходе, это, конечно, верно. Однако к вопросу о понимании социального партнерства и возможностей его формирования в настоящих российских условиях нельзя подходить механически. Нельзя считать, что развертывание рыночных отношений само собой подарит и совершенную систему социального партнерства. Все это не так просто и очевидно.

Социальное партнерство — продукт западной модели трудовых отношений. Причем государство выступает в этой системе трипартизма скорее как арбитр, а не равноправный партнер. К современной системе социального партнерства западный мир шел десятилетиями борьбы рабочего класса, накоплениями

демократических традиций различных объединений, компромиссной роли государства.

Вместе с тем следует иметь в виду, что далеко не во всех странах имеется развитая система социального партнерства. Так, например, для Японии характерно не социальное партнерство, а, скорее всего, система социального патернализма как со стороны государства, так и фирмы. По всей видимости, и для России, а также и многих других республик бывшего СССР, система социального партнерства в ее чистом, западном варианте будет малоприменима. Основной причиной этому служит традиционная модель российских трудовых отношений.

Однако, справедливости ради, надо заметить, что так называемые рейганомия и тэтчеризм, получившие распространение в ряде западных стран в последнее десятилетие, по существу отменили там социальное партнерство. Теоретически и практически идеология рыночного либерализма в целом исключает социальное партнерство как необходимый институт своей системы. Ведь по самой своей сути эта экономическая политика отвергает необходимость социального партнерства как снижающего действующего на экономическую эффективность производства.

В современной России все это много усложняется. Известно, что в социальном партнерстве имеются три стороны: государство, работодатели и трудящиеся. В России же пока все три составляющие этой системы не нашли адекватных форм выражения, кроме, конечно, государства. Не ясно, кто должен выступать от имени предпринимателей. Ныне существует несколько их союзов и объединений, зачастую конкурирующих между собой и объединяющих как частных предпринимателей, так и коллективных, и даже государственные структуры.

Не очень ясно, интересы каких социальных слоев или классов отражает нынешнее российское правительство. Во всяком случае, говорить, что оно выражает и защищает интересы всего народа, пока не приходится.

Однако наиболее слабым звеном являются профсоюзы, которые до недавнего времени выполняли специфические функции помощника администрации предприятия "по управлению персоналом". В советский период это включало как обеспечение профсоюзами некоторых производственных функций (подъем производительности труда), так и социальных, собственно профсоюзных функций (распределение материальной помощи, путевок в места отдыха, условия труда и т.д.). И в настоящее время профсоюзы не стали той реальной силой, способной защищать работника в условиях рынка. Некоторые законодательные акты, подготовленные с участием профсоюзов (в том числе и подписанное Соглашение по трудовым и социально-экономическим вопросам), не работают, так как блокируются

либо со стороны администрации предприятий, либо самих трудящихся, как не отражающие их жизненные интересы.

Словом, становление полноправных сторон в социальном партнерстве в России не произошло. Все разговоры о социальном партнерстве остаются лишь разговорами. Все принятые юридические документы в этой области не выполняются. Дело, однако, осложняется существованием сильной государственной традиции в регулировании трудовых отношений, как, впрочем, и во всем другом.

В старой русской системе государство было и, видимо, еще долго будет оставаться и органом, законодательно регулирующим трудовые отношения, и основным работодателем. Несмотря на уже имеющиеся попытки, реальное воплощение идеи трипартизма — дело очень далекого будущего. Или вообще не реальное. Более того, если считать, что модель трудовых отношений, которая сложилась в советский период, имеет больше шансов утвердиться в российской действительности сегодня, хотя и в более модернизированном виде, то место социального партнерства в ней занимает та или иная форма государственного патернализма.

И здесь нам опять приходится оглядываться на традиции. Никуда не уйти от того факта, что государство было фактически единственным работодателем и как следствие осуществляло всесторонний патернализм по отношению к трудящимся, да и всему населению в целом. В советский период этот патернализм под именем "забота государства о людях" являлся важнейшей частью официальной "социалистической" идеологии. Отсюда и особая специфическая роль профсоюзов, которые не могли быть стороной, противостоящей государству или администрации предприятия, так же государственного. Скорее, профсоюзы были одним из многочисленных органов государства, осуществляющих патернализм в трудовых коллективах.

Такое положение дел есть серьезное препятствие рыночным преобразованиям, понимаемым в чисто западно-либеральном варианте. Пока эти патерналистские структуры (регионального и отраслевого уровней, и особенно на уровне предприятия) успешно противостоят правительству в его стремлениях к жестким бюджетным ограничениям. Поэтому трудно признать достаточно реалистичными некоторые предложения о скорейшем и быстрейшем внедрении социального партнерства в русской экономике на основе ускоренного выращивания буржуазного класса. Все это быстро не делается, особенно в российских условиях. Это еще раз убеждает, что реальных перемен глубинного свойства в России не произошло или произошло очень мало.

Более того, если допустить, что через год или два в России появятся достаточно полноправные стороны трипартизма (т.е. зрелое и ответственное предпринимательство, мощные

и консолидированные профсоюзы, мудрое правительство), то прийти к социальному соглашению они смогут только после достаточно длительного периода конфронтаций и классовой борьбы, периода пробы сил. Не зная силы друг друга они не смогут и не будут идти на соглашение, ибо неизвестна точка равновесия в таком соглашении. Только через социальную борьбу (в том числе и классовую) может быть выяснена степень мощи каждой стороны в трудовых отношениях и может быть найдена точка равнодействия этих сторон. Это естественный процесс, который был свойственен развитию трудовых отношений почти для всех стран Запада.

В основных чертах этот процесс шел и в России. Однако с одной важной особенностью: с сильной ролью государства в регулировании трудовых отношений, с сильным патернализмом. После 1917 г. патернализм постепенно превратился в государственный тоталитаризм. Поэтому сейчас вопрос в России стоит так: возврат к какому-то уровню патернализма, всегда присущего российскому экономическому менталитету или копирование каких-то западноевропейских образцов.

Таким образом, идея трипартизма имеет сегодня скорее политическое, нежели экономическое звучание. В реальном экономическом процессе рассматривать трипартизм как существенный фактор трансформации трудовых отношений пока не приходится. Глубинные социальные процессы опираются и еще долго будут опираться на патернализм государства.

Конечно, какие-то изменения в стране за 10 лет реформ произошли. Но, повторю, эти изменения не носят принципиального характера. Это можно иллюстрировать проблемой среднего класса, которая сегодня в России стала очень модной.

В советский период средний класс, исчисляемый по двум различным критериям (по образованию и по доходу), дает примерно равный результат – 70–75 % (8). Надо сказать, что это соответствует стандарту величины среднего класса для экономически развитых западных стран, который исчисляют в 60–80 %. Т. е. средний класс в СССР охватывал значительно больше половины всего населения и составлял примерно 2/3 всего населения. Эту величину подтверждают и некоторые социологические исследования, полученные путем изучения самооценки опрашиваемых групп населения. Так, социолог Р. Г. Громова на основе опросов 5 тыс. человек выявила, что 67 % респондентов в 1988 г. относили себя по критерию материального положения к среднему уровню (9).

Сегодняшний средний класс состоит из трех крупных отрядов. Первый – интеллигентская часть старого среднего класса, которая все больше и больше сжимается. Второй – прежние партгосчиновники и хозяйственные руководители, который несколько трансформировавшись, но в целом, видимо, удержал свои позиции или даже расширился. Например, директора и первые лица прежних государственных предприятий в целом и сегодня остались в рамках среднего класса. Третий – совершенно новые люди, пришедшие из самых разнообразных областей и сфер, прямо связанные с вновь созданным частным сектором.

Теперь представляет несомненный интерес попытка определить размеры среднего класса в современной России. Для определения среднего класса советского периода мы использовали два критерия: распределение по доходам и по образованию. Для сегодняшних условий критерий образования не годится, ибо наиболее образованные слои сегодня находятся на грани прожиточного минимума и никак не могут попасть в средний класс. С другой стороны, в частном бизнесе появилось много людей, не обладающих солидным образованием, но по доходам претендующих на верхние ступени среднего класса. Значит, критерий экономического дохода остается как основной и безусловный. Вторым же критерием выберем социальное положение или род занятий. Так, руководитель даже мелкого частного предприятия автоматически в современных условиях России должен относиться к среднему классу вне зависимости от его образования или даже легально объявленного дохода.

Итак, рассмотрим масштабы среднего класса по критерию дохода, придерживаясь тех же подходов, что применялись нами для 1989–1990 гг. Таким образом, рассчитав величину среднего класса по критерию доходности, получаем следующий ряд: 1975 г. – 57,1 %; 1990 г. – 70,5 %; 1991 г. – 82,4 %; 1992 г. – 27,1 %; 1993 г. – 37,3 %; 1994 г. – 31,4 %; 1995 г. – 29,4 %; 1996 г. – 35,2 %; 1997 г. – 38,2 %; 1998 г. (июль) – 38,3 %; (ноябрь) – 21,4 %; (декабрь) – 33,2 %. В ряде случаев наши расчеты можно подтвердить и некоторыми серьезными социологическими измерениями. Так, Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), самая авторитетная сегодня в России социологическая организация, дает показатель "средних слоев" на ноябрь 1997 г. в 38 % (10). Это почти полностью совпадает с нашим расчетом на этот год (сравни – 38,2 %).

Из этих данных можно сделать тот вывод, что многочисленные сетования по поводу "невозникающего" среднего класса, что в ходе российских реформ "не удалось" сформировать средней класс, реальны лишь в небольшой степени. Из приведенных данных видно, что в современной России средний класс есть. Конечно, сегодня средний класс не очень большой и с не очень ясной перспективой. Более того, вполне можно утвер-

ждать, что какая-то часть среднего класса появилась именно благодаря российским реформам. Но основная часть среднего класса представляет старые средние слои еще советского периода.

10

Подводя итоги трансформационным изменениям в России, посмотрим – что же происходит в действительности. Известно, что М. Горбачев начал свои преобразования в 1985 г. как реформы. Но к началу 90-х гг. стало ясно, что ранее намеченные реформы перерастают сами себя, становятся настолько радикальными, что по существу делают необходимым полное обновление экономических и политических основ общества. По сути дела, речь должна была бы идти о модернизации. Но Горбачев и его окружение продолжали говорить о реформах (кстати говоря, Ельцин и его окружение также говорят о реформах, как будто продолжают дело Горбачева), плохо понимая при этом, что, собственно, они принялись реформировать. Процесс изменений приобрел настолько стихийные и радикальные формы, что утратил какую-либо управляемость. Это стало для всех полной неожиданностью.

Пришедшие после Горбачева новые люди объявили эти изменения революцией. Согласно такому подходу эти новые люди пытались и пытаются изменить экономические и политические основы общества, его социальную структуру. Насчет смены элит у них не было сомнений и проблем, ибо они выгнали всех старых правителей и сами уселись у руля. Формально произошла смена элит.

Так вот, представляется интересным посмотреть, насколько серьезными были эти изменения, чтобы их можно было трактовать как принципиальную смену социально-экономического строя. Конечно, процесс изменений еще не состоялся и окончательные выводы делать сегодня трудно. Но материал для анализа все же имеется достаточный.

Итак, рассмотрим изменения по элементам. Начнем с более легкого – смены элит. Конечно, во главе страны сейчас люди во многом другие. Но означает ли простая смена одного человека на другого смену элиты? Я думаю, что нет. Смена элиты – это приход к власти существенно другого социального слоя. В России же такой смены не произошло. В первое время после 1991 г. университетские профессора и журналисты в некотором числе (заметим, в очень небольшом числе) попытались усестись во власти, но довольно быстро оттуда ретировались. Практически сегодня во власти находится та же самая партгосноменклатура, которая была там и все годы брежневского периода, хотя и по-другому называется. Даже персоналии многие остались или вернулись во власть те же самые. Поэтому по

большому счету существенной смены элиты в стране не произошло.

Теперь посмотрим насчет экономических основ общества. В старом, "социалистическом" обществе такой основой являлась общенародная или, точнее, государственная собственность на средства производства. Сегодня говорят о необходимости частной собственности и даже переименовали почти 80 % предприятий из государственных в акционерные. Но от такого переименования по существу мало что изменилось, кроме того что директора этих предприятий получили неограниченные возможности делать то, что хотят, или то, что могут. Никакой существенной разницы между оставшимися государственными предприятиями и новыми акционерными предприятиями обнаружить невозможно. Неплатежи, простои, убытки и т.п. на тех и других предприятиях совершенно одинаковые. Акционерные предприятия также не создали новых классов или слоев общества. Директора, служащие, рабочие продолжают себя рассматривать в качестве государственных служащих, основные претензии предъявляют именно государству. Директор (или хозяин) убыточного акционерного предприятия не может просто распродать имущество неэффективного предприятия и высвобожденный капитал вложить в более прибыльное дело. Этот директор связан "по рукам" сотнями нитей, которые и составляют экономическую основу общества. То есть, экономическая основа, по сути дела, осталась прежней.

Социальная структура общества также изменилась незначительно. Не появился в заметном числе класс капиталистов. При самом оптимистическом подходе он не превышает 8%. Так называемый средний класс в основном воспроизводит старую советскую номенклатуру.

Остаются политические основы общества, которые действительно претерпели заметные изменения. Но и тут можно сделать две оговорки. Первая – пока еще не совсем ясно, где остановится процесс политических изменений. За последние 10 лет мы убедились, что эти политические изменения могут идти в разные стороны. Вторая – чтобы четко определить степень и направленность политических изменений, надо также четко представлять базу отсчета. А до сих пор не очень хорошо известно, что за общество был Советский Союз. Нельзя же, действительно, все и всякие наименования, которые ему давали властвующие лидеры, принимать за чистую монету.

Таким образом, изменения в обществе безусловно есть, но эти изменения не настолько радикального свойства, чтобы их можно было бы трактовать как принципиальную смену социально-экономического строя.

Сегодня Россия проходит трансформационную волну, которую прошли почти все европейские страны в 60-70-е гг. В тот период эти страны овладевали достижениями научно-технической революции, новым технологическим способом производства, формированием новой социальной структуры общества. СССР по ряду причин отстал от западных стран, хотя и не во всем. Скажем, по социальной структуре он даже обогнал многие страны и уже в 50-е гг. имел структуру (минимизация и сглаживание классовых различий, их перерастание в мягкие различия страт), которая характерна для современного состояния западных стран. Но в технологическом и производственном отношении он резко отставал от Запада. Поэтому трансформация была объективно необходимой.

Однако историческая форма ее оказалась неожиданной и малоудобной. Поэтому ныне происходят резкие и кратковременные изменения политической формы, которые практически не затрагивают экономической основы общества.

Экономическая основа общества как была так и осталась — крупная государственная собственность на основные средства производства. Сегодня она называется по-иному, но нельзя суть изменений сводить к их названию. СССР после революции 1917 г., несмотря на многочисленные заявления его вождей, не вошел в полосу социалистического способа производства, господствовал буржуазный способ производства. Конечно, особую трудность представляет собой проблема как назвать то общество, тот общественно-экономический строй, который существовал долгие десятилетия в СССР и который сохранился в основных своих чертах до сего дня. Более того, было бы совершенно неумно считать, что социально-экономический строй можно менять когда угодно и куда угодно. Ведь в развитии общества есть свои законы.

Так вот. После революции 1917 г., которая по преимуществу была революцией буржуазно-демократической, в России (СССР) развивался буржуазный способ производства. Ибо невозможно от феодализма прямо перескочить в социализм. Но был ли в СССР своеобразный капитализм, или, как чаще всего это называют в литературе, государственный капитализм? При сильной роли государства и бюрократической системе управления экономический процесс в условиях буржуазного способа производства, конечно, лучше всего определять в терминах государственного капитализма. Это было бы естественно. Такое состояние мы видим во многих странах, освободившихся от колониальной зависимости и переходящих по существу от феодального способа производства к следующему — буржуазному или капиталистическому как более определенной формы последнего. Это Индия, Индонезия, многие другие страны Азии и Африки. Это, по существу, и Россия сегодня.

Суть госкапитализма можно свести к процессу распределения общественного труда и продукта как рыночному процессу по капиталу с опорой на государственные бюрократические структуры. Это сегодня в России достаточно хорошо прослеживается. Но вот было ли это в советский период — вот в чем вопрос.

Надо прямо ответить, что распределения по капиталу в советской экономике не наблюдалось. Распределение общественного труда прямо и непосредственно не регулировалось рынком, это сказывалось лишь в конечном счете. Главный императив в распределении общественного труда состоял в общественной необходимости удовлетворения важнейших государственных потребностей (оборона, минимальный потребительский уровень для всех и т.п.). Это не было рыночным распределением и не было распределением по капиталу. Но в принципе все это не выходило за рамки буржуазного способа производства, ибо во главу угла ставились чисто оборонные и экономические цели. Ничего социалистического здесь не было и не могло быть.

Однако правящий режим все годы советской власти определял строй как социалистический, и сегодня есть соблазн назвать его государственным социализмом. Действительно, последний есть более продвинутая стадия исторического развития, чем государственный капитализм. Но дело в том, что линия госсоциализма просто силой навязывалась обществу. Когда прекратились сталинские репрессии, то экономическая жизнь очень быстро повела к тому, что многие государственные чиновники и бюрократы, хозяйственные руководители быстро стали превращаться в маленьких и не очень маленьких капиталистов. А либеральная интеллигенция быстро оформила идеологически это перерождение в соответствующих терминах. Даже не перерождение, а просто проявление той сущности экономического поведения людей, которая объективно свойственна условиям буржуазного общества.

Поэтому трансформационные изменения, которые произошли в нашей стране после 1991 г., касаются лишь внешней формы. Одна историческая форма буржуазного способа производства (государственный социализм) сползла, другая проявилась весьма отчетливо (государственный капитализм).

Примечания:

- 1 Здесь и далее все цифровые данные, кроме специально оговоренных, взяты из официальных изданий Государственного комитета Российской Федерации по статистике (Госкомстат России).
- 2 Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. Информационный бюллетень ВЦИОМа, 1997. № 3. с. 34.
- 3 Там же, с. 23.

- 4 См.: Наука в СССР 1987 № 5 с. 118. Опрос 120 промышленных предприятий, проведенный Институтом социологических исследований АН СССР в 1987-1988 гг. (руководитель Н.В. Андреев), показал, что 23,8 % работников этих предприятий полностью вкладываются на работе, а 57,8 % могли бы работать лучше и значительно лучше (См. Материалы Всесоюзного мониторинга по вопросам социально-экономического развития промышленных предприятий, М., 1988 с. 17).
- 5 Альтернативы модернизации российской экономики. Под ред. А. Бузгалина, А. Колганова, П. Шульце. М., 1997. с. 33.
- 6 Арнот Б. Социально-экономическое положение труда в переходный период. некоторые комментарии. В кн.: Экономическое положение России и трудовые отношения. Под ред. М.И. Воеикова. М., 1996 с. 70.
- 7 Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891 - 1922 гг. М., 1999. С. 319-320.
- 8 Подробно о методике определения среднего класса см. в работе Воеиков М. И. Возможности статистического изучения среднего класса // Вопросы статистики 1999 № 11.
- 9 Громова Р. Г. Социальная мобильность в России. 1985-1993 годы // Социологический журнал 1998 № 1-2 с. 33.
- 10 Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены 1998 № 2 с. 10.

Десять лет реформ в России: глобальный контекст

Не глобализация, а глобальная гегемония корпоративного капитала, приводящая к реколонизации мира

Дебаты на темы глобализации стали любимым занятием как теоретиков, так и практиков от мировой экономики и политики, причем как правых, так и левых. Авторы хотят сделать далеко не традиционный (хотя для социалистов выглядящий очевидным) акцент: социально-экономической формой действительно как никогда мощно заявивших себя процессов интернационализации является **глобальная гегемония современного корпоративного капитала**.

Именно эта гегемония рождает хорошо известные противоречия процесса глобализации, оказывающие существенное влияние и на Россию.

Во-первых, внедрение в мирохозяйственные отношения принципов, характерных для неолиберального этапа эволюции "позднейшего" капитализма, сопровождающееся формальным возвратом к "свободе торговли" и либерализации внешнеэкономических связей, на деле приводит к обратному результату. Складывается система отношений, характеризующаяся стабильно воспроизводимыми монопольными преимуществами и, следовательно, отсутствием даже основ свободной конкуренции в отношениях между крупнейшими ТНК и их сателлитами - с одной стороны, "периферией" экономической жизни (экономикой третьего и, в значительной части, второго миров, в частности - России) - с другой. Современный мировой рынок - это система, где нет свободной конкуренции, хотя формально здесь "восстановлены" фритредерские начала. *Это система монопольного контроля со стороны корпоративного капитала (в том числе - государств G-7 как супер-капитала) за "ресурсами развития"* (информационные продукты, высокие технологии, высоко квалифицированная рабочая сила и т.п.), поскольку "ресурсы развития остаются недоступны для 80% населения, они обречены на существование в гетто нищеты.

Впрочем, и сами правила "свободной торговли" достаточно произвольно нарушаются теми же, кто их устанавливает - элитой мирового корпоративного капитала. Для агентов, которые

не устраивают этих "хозяев", они заменяют фритредерство на жесткий протекционизм, а то и просто вводят санкции, объявляют блокаду или используют "Томогавки".

Во-вторых, складывающийся мировой порядок неравноправен и не демократичен даже по буржуазным меркам.

Прежде всего бросается в глаза, что "правила игры" (институциональные рамки, структуры и "дороги" жизнедеятельности мировой экономики, политики, духовного производства) устанавливаются все теми же субъектами гегемонии. Ничего похожего на принципы даже формальной демократии, где большинство оказывает решающее влияние на принятие решений, в мировой экономике и политике нет.

Но названная элита не только устанавливает эти правила, но и обладает почти монопольной властью на их проведение в жизнь, на контроль за их соблюдением (финансовый контроль, монополия на ядерные вооружения и контроль за силами безопасности... Здесь особые комментарии не требуются).

Наконец, экономико-политические аспекты мирового неравенства дополняются информационным, идеологическим и культурным империализмом, закрепляя гегемонию элит мирового капитала и выгодные для них "правила игры", образ жизни, систему ценностей и мотивов в сфере сознания, в духовном производстве (в частности, реализуя "рыночный фундаментализм", который даже Дж. Сорос считает врагом общества).

В-третьих, для "нового мирового порядка" характерны подрыв даже буржуазных принципов эквивалентности и равенства возможностей.

Катастрофический разрыв в качестве жизни (и, соответственно, лежащем в его основе экономическом потенциале) между "золотым миллиардом" и большей частью человечества, находящегося в "гетто отсталости", является прямым результатом механизмов гегемонии мирового корпоративного капитала, выросших из эпохи колониализма (а она завершилась всего-то 30 - 40 лет назад). Этот разрыв ныне закрепляется и увековечивается названными выше "правилами" нового мирового порядка.

Тем самым в мире складывается неэквивалентность и неравенство во взаимодействии "золотого миллиарда" и "гетто отсталости": цена на продукцию второго не включает затрат на восстановление биогеоценозов или хотя бы минимальную охрану среды, а так же на социальную защиту работников и другие компоненты, учитываемые в ценах на продукцию высокоразвитых стран, а так же формируется в условиях монопольно регулируемой экономики.

В-четвертых, распад так называемой мировой социалистической системы и прежде всего уход с мировой геополитической сцены СССР породил волну реколонизации мира со стороны корпоративного частно-государственного транснационального капитала США и союзников этой сверхдержавы. Влия в Югославии стала первым пробным шагом в движении этой экспансии через Балканы на Кавказ и далее в Азию и Россию. Стоящие пока на пути этой экспансии такие страны как Белоруссия, Китай и др. (авторы отнюдь не склонны идеализировать господствующий в них социально-экономический строй) могут стать и во многом уже стали объектами мощнейшего давления. Россия в этом процессе занимает ключевое место.

Следовательно, под именем "глобализации" ныне скрывается тотальная гегемония глобального корпоративного капитала.

* * *

Гегемония корпоративного капитала в условиях глобализации не могла не сказаться на России почти так же, как она сказывается на 3-м мире. Выделим основные каналы такого влияния (они прямо корреспондируют с выделенными выше чертами глобализации).

Во-первых, мощное содействие российской криминально-номенклатурной элите в проведении "реформ" по модели "шоковой терапии", которая не могла дать и не дала позитивных результатов для экономики (более чем 50% спад производства, 40% спад жизненного уровня, деиндустриализация, разрушение высоких технологий и т.п. — общеизвестные последствия). При этом, как и предвиделось, либеральные меры, несмотря на жесткие и подчас кровавые методы их проведения в жизнь (расстрел парламента в октябре 1993 в Москве, война в Чечне) реализованы не были, ибо российская экономика и социум отторгли их. Мы получили кланово-корпоративный полу-капитализм (названный нами капитализмом юрского периода), который по своей природе не может быть ни эффективен, ни справедлив.

Данный результат прогнозировался и оказался выгоден хозяевам глобального сообщества.

Во-вторых, установление неравноправных международных экономических и политических отношений: модель свободной торговли и "партнерства" оказалась путем к (1) подавлению российской промышленности и сельского хозяйства импортной продукцией; (2) вытеснению национальной валюты СКВ (долла-

ризация, превращение валюты США в основное средство сбережения); (3) разрушению российского экспортного производства; (4) разрушению потенциала конкуренции со стороны России на наиболее важном для Запада рынке – высоких технологий, вывозу на Запад лучших умов (более 100 000 ученых) и т.п.

В-третьих, в финансовой сфере была создана модель, при которой Россия была вынуждена (вследствие спровоцированного "шоком без терапии" перманентного финансового кризиса) постоянно выпрашивать займы у МВФ, при этом постоянно вывозя капитал (до 20 млрд. долларов в год) через такие каналы как создание фиктивных компаний на Западе, неоплаченные контракты на вывоз продукции, "просто" нелегальный вывоз валюты и ценностей.

В-четвертых, за вывеской геополитического партнерства скрывалась стратегия вытеснения России с поля реального решения геополитических проблем, что продемонстрировала агрессия НАТО в Югославии.

В-пятых, произошла мощная вестернизация культурной жизни, вызвавшая не только негативные последствия для России, но обратную (и не менее опасную) волну великодержавного шовинизма. Последнее связано так же с геоэкономическим и геополитическим доминированием глобального корпоративного капитала.

Именно это доминирование порождает в России обратную волну державности и национализма в экономике, политике и культуре, приводя к господству реакционных форм противодействия крайне опасному для страны процессу вестернизации.

В России в настоящее время в экономике, политике и культуре идет борьба двух в разной мере реакционных тенденций:

1. либерально-западнической, скрывающей за "цивилизованной" рыночно-демократической риторикой модель полновластия транснационального капитала: политического и духовного доминирования боссов большой семерки;
2. государственно-националистической, скрывающей за "патриотической" формой как объективную необходимость противодействия глобальной гегемонии капитала, так и реакционные государственно-капиталистические (с пережитками номенклатурного феодализма) тенденции.

Проблемой для страны является выход из этой антиномии и переход к более выраженному в реальной политико-экономической борьбе скрытого ныне противостояния угнетен-

ного и эксплуатируемого (при помощи и капиталистических, и номенклатурно-бюрократических и полуфеодалных методов) большинства трудящихся (включая 90% интеллигенции) – с одной стороны; обеих (и либерально-западных, и патерналистски-державных) элит – с другой.

Этому, однако, противодействует сложившаяся в России модель экономико-политической жизни, которую в целом следует охарактеризовать как **процесс трансформации мутантного социализма в мутантный капитализм, приведший к воспроизводству в течение последний 10 лет системного кризиса в нашей стране.**

Безусловно, следует иметь в виду, что глобальная гегемония корпоративного капитала – это одна из двух базовых причин такой модели эволюции России в 90-е годы. Не менее важны были и внутренние противоречия советской экономико-политической системы.

Российский "капитализм юрского периода (Jurassic Park of Capitalism)" как продукт и основа деградации страны в глобальном мире.

Превращение российской экономики, да и вообще социума в пространство столкновений крупнейших финансово-промышленных группировок (называемых олигархическими группами, кланами, корпоративными союзами и т.п.) стало сегодня общим местом. Не менее общим местом является фиксация их сращенности с государственным аппаратом, равно как и коррумпированность последнего. Олигархический характер власти в стране ("семибоярщина") так же мало кем подвергается сомнению. Между тем анализ природы этих образований (ниже будет использоваться имя "кланово-корпоративная группа") и их роли в преодолении кризиса отечественного социума – эти проблемы анализируются в меньшей степени и именно им будет посвящен данный раздел.

* * *

Для того, чтобы понять природу власти названных групп, надо исследовать суть нынешней социально-экономической системы в России, понять, кто является ее хозяином (прежде всего в сфере экономики), кому выгодна реализуемая на практике модель перехода, как правят, властвуют действительные хозяева, как устроен механизм их "конкуренции".

Понять же эту суть можно, лишь сделав шаг вглубь по сравнению с традиционным анализом экономистов (план или рынок; частная или общественная собственность) и политологов (правые или левые; пропрезидентские, региональные и т.п. элиты). Необходим как минимум анализ того, что я назвал выше **Jurassic Park капитализма**. Это сложившаяся в России государственно-корпоративная модель капитализма, все поры которого проникнуты "пережитками" прошлого общества с его авторитарной политической системой, властью патерналистской бюрократии, привыкшим к социальному иждивенчеству и пассивным населением, узким слоем предпринимателей, сосредоточенных в теневой экономике, ресурсоограниченной "экономикой дефицита", где господствовало отнюдь не мифическое планирование "до гвоздя" из единого центра 20 000 000 видов продукции, а "плановые сделки" - полулегальный торг директоров с чиновниками по поводу цен и ресурсов, и прочая, и прочая.

В результате сегодня мы имеем массу пережитков старой командно-административной системы, помноженных на возрождающиеся феодально-клановые отношения личной зависимости и формы государственно-монополистического капитализма начала XX века.

Ключевое социальное звено этой системы в экономике - **кланово-корпоративная структура**. Именно ее автор назвал бы своего рода "динозавром" капитализма. Подчеркну: сегодня в нашей стране господствуют два типа "динозавров": одни - "вегетарианцы" - гигантские малоподвижные структуры, бывшие объединения государственных предприятий. Вторые - "хищники" - гораздо меньшие по размеру, но гораздо более активные, злые и голодные частные корпорации, активно "пожирающие" бывшие госструктуры.

Чтобы понять суть этих "динозавров", давайте посмотрим на **структуру типичной кланово-корпоративной группировки**. Ее слагаемые: внизу несколько предприятий (в большинстве случаев прошедших через процедуру номенклатурной приватизации), рядом с ними - один-два банка и несколько бытовых (а то и попросту паразитических) частных фирм, над ними - надстройка в виде организаций, обеспечивающих лоббирование в государственных структурах. Реальные права собственности на всю эту систему принадлежат узкому кругу лиц, сосредоточенных в администрации экс-государственных предприятий, руководстве банков и лоббирующих структур, а также действительных хозяев дочерних частных фирм.

Подчеркнем: речь идет о реальных правах собственности, о хозяйственной власти, а не просто о доле акций (хотя последняя также важна).

Каковы же основные каналы социально-экономической власти кланово-корпоративных структур? Наиболее очевидный - **собственность на акции**. Как будет показано ниже, для реального контроля за кланом достаточно владеть 10-15% акций входящих в него фирм при условии, что (1) остальные акции разпылены среди многочисленных мелких собственников, неспособных к скоординированным действиям; (2) хозяева этих 10-15%, напротив, едины в своей предпринимательской деятельности (составляют "клан"); (3) эти хозяева держат в своих руках другие нити хозяйственной власти и контроля.

Кто же сегодня обладает таким консолидированным пакетом акций на большинстве бывших государственных предприятий в России? По данным экспертных оценок наиболее типичной является следующая картина. Около 10-15% акций имеет государство, порядка 40% акций находится в руках работников, а это значит (учитывая российское законодательство), что они не консолидированы. Более того, работники российских предприятий, как уже было сказано, в большинстве по прежнему пассивны, не объединены в ассоциации (профсоюзы фиктивны или самоустраиваются от решения проблем собственности), не способны к солидарным действиям как собственники, а тем более - как предприниматели. В подавляющем большинстве случаев они передоверяют основные права собственности высшей администрации предприятий, на которых они работают. Напротив, администрация предприятий - это консолидированная структура, связанная десятилетиями традициями соподчинения и совместной кастовой жизни ("номенклатура" низшего уровня). Эти лица имели к 1995 году до 15% акций и продолжают их активно скупать. Кроме того, значительная часть акций (до 30%) принадлежит "внешним инвесторам" (отечественным и зарубежным частным фирмам), как правило, связанным прочной личной унией с администрацией предприятий. Значительную часть этих акций (через подставных лиц или иным путем) может контролировать банк (банки), входящий в неформальный клан.

В целом, элита контролирует от 30 до 50% акций, т.е. существенно больше, чем минимально необходимо для контроля за предприятием при наличии названных выше других трех условий.

Второй важнейший канал контроля элиты за кланом - *административная власть*. В условиях России, с ее вековыми традициями подчинения начальству, административная власть высшего менеджмента играет одну из ключевых ролей в формировании устойчивых клановых структур. Эта власть соединяется с таким специфическим феноменом, как сохранение в руках администрации предприятий контроля за жилищным фондом, социальной инфраструктурой и т.п. (ведомственные квартиры, детсады, поликлиники...). Но это только власть администрации предприятия по отношению к работникам.

Существует и административный контроль правительственных структур по отношению к предприятиям. Пережитки командной экономики ("плановая сделка", патернализм чиновников и т.п.) вкупе с современным хаотическим бюрократическим воздействием массы различных ведомств на рынок и процесс перераспределения собственности, делают правительственного чиновника если не "отцом", то, по меньшей мере, влиятельным дядюшкой по отношению к директору предприятия. Льготные кредиты и налоговые "по послабления", хотя бы минимальный госзаказ (для гигантского оборонного сектора он до сих пор чрезвычайно важен), лицензии на экспорт (они были жизненно важны для сырьевиков, пока не были отменены), покровительственные экспортные тарифы или, напротив, защитительные импортные пошлины, прямые дотации (например, шахтерам) и т.п. - все это делает административную власть (правительство в центре и в регионах) крайне значимой, несмотря на видимый крах "административно-командной системы".

Однако наиболее значимым каналом хозяйственной власти является *финансовый контроль*. Большинство российских предприятий в течение последних 5 лет находятся в состоянии перманентного и жестокого финансового кризиса. Нет денег на выплату зарплаты, на платежи за сырье, материалы, энергию, не говоря уже об инвестициях (они за последние 5 лет упали на 3/4). Постоянный кризис взаимных неплатежей и необходимость любой ценой вымаливать у государства и/или банка кредиты стали правилом. В этих условиях срабатывает цепочка финансовой зависимости.

В самом низу работник, которому могут заплатить, а могут и не заплатить (это зависит непосредственно от администрации) зарплату. Задержки составляют от 1 до 5 месяцев, а уход с работы проблемы не решит: за годы реформ процент безработных вырос в 7 раз. Выше - зависимость администрации от банка. Даст или не даст банк кредит, а если даст, то на каких

условиях? Администрация может воспользоваться его услугами также и для того, чтобы (обычно через подставные фирмы) в течение 2-3 месяцев, а иногда и полугода, "крутить" деньги, предназначенные для расчетов с рабочими и контрагентами, увеличивая первоначальную сумму в 1,5-2 раза за счет краткосрочных валютных, торговых (в России банки гораздо больше связаны с торговлей, нежели с производством) и т.п. операций, в большинстве своем - спекулятивных. Часть этих дополнительных средств получает предприятие, но немалая доля через банк уходит к хозяевам клана.

Еще выше - государственные органы - от мелкого чиновника в администрации региона до президента и парламента. Все они распределяют и перераспределяют различные государственные ресурсы и льготы. Добавим сюда активнейшее влияние Госкомимущества на процесс приватизации, внешнеэкономических ведомств - на условия экспортно-импортных сделок, администрации президента - на налоговые льготы, парламента - на распределение бюджета и... мы получим сложнейшую систему финансовых взаимосвязей между предприятиями, банками и различными федеральными, республиканскими и региональными госорганами.

Не забудем и о таком канале хозяйственной власти, как *личная уния*. Он венчает всю эту пирамиду зависимости, спаивая воедино (как волков - в стаю) элиту предприятий, банков, коммерческих структур и госорганов. Эта личная уния тем прочнее, что подавляющее большинство клановых элит вышло из тех или иных групп прежней номенклатуры.

Наконец, особую прочность клановым конструкциям, собственно клановую форму, придает им *близость к теневым структурам*. Необходимо учесть, что криминальная экономика прошлого (а до конца 80-х годов в СССР почти что весь частный бизнес был нелегальным и в силу этого тесно связанным с криминальными элементами) была одним из основных источников рождения частного бизнеса. Сегодня же частные фирмы всегда прилеплены к государственным и экс-государственным предприятиям для удобства перекачки денег корпораций в карманы их реальных хозяев. Учитывая это, следует признать, что большинство корпоративных структур хотя бы "боком" привязано к криминальной экономике. Кроме того, само по себе лоббирование в стране с неустойчивым законодательством, постоянно сменяющимся правительством и высочайшей степенью коррумпированности верхов, носит характер полу- или прямо незакон-

ной деятельности (часто ее несколько неточно называют мафиозной).

В результате возникает взаимная втянутость всех структур в более или менее сомнительную с точки зрения права деятельность. Это не обязательно рэкет, заказные убийства, шантаж, вымогательство и взяточничество (хотя и этого в России с избытком). Это может быть "всего лишь" задержка выплаты зарплаты и ее "прокрутка" через коммерческую организацию, льготный кредит в обмен на поддержку во время избирательной кампании и другие шаги, связывающие клановые элиты круговой порукой.

Кланово-корпоративные структуры образуют фундамент не только экономической, но и политической власти. Только связь здесь не проста. Большинство кланов поддерживает сразу несколько блоков и партий, а большинство партий опирается сразу на несколько кланов. Так возникает сложное перекрестие интересов, достаточно далекое (но не абсолютно оторванное) от идеологических и программных установок тех или иных партий.

Что же касается **типологизации кланово-корпоративных систем**, то можно выделить с определенной долей условности **четыре типа** (Ниже при описании ряда кланово-корпоративных группировок автором будут использованы данные из дипломной работы магистра экономического факультета МГУ П.Демещика "Проблемы перераспределения прав собственности в переходной экономике современной России").

Первый - **"отраслевые" кланы**. В отличие от распричастного мнения, их несколько, и они достаточно жестко соперничают друг с другом. В качестве примера рассмотрим такую гигантскую структуру как "Газпром" (монополизировал 95% добычи природного газа, 100% транспортировки газа в России и т.п.). Хотя 40% акций этого предприятия принадлежат государству, реально эта гигантская корпорация как бы "самоприватизировалась", т.к. большая часть акций (распределенных среди администрации и работников предприятий "Газпрома", региональной элиты и т.п.) находится под контролем или в "доверительном управлении" боссов этой корпорации.

В орбиту этой корпорации входит несколько банков, среди которых "Газпромбанк", "Национальный резервный банк", "Империял" и др.

В политической жизни эта структура играет крайне значимую роль, став, например, на последних парламентских выборах одним из крупнейших (по некоторым данным - основным)

спонсоров движения "Наш дом - Россия", поддерживал и поддерживает президента Ельцина. Практически в полной зависимости от этого объединения находятся региональные власти ряда северных территорий.

Существуют и другие отраслевые клановые объединения - как в сырьевых отраслях, так и в оборонной промышленности, агропромышленном комплексе и мн.др.

Второй тип - это **региональные кланы**. Они строятся, как правило, вокруг мощного регионального лидера (главы администрации региона, мэра крупного города) и "завязаны" на бюджет и регулирующие возможности региона. Одним из примеров таких образований может служить группировка капиталов и фирм вокруг московского правительства. Это своего рода "метаклан", клан кланов. Не секрет, что Москва, сосредоточив более 3/4 финансового капитала страны, стала одним из самых богатых городов России. Даже с учетом массовых "недоплат" налогов, арендой платы и т.п. бюджет города - это гигантский капитал. Учитывая ведущееся в Москве грандиозное строительство престижных объектов (типа храма Христа Спасителя), чудовищную преступность и традиционно высокую концентрацию мафиозных структур, можно понять, сколь многосложно это образование. Кроме того, в Москве сосредоточены верхушки многих других кланов, что делает этот город географическим центром борьбы и взаимодействия группировок, контролирующих отечественную экономику. Среди основных региональных московских банковских структур, тесно связанных отношениями стратегического партнерства и взаимной зависимости, называют Банк Москвы, Мосбизнесбанк, ГУТА-Банк и др.

Третий тип клановых структур - это объединения ведомственно-функционального типа. Например, федеральные и местные власти России в течение последних пяти лет выполняли и продолжают выполнять фантастическую по своим масштабам "функцию" по перераспределению государственной собственности России (размер этого богатства 7 лет назад был таков, что он обеспечивал объем производства, сравнимый с объемом производства Японии). Эту функцию реализовывало и реализует вполне определенное ведомство - Госкомимущество РФ; персонифицировал эту функцию один из ведущих политиков - adeptов "шоковой терапии" А.Чубайс. С его деятельностью и деятельностью подведомственных ему региональных структур были связаны сложные системы интересов, "перекрещивающиеся" с интересами отраслевых и территориальных кланов.

Четвертый тип клановых структур - возникшие на основе частных коммерческих предприятий путем ускоренного первичного накопления капитала. Всего за 7-8 лет в России образовались финансово-торговые (производством частный бизнес в России занимается крайне редко) структуры с весьма скромными по сравнению с крупнейшими корпорациями Японии или США, но гигантскими по масштабам российского бизнеса капиталами - порядка 100-300 миллионов долларов. Большинство из них прошло длинную дорогу, начавшись с легализованных теневых капиталов (так называемых "цеховиков" или бандитско-мафиозных группировок), денег распавшихся политических и партийных структур (КПСС, ВЛКСМ и мн. др.), реже - частных лиц (мы в данном случае не рассматриваем банки и фирмы, возникшие на базе бывших государственных предприятий или учреждений). Затем был период массовых спекуляций с валютой, недвижимостью, ваучерами, импортными товарами, сопровождавшихся широким использованием внеэкономических методов (рACKET, коррупция и т.п.), слияния и в конечном итоге образование относительно "чистых" структур, прошедших подчас 3-5 раз через смену "имиджа" и формально мало связанных с организованной преступностью или коррумпированным чиновничеством.

. . .

Каков же механизм взаимодействия этих группировок?

Было бы большим упрощением рассматривать отечественную социально-экономическую жизнь как строго размеренную рыночную конкуренцию (с четко определенными правилами и рамками) этих суперкорпораций.

Российская экономика является в полном смысле слова переходной, а это означает, в частности, следующее.

Во-первых, сами кланово-корпоративные структуры находятся в процессе становления. Их границы аморфны и подвижны. Одни и те же фирмы, банки, чиновники и даже целые ведомства (а подчас и высшие лица государства) меняют свои ориентиры, симпатии и антипатии, перемещаясь из одного клана в другой или пытаясь включиться в целый ряд клановых структур. Более того, поскольку вся страна находится в условиях "диффузии институтов" (а попросту - неразберихи), постольку большая часть кланов организационно неоформлена и неинституционализована ("Газпром" здесь - исключение; как правило,

сколько-нибудь доказательно определить и формально описать структуру клана почти невозможно).

Во-вторых, кланово-корпоративные структуры в большинстве случаев характеризуются взаимной диффузией, "втеканием" друг в друга и это их отличительная, специфическая для переходных обществ черта.

В-третьих, взаимодействие кланово-корпоративных структур строится на основе сочетания сложной системы методов. Можно предположить, что главной из форм борьбы (равно как и "дружбы", взаимной поддержки) является неформальное внеэкономическое взаимодействие. К числу методов последнего можно отнести личную унию, сговоры, соглашения о разделе рынков и сфер влияния, "правилах" конкуренции и т.п., а так же рACKET, подкуп, шантаж и т.п. Рыночная конкуренция только возникает и является не просто несовершенной (в том смысле, какой вкладывает в это понятие учебник Economics), а деформированной, мутантной от рождения. По сути это не столько игра стихийных сил, где побеждает тот, у кого ниже издержки, выше качество и т.п., а борьба сил локального регулирования рынка. Каждый из кланов старается регулировать (подобно тому, как это делают монополии) рынок (цены и т.п.) в свою пользу. Эти силы сталкиваются в борьбе и побеждает сильнейший клан, а не наиболее конкурентноспособный товар (это похоже на соревнование по бегу в мешках, где побеждает не тот, кто лучше бежит, а тот, кто лучше может бежать в мешке). Наконец, существенную роль во взаимодействии кланов играет модифицированный механизм плановой сделки (только его объектом становятся не директивы по валовому выпуску продукции, а налоговые, кредитные и т.п. льготы).

В-четвертых, в переходной экономике идет (как уже отмечалось) крайне активный и масштабный процесс перераспределения прав и объектов собственности, а вместе с этим и хозяйственной власти. Сотни миллиардов долларов перераспределяются в процессе приватизации и это перераспределение составляет важнейшую форму взаимодействия корпоративно-клановых структур в России.

В результате взаимопресечения этих специфических механизмов образования, жизнедеятельности и взаимодействия кланов и образуется такая экономика, как экономика России, где либерализация цен приводит к гигантской инфляции и спаду, где этот спад и институциональный хаос создают максимально благоприятную среду для ускоренной концентрации денег, собственности, а значит и хозяйственной власти в руках ограни-

ченного круга кланов-корпораций, а большинство трудящихся теряют 1/3 своих доходов, не говоря уже о почти полной потере сбережений, социальной защищенности, правопорядке, стабильности и мн. др.

Сказанное внушает серьезные опасения, что стратегической задачей для кланово-корпоративных группировок России на ближайшую перспективу станет не технологическая и социальная модернизация, а борьба за дальнейшее перераспределение объектов и прав собственности в свою пользу и расширение сфер своего влияния. Для этого в описанных условиях переходной экономики России нужны иные, нежели модернизация, средства, а именно: расширение влияния на финансовые институты, продвижение своих людей в государственные структуры, поиск путей полулегальной скупки акций (например, за счет давления на рабочих или их косвенного обмана) и т.п. Кроме того, следует иметь в виду, что значительных инвестиционных ресурсов у этих группировок просто нет.

* * *

Достаточно пессимистические выводы данного материала не следует считать свидетельством абсолютного тупика, в который попала наша экономика.

Во-первых, через несколько лет, по мере завершения процессов перераспределения собственности и власти перед крупнейшими кланово-корпоративными структурами так-таки встанет задача модернизации производства, для чего у них найдутся некоторые (весьма ограниченные по российским масштабам, едва ли достигающие 10 миллиардов долларов "на круг") ресурсы. Другое дело, что они станут ресурсами модернизации не экономики в целом, а лишь некоторых ее сфер, причем, главным образом (если исходить из нынешней структуры "кланов") в сырьевых отраслях. Для таких сфер, как наука, образование, высокие технологии и т.п. надежды на модернизацию за счет "кланов" останутся несбыточными.

Во-вторых, можно надеяться на преодоление власти кланово-корпоративных группировок в России в результате качественного изменения отношений собственности и политической системы (*переход к реальной, базисной демократии как новой форме экономической и политической власти*), что может стать предпосылкой реализации стратегии опережающего развития, но это уже другая тема.

Экономическая система России.

Более десяти лет российскую экономику лихорадит реформа. Содержание реформы заключается в демонтаже плановой к построению рыночной экономики, в результате чего общество превращается из социалистического в капиталистическое, либо в «смешанное», состоящее из элементов того и другого. Демонтаж плановых институтов и планового механизма управления начался с конца 80-ых годов. Это время по сути дела является началом реформ. Бурный процесс становления рыночных реформ произошел в 92 году. Рыночная реформа практически немедленно вызвала кризис экономики, который углублялся по мере ее продвижения. Интенсификация реформ посредством ускоренной приватизации сопровождалась глубоким спадом производства, снижение реформаторских преобразований – замедлением спада. Реформа погрузила российскую экономику, и общество в целом, в глубочайший кризис, привела к технологической деградации. В состоянии глубокой депрессии России пребывала последние десятилетия 20-ого века. Лишь в 99 году начался экономический рост довольно неясного качества. Разрушительные результаты реформ вполне очевидны и ни у кого не вызывают сомнений: разэкономического роста предвидеть ситуацию не так уж сложно. Рушена плановая экономика, социализм, макроэкономические показатели уменьшились в два и более раза, производство базовых товаров также сократилось в 2 и более раза, инвестиции – в 3 раза. Не так очевидны и вызывают многочисленные споры и созидательные результаты реформ. Относительно перспектив экономического роста предвидеть ситуацию не так уж сложно. Если экономические процессы последних лет будут пролонгированы в прежнем качестве, без каких-либо изменений, они неизбежно дадут прежний результат – спад производства. Оживление 99-ого года, вызванное главным образом девальвацией рубля, исчерпает себя довольно быстро, однако, потенциал развития экономики России всё ещё велик. Для того, чтобы перейти на траекторию устойчивого роста, требуется внести изменения в экономический механизм, в действие направленность экономических сил. В экономической литературе разработано немало предложений и проектов такого рода. Их оценка была бы облегчена в том случае, если бы имелось верное представление о содержании экономики, которую

мы получим в результате реформ. А это оказывается довольно сложным делом. Здесь среди экономистов согласия нет и ведутся жаркие дебаты.

Определение типа экономики, сложившейся в нашей стране в результате реформы 90-х годов, довольно многообразно. Её характеризуют как рыночную, переходную, многоукладную, колониальную, спекулятивную, криминально-мафиозную, феодально-демократическую и т.д. общим основанием всех отличающихся друг от друга решений является сравнение нашей экономики с рыночной. Как правило, тождества не обнаруживают, а находят резкие различия, что и выражается в упомянутых формулировках.

Официально оценки российского производства, как следует из президентского послания Федеральному Собранию на 1998 год, так же и из других источников, заключается в том, что переходный период завершен и в стране построена рыночная экономика¹.

Западные институты и западные экономисты чаще всего относят Россию к странам с переходной экономикой. Так, по мнению Европейского банка реконструкции и развития России достигла примерно средней ступени перехода к рыночной экономике².

В научных экономических кругах, несмотря на многообразие и пестроту суждений о характере российской экономики, всё же, на наш взгляд, преобладает мнение, согласно которому она к началу XXI века остается переходной к рыночной.

Суждения о типе нашей экономики можно получить двумя путями. Часть решений является результатом сопоставления с ней экономики страны, которая общепризнанно считается рыночной. Обычно взоры направляются в сторону развитых, богатых стран Запада. Другие авторы решают эту проблему, сопоставляя реальности нашей экономики с некоторой теоретической моделью рынка, с понятием рынка как такового. Несмотря на различия путей многочисленны результаты, фиксирующие несходство нашей экономики с рыночной. При этом рынок предполагается как весьма желанная цель и всеобщее благо.

Решение проблемы о сути отечественной экономики путем сопоставления её со странами рыночной экономики, несмотря на кажущуюся простоту, состоит из множества посредствующих звеньев, без предварительного анализа которых полу-

ченный вывод нельзя считать аргументированным. Действительно, почему за образец рыночной экономики берутся богатые страны Запада и Японии? Разве страны Латинской Америки не рыночные? В Африке, Азии есть немало стран, где действует все рыночные институты без исключения, но при этом уровень жизни населения низкий, а зависимость экономики от транснационального капитала не вызывает сомнений. Если взять весь спектр стран с рыночной экономикой, то любое из вышеперечисленных определений экономики нашей страны можно отождествить с рыночной экономикой. Среди них немало стран с колониально-сырьевой направленностью экономики. Коррупция и криминально-мафиозные явления широко распространены и в бедных и в богатых рыночных странах, например, в США, Италии, где даже верхние эшалоны власти поражены этой болезнью и часто всплывают финансовые скандалы. Более того, указанные явления вообще характерны для стран с рыночной экономикой и в конкурентный период и на этапе господства олигополий.

Это говорит о том, что путем сравнения стран решение о типе экономики получается неопределённым. Это скорее отсутствие решения.

Методом сравнения с другими странами, поиском сходства или отличия нельзя определить тип экономики, в том числе и рыночной. Но и о переходном типе экономике таким путем довольно трудно сделать вывод. Переходную экономику так же сложно, а может быть даже сложнее, чем ставшую, развитую, узнать, сопоставляя ту или иную страну с другими странами. Многоукладность можно обнаружить практически в любой стране, в том числе и в развитых странах. Если нет доминирования ни одного из них, то экономика действительно переходная, и её системообразующее качество не возникло, как это было у нас в 20-ые годы. Но при наличии множества укладов явное преобладание и господство одного из них не позволяет судить о такой экономике как о переходной. С другой стороны, каждая развитая экономическая система всегда имеет переходные экономические формы. Дело в том, что в высшем пункте своего развития каждая система начинает генерировать элементы будущей системы, которые, сосуществуя со старой системой и в её недрах, образуют переходные формы. В этом суть процесса развития всех экономических систем, независимо от эволюционных периодов их протекания или моментов революционных изменений. Не останавливаясь на всех упомянутых определениях типа отечественной современной экономики, заметим, что каждое из них верно отражает ту или иную черту реальной действительности.

¹ Вопросы экономики, 1997, № 1, с 14

² Финансовые известия, 1997, 13 марта

сти. Однако это не означает, что любой реальный факт можно трактовать как основание экономики или как её основной принцип устройства. А ведь именно это необходимо выявить при определении типа экономики. Системообразующее качество российской экономики возможно обнаружить посредством сопоставления происходящих в ней процессов с понятием рынка, поскольку реформирование заключалось в демонтаже плановых институтов и насаждении институтов рыночных. Второй путь решения проблемы типологизации является по сути дела единственным, позволяющим достигнуть определенности в этом вопросе. Однако он также не прост. Экономическая наука наиболее обстоятельно отразило именно рыночную систему. Ведь все ее основные направления — трудовая теория стоимости, неоклассическая концепция, институционализм — исследовали рыночную экономику. Сложность использования этого богатейшего арсенала заключается в различии полученных выводов относительно того, что образует содержание понятия рынка. Действительно, среди авторов определения типа российской экономики обнаруживается множественность позиций относительно этого содержания. Хотя это проявляется в неявном виде, поскольку в явном виде, как правило, вопрос не обсуждается, тем самым, подразумевается, что содержание понятия рынка общеизвестно, общедоступно, и относится к числу само собой разумеющихся. В самом деле, что же такое рынок? Ответ здесь не так уж очевиден.

Определение рынка в виде механизма, сводящего вместе покупателей и продавцов с целью купли и продажи товаров и услуг, или в виде пакетов контрактов, или в виде совокупности правил поведения субъектов являются бессодержательными и ими не возможно оперировать. Эти определения рынка широко распространены в современном экономики, хотя в таком же качестве они употребляются в неоклассической концепции. Бессодержательно же приведенные формулировки из-за их неопределенности. Они указывают лишь на факты купли-продажи, не раскрывая их содержания, предполагая также, по-видимому, его самоочевидность. Однако во-первых эти акты не сводятся к простому диалогу торгующихся о цене и количестве, во-вторых, наличие торговли дает недостаточно информации о типе экономики. Действительно, она существовала в самых разных экономических системах, и в древнем Вавилоне, и в современной Японии. При социализме также существовала оптовая и розничная торговля, магазины и цены сводили вместе продавцов и покупателей. Последние имели ограниченные доходы и пытались

их тратить рационально, с максимальной для себя пользой. В этой области можно обнаружить схожесть механизмов плановых и рыночных. Тем не менее многие западные экономисты, обладая незаурядным чувством юмора, называют плановый механизм «командным». Шутку подхватили и некоторые отечественные экономисты, по-видимому, для того, чтобы придать более веселый характер экономическим теориям. Однако, вернемся к теоретическому определению рынка.

Приведенные выше формулировки ограничивают рынок сферой обращения. Неоклассическая концепция отражает эту сферу посредством взаимодействия спроса и предложения, частью которого является правила рационального выбора. Товарное обращение раскрыто и трудовой теорией стоимости, которая характеризует ее гораздо обширнее, чем неоклассики, и во многом совершенно иначе, как производную от производства. Тем не менее, имеется немало теоретических выводов, где содержание рыночного механизма в сфере обращения, трактуется одинаково всеми направлениями экономической науки. На них можно опереться в процессе уточнения ответа на вопрос о критериях рыночной экономики.

Основой рыночной экономики является частная собственность на средства производства. Этот критерий является общепризнанным. Здесь расхождений в экономической науке нет. Тем не менее это всего лишь институциональный признак. Он недостаточно глубок, поскольку на протяжении многих тысячелетий присутствовал и в доиндустриальных, нерыночных системах. В рабовладельческих обществах собственности на экономические ресурсы была частной. Такого же она была при феодализме, а экономия этих обществ радикально отличается от рыночной. Следовательно, частная собственность, как и акты купли-продажи, не выразительны для определения рыночной экономики, как может показаться на первый взгляд.

Существенным признаком рынка является поведение цен. Все направления науки отразили предложения, а также их колебания вокруг некоторого центра. Резкое расхождение в науке возникают по поводу содержания этого центра, насколько резкое, что в зависимости от ответа на этот вопрос идентифицируются направления, школы, теории экономической науки. Однако свободное движение цены и ее колебательный характер, а также платежеспособный спрос в качестве исходного пункта производства — действительные и существенные признаки рынка. Наконец, можно назвать элементы рынка, описанные одинаковым образом, хотя и с разной глубиной и детализацией:

фирмы (капитал) и конкуренция между ними; торговля; финансово-кредитная система; фиктивный капитал и рынки ценных бумаг; рентные отношения и институты.

Чаще всего, когда современные экономисты (западные и отечественные) говорят о рынке, внимание концентрируется на сфере обращения, то - есть сфере застывших форм, в которых происходит движение товаров, денег и капитала. Между тем нельзя упускать из вида доказанное трудовой теорией стоимости положение о том, что сфера обращения генерируется производством. Содержание, формы, функциональные и корреляционные зависимости, институты и поведение субъектов этой сферы - все определяется производством и является его следствием. Центром колебаний цен, как доказано трудовой теорией, является стоимость. Коренным и видимым признаком производства стоимости является отделение рабочих от средств производства, концентрация, материальных ресурсов у незначительной части общества. Так как сфера обращения, помимо перемещения ресурсов, товаров, денег и прочих потоков, реализует присвоение капиталистами прибавочной стоимости, то в итоге образуется характерная для рыночной экономики социальная структура, что находит выражение в резкой дифференциации людей по доходу.

Таким образом, в сфере производства критерием рыночной экономики является отделение производителей от средств производства и сосредоточение последних у капиталистов, что институционально определяется как частная собственность на средства производства. В сфере обращения существенными признаками рыночной экономики служит свободное колебание цен вокруг центра равновесия под влиянием спроса и предложения, названные выше элементы и институты, конкурирующие друг с другом посредством цен и объемов продаж. В конечном итоге функционирования экономики в целом указанием на ее рыночный характер является социальная дифференциация общества, которую легче всего обнаружить в контрастах получаемых людьми доходов. Пожалуй, следует добавить к этому общее основание, из которого вырастает и сфера производства и сфера обращения. Речь идет о техническом уровне экономики. В рыночной системе она определяется как система трехзвенных машин (индустриальная техника). Это тоже довольно точный критерий, к тому же доступный непосредственному наблюдению, а потому им можно оперировать при решении проблемы типологизации. В трудовой теории стоимости рыночная экономика, по нашему убеждению, тождественна капи-

тализму, хотя здесь мнения сторонников расходятся. Различия в суждениях возникают в связи с существованием до капитализма товарных отношений. Однако это были нерыночные, а переходные к ним формы. В неоклассической концепции ситуация похожая: здесь рыночная экономика оказывается тождественной индустриальному обществу, исходить из описанных признаков того и другого.

Конечно в чистом, рафинированном виде рыночная экономика ни в прошлом, ни в нынешнем веке не существовала. Чистые формы встречаются лишь в оранжереях. Во всем многообразии разнородных экономических форм не так уж трудно разобратся. Для этого надо выявить доминирующее качество, образующее систему в каждом данном случае.

Применим выработанные наукой критерии и признаки рыночной экономики к современной российской действительности, с тем, чтобы определить ее сущностную природу.

Техническая основа нашей экономики продолжает оставаться индустриальной. Она была такой и в плановый период. Таков закон, что каждая новая экономическая система в период своего становления развивается на технической основе предыдущей системы. Наряду с индустриальной техникой у нас, как и в любой другой стране, существуют разные технические уклады. В годы реформ постиндустриальный сектор практически был разрушен. Сильно пострадал индустриальный сектор. Однако, хотя наша экономика находится в тяжелейшем кризисе, все же в техническом отношении она продолжает оставаться индустриальной, так как основной объем ВВП продолжает оставаться индустриальной, так как основной объем ВВП производится посредством индустриальных технологий.

В результате приватизации государственной собственности произошло отделение производителей от средств производства. Материальные ресурсы захвачены узкой группой лиц. Государственная собственность планового периода была «ничейной», что тождественно ее общенациональной принадлежности. Приватизация превратила ее в частную собственность небольшой части общества. Сохранился государственный сектор, но он по роли экономике значительно уступает частному сектору, производя лишь 1/3 объема ВВП, причем его масштаб сокращается, так как приватизация государственных предприятий еще не закончилась. Однако поставленные ею результаты уже достигнуты. Основой экономики стала частная собственность на средства производства. Сформирован класс собственников. Тем самым закончился процесс первоначального накоп-

ления капитала. Решающую роль в нем выполнила инфляция, запущенная актом отпуска цен. Она всегда является мощным перераспределителем ресурсов. И очень удобным, так как перед ней население чувствует свою беспомощность, не понимая куда исчезают деньги. Инфляция в течение двух-трех лет передала денежные средства населения, оборотные средства государственных предприятий в руки малой группы лиц, которые затем на эти же средства приобретали предприятия и целые отрасли. Как только основной объем государственной собственности был передан в частную собственность, инфляция резко снизилась, что косвенно подтверждает завершение процесса деления производителей от материальных ресурсов. Господство частной собственности в сфере производства является основным аргументом о рыночном характере российской экономики независимо от её состояния или на подъеме. В любом случае частная собственность на средства производства указывает на её рыночный характер.

В сфере обращения все признаки рынка доминируют в российской экономике. Цены на подавляющую массу товаров, в том числе базовых, не контролируются. Более 90 % цен свободны. А это означает нечто иное как конкуренцию производителей продавцов и покупателей. Смысл свободной цены в том, что в процессе её колебаний также происходит перераспределение ресурсов. Монополизм не уничтожает конкуренцию, как часто говорят, а напротив делает её более ожесточенной. В лучшем случае монополии устраняют внутриотраслевую конкуренцию, но не межотраслевую, а следовательно, и не конкуренцию продавцов и покупателей. Все институты и формы сферы обращения уже сформированы и функционируют: фондовые рынки, валютные рынки, биржи, кредитно-финансовая система и др.

Наконец, сформировавшаяся в результате реформ социальная структура соответствует рыночной. В кратчайший срок возник слой богатых и сверх богатых людей, не давших пока никаких результатов в экономике кроме сугубо негативных. А на другом полюсе этой структуры – люди, чьи доходы ниже прожиточного уровня и даже за чертой нищеты. Выводы о переходном характере российской экономики часто основываются на отсутствии экономического роста, финансовой нестабильности. На этом основываются оценки ЕБРР, например. Что касается нестабильности имманентная черта рыночной экономики. Инфляция – близкая соседка конкуренции. Там, где перераспределение ресурсов простым колебанием цен нельзя достигнуть, в

дело вступает инфляция. Её размеры могут быть очень различными. Независимо от этого, инфляция обычное рыночное явление. За исключением сильных инфляций и гипер инфляций, которые обычно, на наш взгляд, являются организованным явлением. Спад производства также для рыночной экономики явление вполне рутинное. Он возникает во время обычных циклических кризисов. Однако, наша страна переживает не просто циклический кризис, а трансформационный кризис. Уменьшение производства за годы реформ в два раза, конечно, не рутинное событие, а катастрофическое. Тем не менее, сам факт снижения объемов производства не является аргументом о нерыночном характере экономики. Вообще, вряд ли возможно посредством количественных параметров утверждать или опровергать качественную природу предмета. Так в 1998 году наблюдался спад в экономике на, а в 1999 году рост на 8 %. Так же в 1998 году экономика была переходной, а в 1999 году – стала рыночной?

В пользу переходного характера нашей экономики иногда приводят отсутствие цикла. Однако, об этом нельзя говорить слишком уверенно. Спад происходил непрерывно с 90 года по 98 год. Но темпы спада довольно значительно колебались. Так, в 90г. и в 91г. они равнялись соответственно – 2 % и – 9 %, в 92г., 93г., 94г. – 14,2 %, – 24,3 % и – 11,8 %. Затем в 95г., 96г., 97г., 98г., 99г. – 4 %, – 3,5 %, + 0,9 %, – 4,6 %, + 8 %. Колебания темпов спада можно трактовать как циклические. Это вполне логично. Природа рынка такова, что без цикла он не может двигаться ни вверх, ни вниз. Цикл – это легкие рыночной экономики, её дыхание. Экономический рост происходит колебательно, где кризис ритмично сменяется подъемом. Длительные спады, глубокие кризисы также протекают циклически. Такова природа стоимости. Она состоит из двух частей – переменного капитала и прибавочной стоимости, величины которых изменяются по принципу сообщающихся сосудов. Отсюда проистекает колебательный принцип функционирования рыночной экономики. В форме колебаний происходит экономическое развитие, когда макропоказатели за ряд циклов увеличиваются. По-видимому, и трансформационные кризисы, если они так или иначе связаны с рыночной экономикой, разворачиваются колебательно. Период цикла заключается в данном случае от периода восходящего цикла. Обновление капитала происходит иначе, чем техническая деградация кризисного состояния. Здесь нет таких четких закономерностей, как при обновлении основных фондов. Разрушение и деградация основного капитала в гораздо большей степени подвержены влиянию случайных факторов, катаклиз-

мов разного рода, поэтому в этом случае нет такого четкого ритма циклических колебаний, как при поступательном развитии. Колебания похожи на спазмы, но все же спад происходит в виде своеобразных спазматических колебаний.

Кризис, вызванный экономической реформой, является трансформационным. Великая депрессия 30-ых годов так же представляла собой трансформационный кризис. Во время таких кризисов происходит коренное изменение экономической системы. В нашей стране уничтожена социалистическая плановая экономика и возникла капиталистическая рыночная экономика. Великая депрессия, наоборот, отразила крах рыночной экономики. Самые развитые страны не могли эффективно развиваться в её рамках. В этих странах в целях спасения системы были встроены элементы плановой экономики. Рыночная экономика трансформировалась в смешанную экономику, с элементами пострыночными, или другими словами в социально-ориентированную регулируемую рыночную экономику. Этот тип трансформации значительно отличается от того, что переживает наша страна. Во-первых, вектор трансформации в обоих случаях направлен диаметрально противоположным образом. Во-вторых, глубина трансформации в нашей стране намного превышает западный вариант. Там все же экономическая система была сохранена в прежнем качестве, но со значительными изменениями. У нас экономическая система была заменена полностью, до основания. Отсюда и большая величина спада производства и большая протяженность кризиса.

Стоит отметить, что элементы плановой экономики, встроенные в рыночную систему западных стран не просто спасли их от катастрофы, а через какое-то время принесли дивиденды. Пост-рыночные экономические формы подтолкнули развитие постиндустриальной техники, информационные технологии. Именно с этим связаны рост уровня жизни и социальное благополучие этих стран в послевоенный период.

Таким образом, реальная действительность российской экономики полностью соответствует понятию рыночной экономики. Важенная цель достигнута. Именно это является основной причиной катастрофического кризиса, поразившего экономику и все стороны жизни общества. Заявления официальных кругов о том, что в России построена рыночная экономика, соответствует действительности. Только точнее было бы говорить, что она не построена, а реставрирована. Произошла реставрация рыночной капиталистической системы в нашей стране. Рынок интенсивно развивается в России с 1861 года. Перед первой

мировой войной он принял довольно развитую форму, с наличием монополий. Для общества максимально выгодно, если монополии становятся общенациональной собственностью. Дело тут вовсе не в «мобилизационном» варианте использования ресурсов, как иногда пишут экономисты. Этот переход обусловлен не только экстремальными условиями, в которых наша страна оказалась после первой мировой войны. Рыночная экономика естественным образом превращается в плановую. Основной метод соединения ресурсов с потребностями людей в рыночной экономике – это колебания цен вокруг равновесия под влиянием спроса и предложения. Суть этого метода в прилизительности. Равновесие достигается через отклонения от него, при этом часть ресурсов растягивается через отклонения. Колебания цен вокруг равновесия тождественны методу проб и ошибок. Ясно, что стремление человечества рациональнее использовать все более ограниченные ресурсы приводит в возникновению экономической системы, где основным методом соединения ресурсов и потребностей становления точный расчет, что гораздо более рационально, чем метод проб и ошибок, независимо от степени точности. Именно поэтому плановая экономика позволила «мобилизовать» ресурсы, т.е. получить от них больший, в сравнении с рыночной, эффект.

Если переход от рыночной экономики к плановой соответствует естественному ходу истории, то обратное движение является вынужденными обстоятельствами. В нашей стране оно произошло как результат «холодной войны», где мы потерпели поражение.

Рыночная экономика нашей страны является открытой. Это означает, что она вступила в конкурентные отношения с мировой экономикой. Иных отношений рынок не признает и не допускает. Это обернулось бедой для нашей страны, поскольку конкуренции с мощным транснациональным капиталом, господствующая на мировых рынках, она не выдерживает. В силу того, что рыночная экономика не способна обеспечить высокие темпы роста, что признает даже М. Фридман, перспективы вырваться из подчиненного положения поставщика сырья для стран Запада у нас более, чем сомнительны. Однако, это не означает, что выхода нет из рыночной ловушки. Выход в корректировке реформ. Реформы должны быть нацелены на развитие внутреннего рынка, который безграничен по имеющимся материальным и интеллектуальным ресурсам, на национальную модель развития экономики, что означает максимально возможную адаптацию опыта стран - технических лидеров к условиям нашей стра-

ны. Кроме того, и свой собственный положительный опыт в экономике, прежде всего планового периода, вовсе не обязательно импортировать с Запада. Из него особенно важно активное участие государства в экономической жизни. Из всех форм экономической политики наиболее эффективным является государственное инвестирование, стимулирование на государственном уровне инноваций, что означает патронаж над наукой. После оборонного приоритета, который для России во все времена всегда вынужден быть первоочередным, развитие науки должно стать главным предметом государственной деятельности.

Великая техническая революция, начавшаяся во второй половине XX века, сама по себе означает огромный рывок человечества вперед, к прогрессу. Однако, она грозит принести и великие беды ему. Ситуация несколько похожа на ту, что сложилась в первую промышленную революцию. В те далекие, но врезавшиеся в историческую память времена, страны — технические лидеры покорили огромную часть мира. Индустриальные технологии имели своим следствием возникновение колониальной системы. Современная научно-техническая революция начинает похожую работу. Страны-лидеры монополизируют специализацию на производстве информационных продуктов, а воспроизводимые материальные продукты, не требующие большого творчества, сбрасывают в развивающиеся страны. Страны-лидеры быстро прогрессируют, а остальной мир технологически консервируется, хотя, на первый взгляд, здесь производятся современные товары.

Избежать участи зависимого придатка или неоколониальной судьбы огромное количество стран в одиночку не могут. Но Россия может. Она обязана не попасть в этот глобалистский рыночный — капкан. Точнее говоря, Россия должна вырваться из капкана, в который она уже частично попала, превращаясь в страну сырьевой направленности. Это не означает, что изоляционистская политика с целью защиты внутреннего рынка соответствует нашим интересам. Напротив необходимо стремиться не допустить этого. Изоляционизм в форме «железного занавеса» или «экономических санкций» исходит от стран — технологических лидеров и является средством сохранения их лидерства. По форме угроза изоляционизма имеет идеологическую подоплеку. Так, «железный занавес» был опущен Западом из-за неприятия коммунизма. Однако, теперь совершенно ясно, что это способ обеспечения экономических преимуществ, который будет применяться при любых обстоятельствах. Раньше могло казаться, что давление Запада на нашу страну исходило от не-

приянии буржуа к общественной собственности и равенству людей. Теперь ясно, что дело заключается в обычной алчности буржуа. Применительно к нашей стране это означает, что для мощного развития Запада, возможность чего дает постиндустриальная техника, ему необходим контроль над всеми природными ресурсами Земли. Собственно, он его имеет повсюду, кроме нашей страны до недавнего времени. Отсюда следует, что национальный интерес нашей страны заключается в том, чтобы не встроиться в систему глобалистского разделения труда в качестве поставщика природных ресурсов. Это выгодно не нам.

Разделение труда, если оно не угнетает слабых, а, равноправно, весьма экономически выгодно. Европа целых два столетия (16-17вв) интенсивно развивалась главным образом за счет этого фактора. Если бы складывающаяся глобалистская система строилась бы действительно цивилизованно, она была бы величайшим благом. Однако, сейчас встроиться в нее, для России означает «проскочить между Сциллой и Харибдой». Отгородиться от глобализации нельзя. В одиночку ни одна страна, даже самая большая, при современных уровнях и темпах научно-технического прогресса не сможет развиваться без ущерба для себя и неизбежного отставания. С другой стороны, уготованное в этой системе местозависимость и техническая отсталость.

И все же Россия обладает ресурсным потенциалом, позволяющим ей вырваться из капкана. Понимание этой задачи в настоящее время охватило все слои общества, включая, кажется и власти. Это дает возможность изменить роль государства в экономике, что настоятельно доказывают российские экономисты. Они разработали значительное количество предложений и проектов в том направлении. Выделим главное из них.

Из всего, что выше было сказано о функционировании в режиме открытой рыночной экономики, следует, что единственная возможность встроиться в мировую экономику на равноправных выгодных для нас ролях, состоит в приоритетном развитии российской науки. Наука — вот что должно быть важнее всего для государства. Именно это спасло нашу страну дважды в течении XX века. Две мировые войны разрушали ее до основания. После первой мировой войны на фоне всеобщего голода, нищеты и разрухи, первой зарубежной покупкой правительства был учебник по физике немецких авторов. А через четыре десятилетия наша страна открыла человечеству путь в Космос.

Наш собственный опыт убеждает, что сейчас положение трудное, даже опасное, но не безвыходное. выход опять же такой как и прежде. Это – рывок в научно-техническом отношении. Только в настоящее время этом надо заниматься гораздо более энергично, так как конкуренты на мировом рынке могущественны. Они достигли цели, которую постоянно провозглашали: отбросив нашу страну назад. Другой возможности занять передовые позиции в мировом сообществе, кроме приоритетного развития научных разработок не существует. Вернее в краткосрочном плане есть множество факторов, которые способны немедленно обеспечить рост производства. Например, использование имеющихся незагруженных производственных мощностей; восстановление горизонтальных производственно-технологических цепочек, разорванных при разрушении СССР; увеличение платежеспособного спроса путем нового строительства и увеличение занятости; сокращение паразитирующих посредников; сокращения и контроль за фондовым рынком с целью защиты реального сектора; немедленное восстановление государственной монополии на водку и табак; деприватизация естественных монополий или, по крайней мере, контроль за их деятельностью в интересах страны; налаживание управления государственной собственностью с целью повышения её доходности и т. д. и т. д. Однако, все эти и множество других подобных мер способны увеличить темпы экономического роста, но не способны обеспечить достойное будущее России.

Наша страна обладает интеллектуальным потенциалом, достаточным для того, чтобы при необходимом ресурсном обеспечении, перенести акцент на информационное и высоко технологичное развитие экономики. Конечно, за годы реформ он сильно пострадал, но не уничтожен. Мы располагаем технологическими разработками прошлых лет, которым до сих пор нет аналогов в мире (до 600, как сообщалось в печати). Но старым багажом долго не проживешь. Надо восстанавливать, а по возможности и обновлять приоритетное развитие фундаментальной науки. Это, конечно дорогостоящий путь. Но иного не дано. Только на основе опережающих научных разработок можно прорвать монополизм глобалистского общества и взаимодействовать с ним на взаимовыгодных принципах.

Т.К Кондрашева

Переход – куда?...

Всем известно, что российское общество и экономика находятся на стадии трансформации, перехода от командно-административной системы к новой социально-экономической системе. Эту новую систему, на наш взгляд, просто категорически необходимо сформулировать, а не ограничиваться таким подходом: что получится, то и будет иметь место. Наша позиция в значительной мере обусловлена спецификой такого перехода, которая состоит в том, что он не является результатом закономерного объективного процесса социально-экономического развития, вызывающего в недрах предшествующего периода, а в значительной мере носит субъективный характер. Поэтому в самом исходном пункте исследования данного трансформационного процесса нужно определить его изначальный, исходный главный вектор движения. Глобальная цель этого движения должна быть определена и для практической целесообразности "на заре" экономических преобразований, а не складываться как их итог. И здесь, нам представляется, недостаточным указать либо только на переход к капитализму, либо только на переход к рынку.

Современные социально-экономические системы на пороге XXI века являются сложными и многогранными образованиями, включающими в себя различные несвойственные указанным категориям (в их классическом понимании) элементы. Рыночная экономика не есть что-то неизменное, застывшее. Капитализм и рыночная экономика начала XX века и его конца, безусловно отличаются друг от друга. Они проходят различные периоды своего развития, происходит своеобразная их модификация. Кроме того, как известно, существуют современные варианты рыночной экономики, представленные различными ее моделями. Среди последних в качестве наиболее крупных можно выделить следующие три: либеральная модель, модель социально ориентированной рыночной экономики, социал-демократическая модель рыночной экономики.

Мы разделяем точку зрения экономистов, которые считают, что наиболее приемлемой из перечисленных для России является модель социально ориентированной рыночной эконо-

мики (социального рыночного хозяйства)¹. При этом речь идет о долгосрочной перспективе, глобальном векторе социально-экономического развития России, о его тенденции, а не сиюминутном, сегодняшнем таковом характере и состоянии российского общества и экономики. И это следует особо подчеркнуть, поскольку когда говорится о перспективной модели российской рыночной экономики как социально ориентированной, то зачастую можно слышать возмущенное возражение: "Как можно российский экономикой представить как социально ориентированную?"

Безусловно, сейчас это сделать трудно, да и просто не только субъективно, но и объективно. Процесс формирования такой социально-экономической системы является сложным и не столь быстрым как нам бы этого хотелось. И, конечно же, он не может быть завершен спустя 8 лет с начала трансформации предшествующей социально-экономической системы. Социальная ориентированность стран с развитой рыночной экономикой достигалась в процессе эволюции рыночной системы хозяйствования, на протяжении не только десятилетий, но и веков с начала ее зарождения. Это, конечно, вовсе не означает, что и формирование социально ориентированной рыночной экономики в России столь же отдаленная вековая перспектива.

Однако данный факт говорит о том, что рассматриваемый трансформационный процесс - это не какое-то краткосрочное мероприятие, а довольно длительный путь, на котором нужно решить множество задач в их логической последовательности и взаимосвязи, определить совокупности адекватных им конкретных мероприятий. Невозможно все их сложить в "кучу" и решать одновременно. Очевидно, что, например, структурная перестройка экономики не может проводится одновременно с мероприятиями по финансовой стабилизации, а либерализация цен - с подъемом жизненного уровня населения.

Нужна определенная систематизация поставленных задач и соответствующих для их решения мероприятий. Разнопорядковые задачи решаются на разных этапах в их логической последовательности, при которой невозможно "запрячь телегу впереди лошади". Подобно тому как рыночное развитие в странах с рыночной экономикой проходит различные временные пе-

¹ Наиболее подробное обоснование такого подхода см.: Выбор модели рыночной экономики и приоритеты экономической политики в России / Дунаев Э. П., Шуркалин А. К. - М.: Диалог - МГУ, 1998, с. 57-72

риоды, становление социально ориентированной рыночной экономики в постсоциалистических странах проходит определенные этапы². Этапизация перехода к социально рыночному хозяйству является не нашим желанием, а объективной необходимостью.

От понимания проблемы определения этапов во многом зависит оценка сегодняшнего состояния российской экономики, ясность ситуации и целей, конкретность решаемых задач, логическая последовательность осуществляемых мероприятий.

Содержание этапов трансформации во многом обусловлено содержанием социально ориентированной рыночной экономики. Поэтому представляется необходимым хотя бы коротко остановиться на характеристике данного типа хозяйствования. Его, как правило, связывают с высоким уровнем благосостояния. Однако необходимо иметь в виду, что социальное рыночное хозяйство характеризуется не просто высоким уровнем благосостояния (каковой может быть достигнут и либеральным обществом, добившимся высочайшего уровня материального благосостояния и направляющим значительные средства на социальные цели), а наличием целостной социально-экономической системы, в которой каждый из ее элементов направлен посредством функционирования соответствующих институтов на достижение высокого уровня социального согласия и качества жизни основной массы населения. Все остальные механизмы согласования социальных интересов встроены в эту систему и "настроены" на реализацию этой цели³. (Теоретической основой социального рыночного хозяйства является ордолиберализм В. Ойкена, Ф. Бёма и др., реализованный на практике Л. Эрхардом в Германии).

Здесь устанавливаются определенные "правила игры" для всех субъектов рыночных отношений, взаимосвязь между разного рода "порядками": экономическими, политическими, правовыми.

В рассуждениях некоторых (я бы сказала, значительного числа) экономистов при обращении к данному типу хозяйствования "во главу угла" ставится его социальность. При этом по-

² Более подробно об этапах становления социально ориентированной рыночной экономики см.: Кондрашева Т. К. Этапы становления социально ориентированной рыночной экономики. - М.: ТЕИС, 1997

³ Нестеренко Н. Социальная рыночная экономика: концептуальные основы, исторический опыт, уроки для России. - Вопросы экономики, 1988, №8

следняя понимается как "собес" и связывается лишь с проводимой в обществе социальной политикой. При этом социальную политику смешивают с социально ориентированной экономикой и считают, что чем более активно в обществе проводится социальная политика, тем оно более социально ориентировано, не взирая на то, какие принципы лежат в основе хозяйственной системы. Как правило, это ограничивается рамками социальной защищенности, ее масштабами.

Однако (и это следует подчеркнуть) социальная политика и социально ориентированная рыночная экономика это не одно и то же. Социальная политика является лишь некоторым дополнением хозяйственной политики, причем незначительным, и вовсе уж не определяющим в социальной направленности экономики. Кроме того ее размеры, связанные со значительным перераспределением, могут косвенным путем подрывать основы социального рыночного хозяйства. Поэтому она должна осуществляться лишь в пределах, которые дополняли бы хозяйственную политику в направлении обеспечения большей свободы.

Следует подчеркнуть, что сам механизм социальной направленности и роль в этом государства заложены уже в самой системе социального рыночного хозяйства. Более полная реализация основных принципов, на которых данный тип хозяйствования базируется, объективно предопределяет более высокий уровень социального процветания. Таким образом, наибольшая часть социальной составляющей социально ориентированной рыночной экономики реализуется посредством проведения государством определенной хозяйственной политики. Но имея в виду, что не все социальные сферы охватываются ею, то в ряде обстоятельств необходимо и осуществление целенаправленной со стороны государства социальной политики.

Следует обратить внимание и на роль государства в социальном рыночном хозяйстве. Здесь также наблюдается определенная подмена понятий. В частности, регулирование экономических и социальных процессов со стороны государства сводится к его непосредственному вмешательству в них, к политике патернализма в отношении отечественного товаропроизводителя и т.п.

Роль государства в данной системе достаточно велика. Государственное регулирование является неотъемлемой и существенной составляющей социально ориентированной рыночной экономики. Для нее характерна отлаженная система регулирования, но не со столь упрощенным содержанием. Реализация социальной составляющей в значительной мере осуществляет-

ся посредством регулирования в направлении укрепления и развития рынка. При этом механизмы такого регулирования в сторону все большей его социальной направленности ни в коей мере не основаны на прямом административном вмешательстве государства в экономический процесс и носят опосредованный характер, регулируемый главным образом условия функционирования такого рыночного хозяйства, при котором максимально реализуются основные известные принципы⁴ социального рыночного хозяйства, обеспечивается благосостояние для всех.

Здесь используются прежде всего механизмы воздействия на эффективное развитие рынка, направленные на устранение всех препятствий в развитии свободной конкуренции. Так, активная антимонопольная политика помимо действенного использования налоговой системы дополняется еще и определенными мерами воздействия через развитую банковскую систему.

Следует заметить, что для рассматриваемого типа хозяйствования характерно применение механизмов наиболее полного и эффективного использования банковской системы, которая характеризуется высокой степенью развитости. Так, через банковскую систему могут обеспечиваться оптимальность соотношения банковского и промышленного капиталов, благоприятные условия для инвестирования посредством использования, например льготного банковского процента при отсутствии прямых инвестиций со стороны государства.

В целях эффективного развития рынка введена, например, система регулирования доходов, основывающаяся на концепции, согласно которой концентрация доходов у незначительного числа субъектов рыночных отношений подрывает основы функционирования рынка. Рынок оказывает эффективное влияние на социально-экономическую область при все возрастающем количестве хозяйствующих субъектов.

Исходя из этого здесь формируется определенная политика в области развития рынка, его социальной направленности, основанная на увязке доходов с эффективностью: допускаются и поощряются те доходы, которые содействуют общему качественному и количественному развитию рынка, и ставятся препят-

⁴ Данные принципы представлены в главе Кондрашевой Т.К. Первый и второй этапы формирования социального рыночного хозяйства через призму современного состояния российской экономики. - Экономическая теория и трансформационный процесс /Пороховский А.А., М.: ТЕИС, 1999, с 113

ствия для получения спекулятивных доходов (с помощью системы налогообложения).

Единство рынка и государства, характерное для данного типа хозяйствования, направлено прежде всего на соблюдение фундаментальных принципов рыночной экономики и достижение высоких социальных результатов. Это в значительной мере достигается посредством достижения социального партнерства между различными социальными группами. Принцип такого социального партнерства является существенным принципом, отличающим социальное рыночное хозяйство от других моделей рыночного устройства. Социально ориентированная рыночная экономика предполагает общую заинтересованность рыночных субъектов в росте емкости рынка и доходов на основе повышения эффективности хозяйственной деятельности, росте покупательной способности национальной валюты и укрепления ее позиций.⁵

Если мы обратимся к содержанию социально ориентированной рыночной экономики, то со всей очевидностью обнаруживается, что хозяйство в своей основе является рыночным. Без развитого рынка не представляется возможной реализация всего вышесказанного, других принципов, характеризующих данный тип хозяйствования. Поэтому изначальное движение в становлении социального рыночного хозяйства должно осуществляться именно с формирования рынка. А одним из основных признаков, определяющих поступательное движение процесса формирования данного типа хозяйствования является уровень развития рыночных отношений, учитывающий и специфику его функционирования.

Из представленного понимания содержания социально ориентированной рыночной экономики видно, что ее формирование предполагает достижение совокупности различных целей разного порядка. Цель более высокого порядка осуществляется посредством достижения цели менее высокого порядка например, "благополучие для всех" невозможно обеспечить при отсутствии развитого рынка или отработанных методах регулирования его функционирования). Очевидно, что эти задачи решаются

ются в разное временные отрезки, и среди них можно выделить первоочередные, являющиеся задачами первого этапа.⁶

Исходя из сущности рассматриваемого типа хозяйствования как рыночного, очевидно, что прежде всего необходимо начальное движение от командно-административной системы к рынку. Такое движение осуществляется на первом этапе трансформации. Целью данного этапа является формирование исходных фундаментальных основ социально ориентированной рыночной экономики, которое осуществляется посредством ломки прежней системы и запуска рыночных механизмов функционирования. Свойственным данному типу хозяйствования и являющихся неотъемлемой частью перехода от административных методов управления к преимущественно экономическим.

Чтобы достижение этой цели стало возможным необходимо реализовать важнейший принцип социально ориентированной рыночной экономики - принцип экономической свободы. Это предопределяет решение таких задач как:

- формирование субъектов рынка, предполагающее осуществление приватизации;
- либерализация экономики (предоставление экономической свободы как предпринимателям, так и отдельным гражданам), важнейшим элементом которой является либерализация цен (в противном случае создание субъектов рынка при отсутствии свободных цен "повисает в воздухе);
- начало формирования рыночной инфраструктуры;
- создание институционально-правовых основ функционирования рынка;
- переориентация регулирующей роли государства на создание условий функционирования рынка, формирования его конкурентной среды;
- достижение экономической стабилизации: снижение высокого уровня инфляции, укрепление национальной валюты, приостановление падения производства и начало экономического роста и др.;
- обеспечение социальной защиты населения, ограничивающееся примитивными элементами социальной поддержки особо нуждающихся его слоев.

⁵ См.: Проблемы завершения второго этапа и основные задачи второго этапа становления рыночной экономики в России. // Дунаев Э., Колганов А. - М. Диалог - МГУ, 1998, с. 64.

⁶ Наиболее подробно о методологическом подходе к определению иерархии целей и задач и соответствующего определения этапов формирования социального рыночного хозяйства см. в авторской публикации, указанной на с. 3 данной работы.

Даже из поверхностного анализа поставленных здесь задач видно, что в России не завершен еще первый этап формирования социально ориентированной рыночной экономики. Особенно ярко об этом свидетельствует нерешенность, например, такой задачи как достижение экономической стабилизации. И говорить о том есть в России на пороге XXI века капитализм, сформирован ли полноценный рынок или нет представляется преждевременным.

В настоящее время в экономической литературе можно встретить точку зрения, согласно которой уже ныне существующий в российской экономике рынок представляется в качестве особой модели рыночной экономики.⁷ Думается, что завершение становления некой особой модели уже на первом этапе трансформации преждевременно, поскольку существующее состояние рынка является в значительной мере промежуточным, неустойчивым, незавершенным. Да в принципе и сам рынок как система отношений, охватывающих всю экономику, с присущими ей сущностными чертами, ещё отсутствует. Не в полной мере действуют законы рыночной экономики и не все субъекты экономических отношений включены в рыночные отношения. Происходит постепенная эволюция от примитивных, во многом поверхностных его признаков в направлении формирования сущностных основ его функционирования в соответствии с объективными законами рыночной экономики.

На первом этапе осуществляется лишь запуск рыночных механизмов, и еще отсутствует их реальная действенность в масштабе всей экономики, происходит, как уже отмечалось, помка командно-административной системы, рецидивы которой в определенной мере еще сохраняются для значительной части субъектов хозяйствования, определяя их поведение в отношениях с другими субъектами экономических связей, включая и государство. "Обломки" централизованной системы хозяйствования, негативно отражающиеся на состоянии всей экономики, еще не "расчищены" (и в определенной мере, на наш взгляд, из-за отсутствия последовательности в реформировании предшествующей системы).

Наличие такого состояния российской экономики заставляет некоторых экономистов (в том числе и западных) говорить

⁷ См., например Розанова Н.М. Взаимодействие фирм на товарных рынках в переходной экономике России. - М.: ТЗИС, 1998, с. 247

о ней как о виртуальной как на микро, так и на макро уровне.⁸ Если исходить из понимания экономики в командно-административной системе собственно не как "экономики" в полном смысле этого слова, функционирующей в соответствии со всеми законами экономического развития, то в определенной мере с таким определением можно согласиться. Однако только в определенной части, но занимающей еще значительный вес. По подсчетам некоторых экономистов он составляет около 20% в реальном легальном ВВП. Осуществляемые в этой части российской экономики расчеты, применяемые цены, объявляемые объемы производства, прибыли, заработной платы, начисляемые налоги и т.д. носят виртуальный характер.⁹

При таком положении, конечно, нельзя говорить о полноценном рынке, поскольку в этой его части отсутствует даже такой его основополагающий атрибут как деньги. Осуществляемые здесь платежи производятся не деньгами. Более половины расчетов между предприятиями занимает бартер. Около половины собираемых в госбюджет средств представлены не в денежной форме.¹⁰

Поэтому перспективная задача по формированию рынка связана прежде всего с ликвидацией такого положения в экономике, которое в свою очередь обусловлено, главным образом, неререформированностью в направлении использования рыночных методов хозяйствования существенной части российских предприятий, их становления как субъектов рынка, со свойственной им мотивацией поведения в процессе своей деятельности.

Как показывает практика, смена формы собственности (например, с общественной на акционерную) и либерализация экономики являются необходимым, но недостаточным для этого условием. На первом этапе в экономике в значительной мере имеет место формальный, а не реальный собственник, имеющий и реализующий свои интересы как субъект рыночной экономики. В определенной мере этот факт обусловлен объективными причинами: невозможностью сиюминутного с момента

⁸ См., например. Ценные бумаги, 1998, декабрь, с. 5-10; Илларионов А. Как был организован российский финансовый кризис - Вопросы экономики, 1998, №11

⁹ См. Илларионов А. Как был организован российский финансовый кризис. - Вопросы экономики, 1998, №11, с. 24.

¹⁰ В данной работе мы не вступаем в полемику с экономистами, которые утверждают что такое состояние обусловлено лишь низкой монетизацией российской экономики

приватизации и либерализации перехода к новым, неизвестным, нетрадиционным методам хозяйствования, методам совершенно чуждым предприятиям в условиях централизованной системы. Поэтому процесс трансформации последних в фирму носит в некоторой степени постепенный характер, которому тем не менее, на наш взгляд, применимо выражение "не спеша, потопляясь". Детей очень часто учат плавать, бросив в водоем. Подобно этому предприятия прошлого социалистического типа, брошенные в океан (скорее в речушку) рынка должны научиться плавать.

Однако эта "учеба" во многом затянулась. Это обстоятельство в значительной мере обусловлено субъективными причинами, а именно мероприятиями, проведенными в области приватизации, и мерами (а скорее отсутствием мер) государства по стимулированию реструктурирования предприятий.

В итоге проведенной на первом этапе массовой приватизации, при которой большая доля акций распределялась внутри коллективов, в реальную частную собственность попало 20% акций, 65% составили акции инсайдеров, из них в руках директора оказалось 9% акций.¹¹ Директорату и коллективам принадлежит более половины предприятий. При этом правит бал здесь директорат, он является фактическим распределителем собственности. Все остальные держатели акций выступают лишь как формальные совладельцы-собственники.

К тому же прежний директорат в большинстве не взял на себя ответственности за собственность. Да и он в сущности является не столько реальным собственником, сколько управляющим, зачастую со старым, свойственным предшествующей системе менталитетом, не вписывающимся в грамотное представление о функционировании товарного и финансового рынков. А зачастую просто сознательно коррумпирован. При этом он не несет всей полноты ответственности за собственность.

В значительной мере имеет место простое перераспределение собственности. Сложившееся положение практически

¹¹ См. Либерман А., Юнич Е., Мейстрик М., Мукерджи Д., Фидлер П. Исследование экономических систем на стадии трансформаций. Массовая приватизация в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Сравнительный анализ // Всемирный банк Вашингтон, 1997, №16. О недостатках осуществляемой на первом этапе приватизации см. также Петр Авен. Экономика торга. О "крахе" либеральных реформ в России. - Коммерсантъ, №7, 27 января 1999 г., Дэвид Сэттер. Три кита разрухи. - НГ - Политэкономия, №1, январь 1999 г.

не привело к изменению хозяйственного статуса предприятий. Поэтому в этих условиях, на наш взгляд, нужно вести речь не о конкурентном и не конкурентном капитале, а о наличии или отсутствии капитала как такового. В одной части экономических субъектов налицо присутствие такого капитала. Как капитал здесь функционируют производственные фонды, а производство нацелено на получение прибыли и дальнейшую капитализацию дохода. В данном случае наблюдается способность их к формированию свободной конкурентной среды и эффективному в ней функционированию, стремление к накоплению капитала.

Если же обратиться к другой части экономических субъектов, каковыми являются большинство приватизированных предприятий, где не произошло изменение их хозяйственного статуса, то производственные фонды не приобрели здесь содержания производительного капитала, а собственник - собственника капитала. Собственник во многом выступает здесь как формальный, не заинтересованный в капитализации дохода, в повышении эффективности производства. Такой собственник не способствует формированию конкурентной среды и не является активным субъектом рыночных отношений.

В этих условиях наличие бартера является во многом естественным состоянием отношений между такими предприятиями. Привычная для них форма безналичного денежного расчета, которая была присуща отношениям между социалистическими предприятиями, выступает теперь в виде бартера и, безусловно, свидетельствует о неразвитости рыночных отношений. И можно осуществлять бесконечные взаимозачеты, разрывание неплатежей, накачивать экономику деньгами, сущность такого рода предприятий будет воспроизводить себя постоянно. Практика подтвердила это. Соединение денег и производства представляется возможным при наличии целостной системы оборота и кругооборота капитала, движения во всех присущих ему формах, которые отсутствуют на начальной стадии трансформации.

Менталитет большинства предприятий как социалистических и замедленность формирования нового, рыночного во многом обусловлены отсутствием реально исполняемого эффективного закона о банкротстве. В настоящее время, например, в США за одну неделю процедуре банкротства подвергается в 4 раза больше фирм, чем в России за год. Банкротство для стран с рыночной экономикой является высшей формой ответственности, последним средством, заставляющим предприятия предпринимать действенные меры к поиску путей выхода из

сплотившегося положения, повышения эффективности своей деятельности.

Представляется, что в обществе и среди политиков сложилось неверное понимание данной процедуры, а именно как акта, связанного с ликвидацией предприятия-банкрота. Между тем это не так. Зачастую это предприятие переходит в руки эффективного, реального собственника, способного функционировать в условиях рыночной экономики. Правда, имеет еще место и просто формальная смена собственника, следующая ступенька простого передела собственности. Роль государства в этом процессе и заключается в том, чтобы обеспечить реальную ответственность нового собственника за эффективное функционирование предприятия.

Такая роль отводится государству и в процессе второй ступени приватизации - денежной, завершаемой, главным образом, на втором этапе формирования социального рыночного хозяйства. Эта форма приватизации началась на первом этапе. И сейчас уже можно сказать, что она не принесла желаемого результата. Приобретение контрольного пакета акций крупнейших российских производителей, в частности, например, крупнейшими банковскими структурами означает пока лишь смену собственности, поскольку отсутствуют признаки реального собственника, заинтересованного в развитии производства, капитализации дохода, повышении конкурентоспособности, при отсутствии в целом признаков трансформации предприятия в фирму. Складывается впечатление, что приобретение акций этими структурами преследует спекулятивные интересы. К тому же следует обратить внимание на тот факт, что сейчас, как правило, скупаются далеко не любые сферы производства, а лишь прибыльные, значимые на внешнем рынке и более-менее успешно функционирующие и без их участия, а также достаточно легко вписываемые в рыночную среду.

Допущенные в процессе приватизации ошибки в перспективе должны быть проанализированы и учтены. Прежде всего необходимо выставлять на продажу те предприятия, которые не могут самостоятельно повысить эффективность своего производства, вписаться в структуру рынка, овладеть системой мотиваций, свойственных фирме в рыночной экономике.

Объявление конкурса на продажу предприятия со стороны государства должно сопровождаться рядом условий. К ним можно отнести, например, осуществление инвестиций и перевооружение производства с учетом последних достижений научно-технического прогресса, переподготовку кадров и т.п. Од-

нако при этом необходим не формальный подход к этим требованиям (каковой имеет место сейчас, т.е. лишь на бумаге), а реальный предполагающий определенный контроль со стороны государственных органов за выполнением соответствующих условий. Безусловно, такой подход должен быть осуществлен в совокупности со всеми другими мероприятиями, способствующими формированию российских предприятий как субъектов рынка. Собственно эта оговорка необходима и правомерна при решении и всех других задач, стоящих перед формированием рынка как целостной системы отношений во всех сферах производственного процесса.

Что касается приватизированных предприятий, то здесь должны быть созданы условия для перераспределения уже существующей акционерной или частной собственности в направлении более эффективного рыночного ее функционирования. Перераспределение данного вида собственности осуществляется как посредством реального проведения процедуры банкротства, так и в процессе углубления рыночных механизмов движения ценных бумаг, развития фондовых бирж. Определенную роль в этом процессе играют открытость экономики, возможность участия в переделе собственности в том числе и внешних инвесторов.

В результате этого процесса происходит не только формирование реального собственника как субъекта рынка, но и значительная концентрация собственности. Частная собственность на отдельные объекты выступает здесь уже в виде крупных образований, не имеет столь расплывчатого характера как на первом этапе, поэтому становится более управляемой, реально включенной в рыночные отношения.

На первом этапе значительная часть предприятий делает ставку на стратегию выживания, всячески пытается сохранить имеющиеся мощности (25% которых морально и физически устарели), существующий персонал и мало что делает для того, чтобы вырабатывать собственную стратегию поведения, основанную на принципах функционирования фирм в условиях рыночной экономики, пользоваться присущими ей методами хозяйствования. Для становления предприятия как фирмы необходимо, чтобы доминирующим фактором его поведения стали спросовые ограничения. Этот принципиально новый для них момент отсутствовал в условиях командно-административной экономики и, поэтому на первом этапе формирования рыночной экономики существующие проблемы со сбытом не находят сво-

его должного объяснения. Непонимание данного положения сдерживает и процесс становления нового менеджмента.

Последнее является существенной, решаемой в перспективе, задачей. Это предполагает изменение методов внутрифирменного управления, выработку форм и методов взаимодействия с другими фирмами, новой стратегии взаимодействий с другими рыночными структурами (банками, фондовыми биржами и т.п.), а также с государством. Все конкретные действия, осуществляемые предприятиями, становление которых состоялось как фирм, исходят уже из учета приведенного нами определяющего фактора. Сюда можно отнести проводимую активную инвестиционную политику, основанную на применении передовых технологий и инноваций, диверсификацию производства, обеспечение конкурентоспособности и др.

Чтобы способствовать этому процессу, государство должно исключить из своей экономической политики неоправданные элементы патернализма: всяческую поддержку "на плаву" предприятий, неспособных даже на втором этапе (когда существуют для этого условия) перестроить стратегию своего поведения как субъекта рынка. На наш взгляд, полностью должна быть исключена практика взаимозачетов, ликвидация всех нерациональных форм взаимоотношений между предприятиями и предприятий с государством (как-то неплатежи), введены жесткие бюджетные ограничения.

Если на первом этапе отсутствие последних в определенной мере можно было оправдать неразвитостью финансового рынка, то на втором этапе этот фактор во многом теряет столь определяющее значение. Однако эти мероприятия должны быть дополнены такими действиями государства, проведение такой инвестиционной политики, которая препятствовала бы любому нарушению тесного и эффективного взаимодействия финансовой и производственной сфер.

Говоря о становлении российских предприятий как субъектов рынка, необходимо заметить, что в данном случае речь не может идти только о промышленных предприятиях. Рынок представляет собой целостную систему, поэтому это касается в той же мере (и ни в коем случае не в меньшей, как это принято считать) сельскохозяйственных предприятий, где практически не произошло существенных изменений, отсутствует частная собственность, и прежде всего на основное средство производства - землю. Между тем наличие таковой является неотъемлемой основой формирования рыночных отношений в данном

секторе экономики (да, и во всей экономике в целом), его эффективного функционирования.

Не интенсивно на первом этапе идет процесс создания новых частных фирм. Такого рода фирмами сейчас представлен, главным образом, малый бизнес. С первых дней своего существования в процессе своей деятельности они изначально опираются на рыночные методы хозяйствования и демонстрируют образец стратегического поведения фирмы в рыночных условиях¹², являясь незаменимой цепочкой в воспроизводственном процессе, участвуя в решении социальных проблем как-то, например, обеспечении занятости существенной части населения (это касается прежде всего сферы услуг, торговли, мелкого производства). Именно на основе эволюции частной собственности получили свое образование и развитие другие формы собственности и их смешение. "Исторически именно частная собственность, - пишет А.Пороховский, - дала старт развитию рыночных отношений"¹³.

Важность такого рода фирм предопределяет необходимость и обязательность разработки специальной программы поддержки вновь появляющихся частных фирм, малых предприятий, создания благоприятных условий для их образования, функционирования и дальнейшего развития.

Нельзя не согласиться с тем фактом, что частная собственность является определяющей в рыночной системе хозяйствования. Однако для современных ее моделей, каковой является и социально ориентированная рыночная экономика, характерно смешение различных форм собственности, их многообразие, что предопределяет смешанный характер данной социально-экономической модели. Поэтому, на наш взгляд, наряду с различными разновидностями частной формы собственности в

¹² Августовский 1998 г. экономический шок, затронувший различные предприятия, независимо от их принадлежности к той или иной форме собственности, подтвердил это. Экономическое положение "новых частных" предприятий, возникших после 1992 г., их руководителями оценивается как удовлетворительное и хорошее 71,4% опрошенных, тогда как государственных и приватизированных, соответственно - 55% и 47,5%, а близкое к банкротству (в приведенной последовательности) - 6,2%, 11,5% и 17,8%. - См. Аврамова Е., Гурков И. Российские предприятия после августовского шока. - Вопросы экономики, 1999, №10, с. 98.

¹³ От кризиса к модернизации: опыт и теория переходных экономик. Часть 1. // А. Бузгалин, А. Колганов, П. Шульце. - М.: СИМС совместно с Б.Ф. "Слово", 1998, с. 22.

российской экономике может иметь место и государственная форма собственности.

Однако, если в странах с развитой рыночной экономикой происходило ее эволюционное становление в процессе социально-экономического развития, то в социалистических странах ее создание носило во многом искусственный характер, не обусловленный рациональностью ее функционирования. Не отрицая возможности сохранения в процессе трансформации прежней системы в социально рыночное хозяйство государственной формы собственности, представляется, целесообразным взвешенный подход в сохранении определенных ее объектов. Такой подход должен быть связан, на наш взгляд, с социальной значимостью тех или иных экономических структур, их положением в воспроизводственном процессе. Так, не целесообразной с этой точки зрения представляется приватизация, например, РАО "ЕС России", предприятий оборонной промышленности, средств космической связи и т.п.

При этом следует заметить, что определяющей формой связи субъектов экономических отношений и в данных условиях остается рыночная, государственные предприятия должны быть вписаны в эту систему отношений.

Вообще следует подчеркнуть, что процесс трансформации командно- административной системы в социально ориентированную рыночную экономику сопровождается глубокими социально-экономическими противоречиями и не так прост, как это представляется в некоторых выступлениях. Думается, что здесь для анализа ситуации нельзя обойтись лишь всякого рода "измами", рассматривая ее с позиции капитализма (доклад проф. Котц Д.) или социализма (проф. Воейков М.). Для более глубокого научного анализа данной проблемы необходимо использование новой теоретической парадигмы, которую предстоит определить экономической науке.

Итак, в результате рассмотренного выше состояния субъектов российского рынка мы показали, что в настоящее время российскую экономику неправомерно характеризовать как сложившуюся. Скорее ее можно охарактеризовать как находящуюся на начальном этапе трансформации, на котором происходит ее болезненная адаптация к рыночным принципам функционирования с сохраняющейся еще инерцией прошлого.

Отрицательный ответ, на наш взгляд, можно дать и на второй, поставленный нами вначале вопрос. Вряд ли сегодняшнюю российскую экономику можно представить как систему. В системе, как известно, все элементы взаимосвязаны и взаимо-

обусловлены. Так, например, рынок представляет собой совокупность взаимосвязанных, постоянно взаимодействующих друг с другом таких его составляющих как рынок товаров, рынок капиталов и рынок рабочей силы. Какие бы усилия не прилагались по формированию рыночной инфраструктуры в производственном секторе, функционирование последнего не может осуществляться в полной мере по рыночным законам без необходимого развития рынка капитала.

В российской же экономике каждый из отмеченных рынков (если можно так сказать с некоторой степенью условности), как известно, в значительной мере существует сам по себе. В частности, это касается взаимодействия реального сектора экономики и финансового. На первом этапе они представляют слабосвязанные между собой воспроизводственные сферы. И это не признак "сложившейся порочной системы", как результата чьего-то злого умысла или всякого рода просчетов в экономической политике государства (хотя и это в определенной мере имело место, но не определило положение, а лишь усугубило его). Это - отсутствие системы как таковой, обусловленное характером экономики на начальном этапе трансформации, и в частности, объективными условиями ее функционирования в атмосфере высокой инфляции, характерной для нестабильной экономики, падения производства, нестабильности национальной валюты и т.п.

Для финансовых структур характерна большая адаптация к рыночной среде по сравнению с производственными, и обусловлена она первоначальным назначением их как элементов рыночной инфраструктуры. Целью их деятельности изначально является получение максимальной прибыли. Прокрутка денежных средств в сфере обращения приносила в несколько раз большую прибыль, чем в сфере производства. Доходность здесь достигала сотен процентов, рентабельность же в промышленности, например, за первое полугодие 1997 года составляла 10,1%, а в таких отраслях как черная металлургия - 3,0%, в лесной, деревообрабатывающей целлюлозно-бумажной она имела отрицательное значение - 6,9%.

Система характеризуется слаженным взаимодействием всех механизмов ее функционирования, которое отсутствует на этапе запуска рыночных механизмов, приходящих на смену командно-административным методам хозяйствования. Да, в принципе, и вся экономика представляет собой некоторое эклектическое образование элементов предшествующей системы и зарождающейся новой.

На стадии трансформации происходит разложение, разрушение предшествующей системы и формирование новой системы. Поскольку этот процесс не носит в данном случае эволюционного характера, а осуществляется посредством сознательной деятельности людей, то на его результат накладывает отпечаток и субъективный фактор. Последний на первом этапе становления социального рыночного хозяйства нередко предопределяет наличие некоторых негативных явлений в обществе и в экономике. Представляется, чем более жесткой, "закостенелой" была предшествующая система, тем более сложной является ее ломка и тем большим "негативом" она сопровождается. Поэтому ожидать в данном случае столь же плавного (хотя также сопровождающегося определенными социально-экономическими катаклизмами и противоречиями, заложенными в самой системе) движения к соответствующей социально-экономической системе, которое имело место при эволюционном пути ее формирования, видимо, не приходится.

В качестве одного из негативных моментов, присущих сегодняшней российской экономике, представляется, например, значительная дифференциация доходов населения, его поляризация по данному признаку. При этом очень часто происходит сравнение таковой дифференциации с ее уровнем в развитых странах с рыночной экономикой. Такой подход, нам представляется, неправомерным, поскольку он совершенно игнорирует специфику российской экономики, находящейся по существу в начальной стадии первоначального накопления капитала, одними из характерных черт которой и является глубокая дифференциация доходов и не всегда "праведный" путь их получения. Конечно, велико желание иметь такое соотношение в доходах, которое есть в странах с социально ориентированной экономикой, но объективно это не представляется возможным на первом этапе ее формирования в России.

Существенное отличие первоначального накопления капитала в России и странах с развитой рыночной экономикой состоит в том, что этот процесс не носит здесь объективного характера, а в значительной мере осуществляется посредством участия в нем государства, поэтому в зависимости от действий последнего ситуация здесь может усугубляться или смягчаться. В России государство взяло на себя очень много, порою игнорируя существующие законы. Это всевластие и безнаказанность государства, исходя из его роли в предшествующей командно-административной системе и по инерции, не успевая еще измениться, переходят в начальный этап формирования новой системы,

темы, в которой роль государства как качественно, так и количественно должна быть принципиально иной. Таким образом новая система создается еще со старым государством.

Государство продолжает вклиниваться в сферы, регулируемые уже другими механизмами, и не принимать активного участия там, где это необходимо. Так государство вместо того, чтобы способствовать созданию конкурентной среды, стоять на страже конкуренции, посредством использования административных методов, вклинивается в компетенцию рынка, подменяя рыночные механизмы командными. В то же время оно не выполняет свойственных ему функций. Так, государство вместо того, чтобы идти по пути снятия барьеров входа в рынок и выхода с него, создавая для этого соответствующие условия, осуществляет мероприятия, препятствующие этому. Это осуществляется посредством лицензионной деятельности государственных органов, определения льгот на производство и продажу продукции, системы льготного налогообложения и кредитования, взимания таможенных пошлин и всевозможных сборов, применения сложного порядка регистрации вновь образующихся субъектов рынка и др.

Такие формы регулирования со стороны государства экономических процессов в новых условиях неизбежно порождают ту пресловутую коррумпированность российского общества, о которой очень много говорится как в научной, так и в публицистической литературе. На наш взгляд, для того, чтобы, если не ликвидировать, то хотя бы сократить данное явление, недостаточно призывать к совести государственных чиновников, а необходимо пересмотреть роль государства в экономической жизни общества, определить направления ее изменения в процессе трансформации предшествующей системы и формирования социального рыночного хозяйства на различных ее этапах.

В то же время государство в недостаточной степени реализует те функции, которые находятся в области его непосредственной компетенции. Одной из таких функций в целях формирования рыночной системы функционирования экономики является создание ее институционально-правовой базы. От последней зависит формирование той среды, в которой функционирует общество в целом. Результативность проводимых преобразований определяется не только проводимой экономической политикой, но и во многом качеством имеющейся институциональной систем.

Отсутствие институтов, способных обеспечить нормальное функционирование рынка может проявляться, например, в

- неспособности государства выполнять свои обязательства перед обществом, перед всеми субъектами рынка и обеспечивать работу механизмов регулирования всей хозяйственной жизни общества;
- гипертрофированной доли и роли теневого сектора в экономике;
- отсутствию эффективно применяемых процедур банкротств, с одной стороны, и защиты прав собственности, с другой;
- росте коррупции, преступности и отсутствии общественного порядка в целом;
- неспособности реализации всех возможностей и источников формирования доходной части госбюджета и в неспособности противодействия лоббируемым группам в сокращении соответствующей части государственных расходов;
- накоплении разного вида неплатежей (задолженности государства организациям, гражданам, предприятий государству, другим предприятиям, организациям и своим работникам и т.д. и т.п.);
- снижении уровня доверия граждан, фирм и иностранных партнеров к государственным и негосударственным институтам, как следствии низкой оценки их способности эффективно выполнять присущие им функции др.¹⁴

Безусловно создание полноценной институционально-правовой системы, адекватной новому типу хозяйствования, является задачей последующих этапов его формирования. Формирование многочисленных институтов, определяемых взаимодействием между субъектами рынка, между рынком государством и гражданами и т.д. является делом новым, требующим формирования в его сознании новых стереотипов этих отношений.

Однако уже на первом этапе могут быть созданы новые институционально-правовые структуры (безусловно, требующие в дальнейшем своего совершенствования), обслуживающие определенные аспекты и уровни этих отношений. Уже сейчас таковыми могут быть институты, стоящие на защите легальных правомочий собственности; заключенных между субъектами рынка договорных отношений; следящие за неукоснительным исполнением государственной властью собственных законов и обязательств (и прежде всего в финансовой и бюджетных сферах) и др.

¹⁴ Попов В. Сильные институты важнее скорости реформ. - Вопросы экономики, 1998, №7, с. 56

Так в целях охраны прав собственности (которая практически отсутствует в настоящее время) должна быть создана жесткая система ответственности за эффективное управление собственностью, предполагающая ужесточение норм ответственности руководителей предприятий за это перед акционерами, трудовым коллективом, государством (для государственных предприятий). В целях ограничения всевластия директора необходимо участие трудовых коллективов, мелких акционеров в органах управления корпорациями.

Как показывает практика, в тех постсоциалистических странах, где государство эффективно защищало, например, легальные правомочия собственности, где оно устанавливало прочные административно-правовые барьеры для теневой экономики, коррупции и т.п., разнообразные кризисы, расшатывающие экономику и социальную сферу не столь часты и глубоки, а продолжительность переходного периода не столь велика.¹⁵

Одним из важнейших принципов социально ориентированной рыночной экономики, как уже было отмечено, является принцип социального партнерства. Однако требовать уже на первом этапе трансформации наличия развитых форм такого партнерства, используемых в странах с данным типом хозяйствования, представляется преждевременным. Нахождение и применение более совершенных форм компромисса между социальными группами, соответствующих более высокому уровню экономического и социального развития, объективно возможно лишь на завершающем этапе трансформации. Что же касается первого этапа, то здесь, как нам представляется, можно выработать и по возможности использовать приемлемые конкретные формы такого партнерства. Одной из таких форм его являются, например, ежегодные тарифные договоры между работодателями и работниками.

Таким образом, нельзя сказать, что российское государство в необходимой мере выполняет функции соучастника в действиях, которые направлены на нормальное зарождение и развитие рыночных отношений в российской экономике, является инструментом нормальной деятельности независимых субъектов рынка, и предпринимает достаточные меры по защите предпринимательства, прав граждан (и прежде всего экономи-

¹⁵ Тамбовцев В. Институциональная динамика в переходной экономике. - Вопросы экономики 1998, №5, с. 39

ческих). В ближайшей перспективе требуются существенные изменения в местоположении государства в социально-экономическом процессе. Оно должно превратиться в активного участника соответствующих социально-экономических процессов с устойчивыми предпочтениями в экономическом и социальном развитии, диктуемыми принципами социально ориентированной рыночной экономики.

Итак, на основе вышесказанного представляется неправомерным характеризовать социально-экономическое состояние России на пороге XXI века как сложившуюся систему. Российское общество и экономика находятся на начальном этапе становления нового типа хозяйствования, которое носит болезненный характер и сопровождается глубокими противоречиями, в значительной мере обусловленными не эволюционным характером смены одной социально-экономической системы другой "закостенелостью" предшествующей командно-административной системы.

М.А. Пивоварова

Система неформального капитализма в России

Сложность и многомерность общественного бытия, наличие разнонаправленных тенденций, интересов, особенностей индивидуального видения, обуславливают плюралистическое понимание социально-экономической системы, сложившейся в России на рубеже веков, различие ее критериев и оценок. Плюрализм и многовариантность находят многообразные воплощения в хозяйственной, социально-культурной, политической и др. сферах российского общества и становятся неотъемлемой чертой теоретической парадигмы, без учета которой невозможна выработка адекватной концепции развития.

В процессе теоретического освоения новой российской реальности ученые делают акценты на различных ее сторонах. Соответственно сложившаяся система получает различные наименования: государственно-корпоративная модель капитализма, мутантный капитализм (А.В. Бузгалин), примитивный олигархический капитализм (А.Н. Нестеренко) и др. С данными определениями следует согласиться. Делая акцент на разных моментах, они достаточно полно характеризуют сложившуюся социально-экономическую систему. Обратим внимание на один момент – на неформальный характер капитализма в России¹.

Неформальный характер российского капитализма означает его несоответствие существующей сегодня модели постиндустриального капитализма. Однако, на наш взгляд, он полностью соответствует ранним стадиям индустриального капитализма с его огромной внутренней напряженностью и конфликтами, нещадной эксплуатацией, хищническим использованием ресурсов, сдвигами в экономическом положении отдельных лиц и социальных групп.

Неформальный характер российского капитализма проявляется в смешении различных форм хозяйствования. Постепенно создается смешанная экономика. Однако это не традиционная система, которая предполагает сосуществование и конкуренцию разных секторов хозяйства: государственного, корпоративного, кооперативного, частного. Четкое выделение гра-

¹ Понятие «неформальный», как и любое другое, имеет множество смыслов. Это и несоответствующий существующей норме, неформальный, не соблюдающий установленные правила и т.п.

ниц между ними практически не происходит. Складывается сложная система отношений, переплетенных таким образом, что разъединить (выделить) отдельно каждый сектор можно только в аналитических целях.

В связи с тем, что в российской экономике недостаточно специфицированы права собственности, усиливается господство смешанных и размытых промежуточных форм, когда нельзя точно определить, государственное это предприятие или негосударственное. Нередко собственность принадлежит одному субъекту, использует ее другой, а ответственности не несет никто. Жесткое разграничение форм собственности оказывается слишком формальным и оторванным от реального положения дел.

Неформальный характер российского капитализма проявляется и в специфической роли государства.

Исторически основная часть рынков, как было обобщено К. Поланью, складывалась не помимо государства или вопреки ему, а при его непосредственной поддержке². Д. Норт пишет, что «в исторической ретроспективе рост экономик происходил в институциональных рамках обществ, активно использовавших принуждение. В странах с высоким доходом не бывает политической анархии»³. Современный рынок также не автономен от действий государства. Известно, что демократическое западное государство защищает рыночные институты во много раз надежнее, чем любое тоталитарное или олигархическое государство «третьего мира». Либеральное государство, как правило, сильнее нелиберального, потому что полнее выражает интересы всего общества. Эта сила либерального государства — один из источников долговременного подъема западной цивилизации.

В ходе трансформационных преобразований государство должно играть двойственную роль. С одной стороны, оно должно отстраниться от участия во всех сферах народного хозяйства, которые в развитых экономиках регулируются рынком. С другой стороны, оно должно выполнять ряд задач по трансформации экономики, чтобы сделать возможным движение по рыночному пути. Среди задач трансформации выделяются: институциональное обновление, стабилизация, либерализация,

² См. Поланью К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары. Труд земли и деньги. // Thesis. 1993. Том 1. Вып. 2. С. 10.

³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Под ред. А.Н. Нестеренко. М.: Начала. 1997. С. 31.

развитие рынка факторов производства, выработка структурной политики, формирование правового государства, защищающего все сферы жизни и др.

Формально российское государство переуступило многие права собственности в пользу предприятий. Но это не означает, что оно «ушло из экономики». Государственные органы не отказались от вмешательства в хозяйственную деятельность. Они осуществляют надзор, регулируют доступ к ресурсам, устанавливают льготы, оказывают селективную поддержку, обеспечивают защиту хозяйственных ресурсов. Непрерывно происходит согласование и соответствующие изменения условий хозяйствования с целью получения дополнительных выгод. Однако при этом эффективный контроль за деятельностью предприятий (в том числе формально остающихся собственностью государства) утрачен.

Налоговое и административное давление государственных структур на деятельность предприятий иногда превращается в механизм, побуждающий предпринимателей вступать в неформальные отношения с представителями власти, стремиться получить индивидуальные привилегии и льготы. С другой стороны, подобное давление способствует вовлечению самих представителей государственной власти в полукommerческие и «теневые» операции. Многие бюрократические услуги начинают осуществляться на неформальном уровне.

При обсуждении роли государства его часто рассматривают как некий монолит, как единый субъект, который проводит ту или иную политику. Государственная власть осуществляется через совокупность различных институтов и организационных структур. И представители государства нередко проводят в жизнь свои собственные интересы, которые могут весьма сильно отличаться от заявленных государственных интересов. Не смотря на многовековое доминирование государственного начала, в нашей стране так и не сформировалась действенная и социально ответственная бюрократия. Отсюда высокий уровень ее коррумпированности.

Российская хозяйственная реальность соответствует сегодня предположениям, сделанных в свое время Ф. Бемом (видным представителем ордолиберализма). Он писал, что при отсутствии или недостаточных масштабов конкуренции и невмешательстве государства в экономику власть сосредоточится у отдельных частных лиц, способных осуществлять интервенции в экономику. В результате в обществе происходит «дикая феодализация». При этом «сложится слабое, во все вмешива-

вающиеся государство, которое станет игрушкой в руках противоборствующих организованных групп интересов, ручное государство с необычайно хорошими социальными намерениями, использующее, однако, для выполнения этих намерений трубу, в которую можно дуть, как хочешь, безо всякой надежды, что труба воспроизведет именно ту мелодию, которую ты хочешь на ней сыграть»⁴.

Неформальный характер российского капитализма проявляется и в существовании т.н. «неформальной экономики». Имеет место примат персонифицированной связи над общим формальным правом.

Неформальную экономику можно рассматривать в двух аспектах. С одной стороны, это сектор хозяйства, противостоящий формальному сектору. Он не является единым пространством, состоит из множества неоднородных сегментов: чисто криминальных (продажа наркотиков, оружия и т.п.), полуправовых «серых» и др. С другой стороны, можно выделить хозяйственные отношения, не фиксируемые в законах, договорах и бухгалтерской отчетности и пронизывающие все виды деятельности.

Можно предположить, что даже если неформальный сектор будет постепенно сокращаться, то неформальные отношения еще долго будут сохранять свою роль. В не последнюю очередь это связано с отсутствием соответствующих правил поведения, правовой культуры и т.п.

Экономическое начало в общественной системе реализуется не само по себе, а в сложнейшей взаимосвязи и взаимодействии с сопредельными явлениями и отношениями (политическими, социальными, этническими, правовыми и т.п.). Существует определенная согласованность всех явлений общественной жизни. Поэтому социально-экономические изменения могут быть плодотворными и устойчивыми, если опираются на определенные социальные механизмы.

Еще А. Смит отмечал, что социальный и экономический прогресс не носит автоматического характера. Экономический прогресс, как он считал, присущ «естественному» состоянию общества. Но для его реализации и поддержания необходимы определенные условия. Он был первым экономистом, положившим определенное представление о человеческой природе в основу целостной теоретической системы. Его «нато

⁴ Концепция хозяйственного порядка: учение ордолиберализма / Общ. ред. К. Херманна-Пиллата. М.: Фонд «За экономическую грамотность» 1997. С. 219.

оэкономический» («человек экономический»), как воплощение рационально мыслящего активного субъекта исторического процесса, — это наделенный индивидуальной свободой «естественный человек», стремящийся к удовлетворению своего разумно понятого материального интереса. Последний, однако, может быть реализован лишь за счет оказания услуг другим людям. В результате через объективный механизм рынка достигается общее благо.

Частный интерес, согласно А. Смиту, становится движущей силой экономического прогресса, если всем обеспечены равные условия для его проявления. Когда же этого нет, когда частный интерес пытаются реализовать за счет других, тогда он приобретает значение, неблагоприятное для общества. А. Смит не идеализировал предпринимателя. Он отмечал, что конечной целью всех проектов обладателей капитала является прибыль. Вместе с тем норма прибыли, как правило, находится в обратной зависимости от общественного благосостояния. Соответственно интересы купцов и промышленников могут быть использованы в меньшей степени в интересах общества. Они обычно заинтересованы в том, «чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его», пытаясь ограничить конкуренцию⁵.

Для экономического прогресса гражданам и правительству следует соблюдать комплекс определенных условий. Так, государство должно препятствовать развитию монополистических тенденций, не раздувать расходы на содержание армии и чиновничьего аппарата, обязано обеспечивать политическую стабильность, соблюдение законов. При этом наиболее эффективная политика государства — это политика, основанная не на сиюминутных выгодах и предпочтениях, а на твердых принципах и чувстве ответственности перед народом. В свою очередь граждане должны строго придерживаться определенных юридических и моральных норм, включая трудовую этику и т.д.⁶ В случае игнорирования этих условий, влияющих на динамику валового национального продукта, А. Смит допускал возможность застойного и регрессивного состояния общества.

На роль социальных, культурных, правовых факторов обращал внимание и Т. Мальтус в «Опыте о законе народона-

⁵ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. М.: Соцэкгиз 1962. С. 195.

⁶ А. Смит проявлял особый интерес к поведению участников рыночных операций. Он — автор не только «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), но и «Теории нравственных чувств» (1759).

селения» (1798). Он писал, что «...ни одна английская колония не достигла заметного благосостояния до тех пор, пока ее население не усваивало себе новых привычек и нравов, пригодных для окружающих условий»⁷.

Особую остроту вопрос социальных механизмов трансформационных преобразований приобретает в России, где за исключением двух-трех десятилетий конца XIX – начала XX вв. и времен нэпа не было опыта капиталистических (рыночных) и демократических отношений. В настоящее время предприниматели, чиновники, а также большая часть населения психологически и морально не достаточно готовы, чтобы воспринять новые социально-экономические реалии.

Многие исследователи считают, что современные социально-экономические преобразования чужды российской культуре. Так, известный философ А. Ракитов еще в 1992 году отмечал, что трансформация российского рынка в рынок современного капитализма требует новой цивилизации, и соответственно радикальных изменений в ядре нашей культуры⁸.

Сегодня в российской хозяйственной практике скорее реализуется модель человека И. Бентама (либерального философа и правоведа), предполагающая вполне конкретный тип поведения. С одной стороны, происходит отождествление человека с совершенным калькулятором. С другой стороны, имеет место пассивно-потребительская ориентация. Бентам подчеркивал, что всякая реальность интересует человека лишь тогда, когда ее можно с пользой для себя употребить. «Бентамовский человек» нацелен на немедленное потребление (будущие удовольствия учитываются с меньшими весами, чем настоящие), а сфера производства его интересует мало⁹.

Сегодня новые общественные отношения нередко претворяются в жизнь в извращенных формах, сопровождаются в отдельных местах прямым восстановлением старых порядков. Резкая смена общественных приоритетов обуславливает ложное понимание их истинного содержания.

Нечто подобное имело место в России в 20-е годы. Известный государственный деятель и экономист Ю. Ларин, изучив документы судебных процессов 1922-1927 гг., охарактеризовал первоначальное накопление капитала в стране как хищ-

Антология экономической классики М. «ЭКОНОМ», 1993 С.31

⁷ См. Вопросы философии 1992 №5 С. 67.

⁹ См. Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. /Редкол. В.А. Жамин и др. М. Экономика 1989 С.210.

ническое. «История буржуазного накопления в СССР в первый его период есть... прежде всего история буржуазного воровства в разных видах и формах»¹⁰. Среди способов и методов накопления капитала он выделяет лжегосударственную форму деятельности частного капитала (частный предприниматель, являясь государственным служащим, пользуется соответствующими льготами, низкой оплатой социального страхования, т.е. всеми преимуществами государственного органа); приобретение государственных неликвидных фондов на льготных условиях из-за головотяпства госорганов; взаимоотношения частного капитала и госорганов, основанное на злоупотреблениях; хищническую аренду; систему перекупок; контрабанду; участие в государственных займах и систему государственного кредита; валютные операции.

Неформальные хозяйственные отношения связаны, с одной стороны, с тем, что законодательная база российской экономики несовершенна. Принятие насущных законов растягивается на годы. С другой стороны, важное значение имеет уровень правовой культуры. Согласно советским юридическим традициям, право не воспринималось как механизм урегулирования конфликтов. Всегда существовало недоверие к возможностям толкования законов со стороны их исполнителей – судов. Стало фольклором выражение: «судить по совести, а не по закону».

В результате нормой становится то, что принятые законы часто не исполняются. Предприниматели, официальные лица и население относятся к ним достаточно пренебрежительно. По данным социологических опросов многие предприниматели соблюдают законы «по мере возможности», т.е. если они не препятствуют хозяйственной деятельности. Иногда и представители органов государственной власти нарушают конституционные основы и федеральное законодательство. Определенные правовые формы хозяйствования часто не реализуются, так как не доведены до уровня нормативов. Пока не признана самоценность правовой безопасности как антипода справедливости. Реализация права ограничивается и тем, что «доступ» к лицу, принимающему решение, часто является главным конкурентным преимуществом.

Наиболее распространенным примером несоблюдения установленных формальных правил является уклонение от уплаты налогов. Так, своевременно и полностью все налоги упла-

¹⁰ Ларин Ю. Частный капитал в СССР// Антология экономической классики С.438

чивают примерно 1,5% российских предприятий. Около двух третей скрывают свои доходы частично. Около одной трети предприятий вообще уклоняются от уплаты налогов. В области личных доходов в среднем одна четверть не включается в налогооблагаемую базу¹¹.

Уклонение от налогов превратилось в устойчивую норму поведения. В качестве общепринятых оправданий используются рассуждения о непосильном налоговом бремени и грабительской сущности российского государства. Распространено мнение, что, уплачивая все налоги, жить попросту нельзя. Благодаря такой снисходительности общественного мнения, уклонение от уплаты налогов считается до известной степени невинным. Невыполнение своих обязательств предпринимателями (неплатежи поставщикам, невыплата заработной платы и т.п.) или несвоевременная уплата коммунальных платежей населением завершают общую картину.

Подобное поведение становится необходимым элементом хозяйственной стратегии. Возникают новые рамки хозяйственного поведения, и формируются соответствующие неформальные стратегии хозяйствующих субъектов, имеющие весьма ограниченный временной горизонт.

Имеются трудности и в регулировании взаимоотношений между хозяйствующими субъектами. Деловые контракты очень часто не соблюдаются со ссылками на «объективные причины». Высока степень неопределенности в хозяйственных отношениях. Так, с нарушениями деловых соглашений в своей повседневной хозяйственной деятельности сталкиваются 82% руководителей, в том числе часто - 32%¹².

Хозяйство, построенное на договорных отношениях и разделении труда, требует присутствия некоей третьей стороны, чтобы договоры могли быть эффективно реализованы. Как пишет Д. Норт: «...сложное взаимодействие между людьми трудно поддерживать без третьей силы, следящей за тем, как стороны

¹¹ См.: Глинкина С. К вопросу о криминализации российской экономики // *Politikon*. 1997. № 1. С. 50; Глинкина С. Особенности теневой экономики в России // *Независимая политэкономия*. Март 1998. № 5. С. 5; Яковлев А. Анатомия безденежья // *Эксперт*. 1999. № 3. С. 27-30.

¹² См.: Радаев В. В. Формирование новых российских рынков транзакционных издержек, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических исследований. 1998. С. 117.

выполняют условия соглашений»¹³. Вместе с тем, в российской хозяйственной практике субъекты (арбитражные суды, общественные объединения), которые должны предохранять от проявления деловой необязательности, выполняют свои функции недостаточно эффективно. Соответственно распространяются неформальные формы контроля за разработкой соглашений и выполнением принятых обязательств, организуемые непосредственными участниками хозяйственных операций. Формой подобного контроля становятся принудительные санкции, вымогательство и т.п. В результате этика соблюдения деловых соглашений во многом зависит от соотношения сил, которые стоят за предпринимателями. Прямое насилие может и не применяться. Но явные или неявные намеки и угрозы возможного силового вмешательства становятся обычным способом подкрепления контрактных отношений.

Хозяйственное взаимодействие предполагает взаимное доверие. Реализация личных интересов всех участников деловых операций основывается на соблюдении определенных правил всеми. Однако известно, что наибольшую выгоду хозяйствующий субъект может получить при одностороннем нарушении правил (это т.н. «дилемма заключенного»). Как только все перестают придерживаться правил, ситуация ухудшается для всех. Поэтому необходим индивидуальный отказ от наибольшей собственной выгоды. Подобный отказ опирается на моральные обязательства, которые могут иметь эмоциональную, идеологическую, религиозную основу или правовую культуру. Если учитывать наследие советского периода, то в России имеется дефицит идеолого-религиозных связей.

Законы и другие регулирующие нормативные акты можно изменить относительно быстро путем принятия политических или юридических решений. Духовный элемент менее восприимчив к сознательным человеческим усилиям. Для формирования соответствующих социальных механизмов необходимо время. По меркам человеческой жизни 10 – 15 лет трансформационных преобразований в России – период огромный. Однако переход на новый уровень социально-экономических отношений и связанное с этим изменение общественного сознания предполагают большего временного периода, а часто и огромных жертв. Считается, что срок естественной адаптации общества к новым условиям составляет продолжительность активного периода

¹³ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. С. 31.

жизни одного поколения, т.е. 25-40 лет. А для стабилизации общественного сознания требуется 60-70 лет, т.е. жизнь одного поколения¹⁴. В качестве примера можно привести библейского Моисея, которому потребовалось почти 40 лет водить евреев по пустыне для того, чтобы умер последний, родившийся в рабстве. Наглядным является и пример Петра 1, которому для перехода к новому типу социально-экономических отношений пришлось спомать сословную систему правления, произвести перестройку всех сторон человеческой жизни вплоть до внешних ее признаков (бород, одежды, обычаев и т.п.).

Социально-экономическая система не есть нечто застывшее. Идет постоянный и непрерывный процесс преобразования экономических, социальных, культурных и др. условий. Ведется работа по превращению российской экономики в «экономику формального контракта», подкрепленного силой закона и эффективной деятельностью «третьих лиц», выполняющих судебные и арбитражные функции.

Постепенно происходит формирование деловой этики. Этому способствуют профессиональные деловые сообщества, которые объединяют предпринимателей, занимающихся сходными видами деятельности, а также деловые союзы, поддерживающие постоянных хозяйственных связей. Подобные структуры призваны содействовать обмену информацией и взаимными услугами, утверждению деловой репутации. Репутация фирмы, предпринимателя, менеджера, чиновника должна стать важным дополнением к силовым возможностям, а со временем — и главным условием деловых контактов.

Неформальные взаимоотношения свидетельствуют об инициативе и приспособляемости хозяйствующих субъектов к сложным условиям. Даже в мелких вопросах требуется проявлять чудеса изворотливости. И может быть склонность к неформальным отношениям, недоверие к государству, неприятие иерархичности и бюрократизма станут основой для формирования нового социального механизма, адекватного постиндустриальному капитализму.

¹⁴ См.: Морозов В. Прощай, империя. Экономика распада М.: НП Редакция ж. «Вопросы экономики» 1999 С. 134